ІОСИФЪ
ВЪ
ДЕВЯТИ ПѢСНЯХЪ
СОЧИНЕНІЯ
Г. БИТОБЕ

Томъ II.

Печатанъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, 1769. года.

ІОСИФЪ.

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

* * *

Іосифъ, оставшися одинъ, погруженъ былъ долгое время въ глубокое уныніе; но вдругъ нѣкіимъ шумомъ привлеченъ онъ сталъ ко вниманію: скоро потомъ темничные отверзаются врата, и два узника приводятся въ темницу: единъ Аменофисомъ, другій Дарбаломъ назывались: они въ багряныя ризы облеченны; злато и камни драгоцѣнные, украшающіе ихъ одежду, блистаютъ въ семъ мрачномъ жилищѣ. Плачущіе отъ ярости и смущенія, хотѣли они сокрыти свои слёзы. Въ нихъ видна была гор-

дыня съ низскостію смѣшенная: то взи-
раютъ они грознымъ окомъ на воиновъ
ихъ окружающихъ, то просятъ смирен-
но ихъ покровительства: но, дерзость
и прошеніе ихъ равно были тщетны;
заключенныхъ въ темницѣ долгое время
слухъ ихъ пораженъ былъ торжеству-
ющимъ крикомъ множества людей.
Они блѣднѣютъ, и сокрывъ въ сердцѣ
своемъ злобу, умолкаютъ.

Но наконецъ отчаяніе устами ихъ
изъявляется. То взаимными упреками
они себя обременяютъ: то каждый о-
бращаетъ свою ярость на самого себя.
Дарбалъ виновнѣе еще Аменофиса, ко-
торый имъ вовлеченъ сталъ въ сію без-
дну, подобенъ былъ вепрю удержанному
въ сѣтяхъ; онъ скрежеталъ зубами;
пѣна покрывала горящія уста его; очи
его блистали пламенемъ во мракѣ, и
вопль его по темничнымъ сводамъ раз-
давался. Оба они не терпѣли быти за-
ключенны съ рабомъ во единую темницу.

Между тѣмъ Іосифъ, спокоенъ въ
нещастіи, ни единыя не произносилъ
жалобы: иногда слышны токмо были
его воздыханія. Смягченный отчаяніемъ
двухъ преступниковъ, забываетъ онъ
соб-

собственныя свои бѣдствія, хощетъ ихъ утѣшить, и обращая къ нимъ гласъ свой, коего пріятность могла бы тигровъ умягчити: „ужè долгое время, рекъ онъ имъ, обитаю я безвинно въ семъ жилищѣ . . ."

„Невольникъ! прерываетъ Дарбалъ страшнымъ гласомъ, или дерзаешь ты сравнится съ нами? иль много мѣсто сіе разнствуетъ съ тою хижиною, въ которой ты жилъ прежде? избавясь отъ работы, еще ли не блаженъ ты, могущи здѣсь покоемъ наслаждатися?"

Умолкаетъ Іосифъ. „Не взирая на ихъ злодѣянія, рекъ онъ самъ въ себѣ: я жалѣю о судьбѣ ихъ, но они на гонимую не сжалятся невинность! Гдѣ ты сладкій гласъ дружества, изливающій въ сердце мое нѣкую отраду, гдѣ и вы о нѣжныя узы, подкрѣпляющіе трость слабую колеблемую вихремъ?" Сіе ему вѣщающу, слезы изъ очей его ліются.

Но превѣчный, съ высоты того престола, съ коего единою точкою вся кажется вселенная, остановляетъ на сей землѣ взоры свои, проницающіе паче дневнаго свѣтила, коего лучи пронзаютъ глубочайшія бездны. Небесные

круги, подобные стѣнѣ непрестанно движущейся, не закрываютъ отъ него ни единаго вида, и во звучномъ оныхъ гласѣ, составляющемъ единую пѣснь съ безплотными, слышитъ онъ воздыханіе каждаго несѣкомаго, и паденіе листа въ семъ отдаленномъ кругѣ. Въ сей часъ не взираетъ онъ ни на царскіе чертоги, ни на окровавленные трофеи, ни на красоту природы, ни на бѣдную сѣнь, на которую онъ часто взоръ свой обращаетъ, ни на самаго мужа праведна, живуща во блаженствѣ. Величайшее зрѣлище привлекаетъ его вниманіе; добролѣтель сражается съ нещастіемъ, и надъ онымъ торжествуетъ. Когда Аменофисъ и Дарбалъ ругаются Іосифу, тогда превѣчный взираетъ на сіе сквозь непроницаемые темничные своды. Малое для зрѣлища мѣсто, но для таковаго зрителя пространнѣйшее всея вселенныя! Въ самое то время разительные виды представляютъ Іосифа небесному воинству; оно услышало его воздыханія, и узрѣло его слезы. Настаетъ велія тишина на небесахъ; прекращается пѣніе; пріятное сожалѣніе объемлетъ всѣхъ безсмертныхъ, и изъ всѣхъ

всѣхъ очей текутъ такія слёзы, каковыя въ блаженномъ жилищѣ проливаются. По семъ единомъ воззрѣніи превѣчнаго, Іосифъ престаетъ воздыхати, остановляются его слёзы, и удивленному его взору представляется отверстый видъ пути веселаго: тако, при первыхъ лучахъ свѣтила, оживляющаго міръ, оживотворяется природа, преходящія тѣни отлетаютъ, веселіе въ рощи возвращается, и каждую минуту восхищенное око зритъ новую пріятность.

Между тѣмъ безсмертное воинство, подъемля очеса свои ко престолу превѣчнаго, объ Іосифѣ моленія приноситъ. Скоро облака, окружающія свѣтозарный престолъ, разверзаются, и даютъ путь пріятному свѣту, веселящему всю природу, и гласъ, несравненно сладостнѣйшій пѣнія безсмертныхъ, произноситъ сіе слово. „Восхотѣхъ премудрость искусити нещастіемъ; восхотѣхъ повѣдати землѣ, что въ юности можетъ человѣкъ быти непороченъ, и явити небесамъ, что умаленный отъ Ангеловъ человѣкъ, можетъ имъ быти равенъ, естьли онъ въ злополучіяхъ своихъ невинность сохраняетъ. Нынѣ,

силою изъ небытія въ бытіе свѣтъ приведшею, да превратится злое во благое, и да познаютъ ропщущіе десницу мою, никогда праведнаго неоставляющую. Рекъ онъ, и ходатайствующаго Египту духа, Итуріила къ себѣ призываетъ.

Въ срединѣ Абиссиніи, окруженный неприступными каменными горами, подобными уединенному, древнему и листвія лишенному лѣсу, пребывалъ сей духъ близъ Нилова изходища. Какъ прекрасное древо, творящее плоды утоляющіе жажду, возвышается едино въ пустынѣ, и подъ тѣнь его приходитъ иногда мудрый, градскаго бѣгущій шума наслаждатися тишиною: тако сей источникъ плодовитый протекалъ среди неплодныхъ камней. Никогда не проницалъ туда смертный, и духъ, по примѣру Божества, невидимъ былъ человѣку, дарами его обогащенному. Дикіе камни, журчащія воды, кои не обращаютъ на себя несмысленнаго человѣческаго ока, открываютъ ему величество Создателя; сіи камни по виду неодушевленные, изобилуютъ живыми тварьми, и изъ изходища сего всѣ сокровища Египта истекаютъ. Иногда, разрушивъ суще-

существа даже до ихъ первыхъ стихій, паритъ онъ вверьхъ, и носится по пространству всея вселенныя: потомъ, пріявъ отдохновеніе отъ пути человѣкомъ неизмѣримаго, и спокоясь у водъ Ниловыхъ, око его теряется въ мірѣ равно неизмѣримомъ, въ мірѣ малѣйшихъ произведеній природы.

Внемля гласу превѣчнаго, возлетаетъ онъ быстро къ небесамъ, достигаетъ до престола величія, и предъ онымъ простирается. Пріявъ вышнее велѣніе, распускаетъ крылія свои, и ввергается въ безконечное пространство, отверстое стопамъ его. — Прелетаетъ вселенную, и колико видитъ міровъ, толико важныхъ мыслей вдругъ въ немъ раждается. Съ высоты солнца, гдѣ на единъ мигъ остановился, зритъ онъ сей шаръ, покрытый густою тьмою суевѣрія и злодѣянія, зритъ онъ смертныхъ ходящихъ въ семъ мракѣ, терзаемыхъ лютыми страстьми, подобныхъ мравіямъ въ темныхъ разсѣлинахъ камня движущимся. Онъ слетаетъ съ солнца, и сіяніемъ своимъ кажется самъ отторгшеюся свѣтила сего частію. Между тѣмъ окруженный

облакомъ, достигаетъ онъ до темницы Іосифовой: едва тамо онъ является, ужè темничные отверзаются врата: входитъ онъ: нѣкій блескъ освѣщаетъ мрачные своды, и благоуханіе въ семъ жилищѣ распространяется: казалось, что аврора, поля̀ въ ту минуту освѣщая, принесла въ сіе страшное мѣсто свой пріятнѣйшій свѣтъ и сладчайшія свои ароматы. Онъ приближается къ Іосифу спящему спокойно; взираетъ на него; провидящее око его не останавляется на той бренной поверьхности, на которой любопытство наше претыкается: но, какъ видимъ мы злато, катящееся по дну чистаго ручья, тако видитъ онъ добродѣтели Іосифовы въ ихъ источникѣ; онъ зритъ оныя разливающіяся въ непорочномъ его сердцѣ, текущія нѣкіимъ образомъ во всѣхъ жилахъ его, и всѐ существо его оживляющія; чудится сему зрѣлищу; никогда не зналъ онъ смертнаго толикаго цѣломудрія и великодушія: потóмъ обращаетъ онъ очи свои на Аменофиса и Дарбала, не толь спокойнымъ сномъ тогда уснувшихъ.

Въ сіе время не много отъ младенчества свѣта удаленное, когда Богъ удостоивалъ людей своимъ явленіемъ: въ сіи послѣдніе слѣды дней благополучныхъ, когда человѣкъ забывалъ, что небо отъ земли удаленно, сны часто священными предвозвѣстниками были: они награждали слѣпое наше невѣжество; будущее изображалось въ нихъ подъ нѣкіими извѣстными знаками; и когда чувства обременяемы были сномъ подобіемъ смерти, тогда душа казалась оставляти оживляющееся ею тѣло, возлетати къ небесамъ, и судьбѣ смертныхъ и царствъ поучатися.

Іосифъ пріобыкши возставать съ авророю, отверзаетъ очи свои, видя пріятный блескъ, и сладкое обоняя благоуханіе, чаетъ пренесенъ быти въ нѣкую веселую рощу. Оба его союзники еще не пробуждались: сонъ радостный являлся Аменофису, но Дарбалъ въ печальное мечтаніе быти ввержень казался. Оба они востали въ единое время. „И самая нощь, рекъ Аменофисъ, умножаетъ мое нещастіе, изображая мнѣ дни моего благополучія. Видѣлъ я во снѣ моемъ виноградъ предъ собою, въ вино-

винограде же три лѣторасли. Гроздія онаго изжалъ я въ чашу Цареву, и далъ ея въ руку его, слѣдуя сану моему. Въ са́мое то время, какъ обратилъ на меня Царь веселое око, и принималъ чашу изъ рукъ моихъ, я пробудился, и суди о моемъ отчаяніи, я обрѣлъ себя паки въ сей темницѣ!,, Едва онъ слова̀ сіи окончалъ, ужѐ стоящій возлѣ Іосифа Итуріилъ, произнесъ нѣкія слова̀ сладостнымъ гласомъ своимъ, подобнымъ пріятному вѣянію тишайшаго зефира, коимъ листвія едва возколебатися могутъ.

Іосифъ удивленный новыми мыслями, въ разумѣ его раждающимися: ,, Сонъ твой поразилъ меня толико, рекъ онъ Аменофису, что я не сумнюся объ откровеніи мнѣ въ сію минуту будущаго, посредствомъ нѣкоего вышняго ума. Я радуюся нынѣ возмогши разгнать души твоея смущеніе. Три лѣторасли суть три дни, по скончаніи коихъ возвратитъ тебѣ Царь милость свою, и поставитъ тебя на прежнее достоинство. По сихъ словахъ Аменофисъ, восхищенный радостію, забываетъ гордость свою, устремляется къ невольнику, объемлетъ его, и кленется ему извлещи его изъ тем-

темницы въ тотъ самый часъ, когда возможетъ онъ творити людямъ благо своею у Царя силою.

Тогда Дарбалъ преставъ страшитися, и лаская себя подобнымъ щастіемъ: „Юный, сновъ толкователь! рекъ онъ Іосифу, внемли моему сновидѣнію. Видѣлъ я три кошницы, наполненныя хлѣбомъ на главѣ моей, птицы небесныя слеталися къ нимъ отвсюду; воздухъ возмущенъ былъ ихъ сраженіемъ, и страшный крикъ ихъ поражаетъ еще слухъ мой." Рекъ онъ, и толкованія нетерпѣливо ожидаетъ.

Итуріилъ открываетъ въ другой разъ будущее Іосифу, который блѣднѣя и жалостію терзаясь умолкаетъ. Дарбалъ побуждаетъ его вѣщати таинство. „Не вопрошай меня, рекъ младый невольникъ, опасно иногда проницати мракъ закрывающій судьбу нашу!..." „Я хощу сего, я повелѣваю, прерываетъ Дарбалъ рѣчь его, вѣщай, хотя бы ты и смерть возвѣстити мнѣ былъ долженъ." „Не всегда приходимъ мы ко смерти путемъ цвѣтами испещреннымъ!" Отвѣщаетъ умиленный Іосифъ. Тогда гордый Дарбалъ вознося грозный гласъ свой: „есть-

ли ты помедлишь еще единую минуту, рекЪ онЪ, то извлеку духЪ твой." „Ты хощеши сего! отвѣщаетЪ сЪ кротостію ІосифЪ. Вѣдай . . . что по трехЪ дняхЪ . . . постигнетЪ тебя казнь." Произнося сіи слова, кажется онЪ судіею исполненнымЪ человѣчества, который осуждая преступника воздыхаетЪ. ДарбалЪ блѣднѣетЪ, трепещетЪ, колеблется, и упадаетЪ кЪ ногамЪ юнаго невольника, который раздражаемЪ былЪ его гордостію. ИтуріилЪ сокрылся: сЪ нимЪ отлетаетЪ пріятный блескЪ темницу освѣщающій, подобно вечерней зарѣ во мракѣ угасающей. Протекли три дни, АменофисЪ возпріемлетЪ прежній санЪ свой, а ДарбалЪ отводится на казнь.

ІосифЪ, оставшися одинЪ, чудится исполненію своего толкованія. ОнЪ мнитЪ, что превѣчный будущее ему открывая, не вовсе его еще оставилЪ. Между тѣмЪ хощетЪ онЪ проникнуть мрачную нощь собственную его судьбу сокрывающую. АменофисЪ, упоенный новымЪ своимЪ благополучіемЪ, и отвлеченный веселіемЪ и забавами отЪ несчастнаго, забылЪ обѣщаніе свое Іосифу:

но

но Итуріилъ, сталъ уже самъ ходатаемъ его.

Нощь, раздѣляющая съ солнцемъ владычество міра, приближалась тихо, и горы, долины, пастырскія хижины, и грады, смѣшенные во мракѣ, представляли тогда взору видъ печальный и единообразный. Царь Фараонъ въ глубокіи сонъ былъ поверженъ: чертоги его окруженные стражею, для смертныхъ были неприступны: но Ангелъ Египта нося божественное велѣніе, проницаетъ, сквозь стражу во внутренніе чертоги, и невидимый никѣмъ приближается къ спящему Монарху, и подъ страшными изображеніями будущее ему представляетъ. Устрашенный Царь пробуждается, и не можетъ на одрѣ своемъ обрѣсти покою. Смущеніе его не разгнало пришествіе дневнаго свѣтила; онъ возстаетъ въ тотъ часъ, въ который сонъ бѣжитъ отъ очей селянина, и призываетъ къ себѣ Пентефрія и всѣхъ знатныхъ вельможъ своихъ.

Въ срединѣ Ливіи стоитъ храмъ, древностію всѣхъ прочихъ превозходящій; оный былъ суевѣрія жилищемъ: нечистое сего чудовища дыханіе премѣнило сіи прекрасныя

красныя мѣста на знойные пески: оно избрало сіе уединеніе для того, чтобы лучше сокрыти обманъ свой, и привлещи къ себѣ смертныхъ силою любопытства. Гордость, страхъ и лукавство суть служители его владычія. Тусклый огнь горитъ въ его очахъ. Смущенно, безпокойно, и зная, что нѣкогда, изгнанно сущи отъ земли, повергнется паки во адъ, изъ коего оно вышло; держитъ въ рукахъ своихъ темную завѣсу, коею очи смертныхъ покрываетъ, и о средствахъ власть свою продолжити помышляетъ. Въ то время люди ходили во Египетъ принимати его предвѣщаніе, и изъ нѣдръ сея пустыни разливался ядъ по всей поверьхности земли. Часто возлѣ самыхъ Царей сидѣло оно на престолѣ.

Едва познало оно смущеніе Фараоново, уже всѣхъ сказателей и столповъ своего владычества во едино мѣсто собираетъ. Всѣ они шествуютъ къ царскимъ чертогамъ, одни смѣяся безумію людскому, а другіе погрязши въ предразсудкѣ, сами собою обмануты были. Вступаютъ они въ домъ Царя своего, и онъ унижаетъ себя повѣдати имъ сны, душу его возмущающіе.

Но,

Но, о чудо! мертвѣютъ сказатели; уста ихъ, толико лестію изобилующіе, долгое время не отверзались; подвигнуты силою Итуріила, въ первый разъ воздаютъ они истиннѣ свидѣтельство, и признаются, что непроницаемая завѣса будущее отъ нихъ сокрываетъ. Тогда духъ возбуждаетъ воспоминаніе объ Іосифѣ въ душѣ Аменофиса, который приступя къ Царю, возвѣщаетъ ему, что заключенный во единую темницу съ нимъ и Дарбаломъ невольникъ, который, кажется, никоему непричастенъ злодѣянію, повѣдалъ имъ судьбу ихъ изъ сновъ ими видѣнныхъ. Тогда повелѣваетъ Царь привести къ себѣ невольника.

Іосифъ, забывъ Аменофиса и сны истолкованные собою, погруженъ былъ въ первое свое уныніе. Внезапу отверзаются темничные врата, приближаются къ нему воины, и вѣщаютъ ему волю Цареву, вести его въ тотъ самый часъ ко престолу. Удивленіе и страхъ возмущаютъ его душу: но принужденный повиноватися, колеблющимися стопами выходитъ онъ изъ темницы: многочисленные воины его препровождаютъ:

ютъ: бренное око его, къ темнотѣ пріобыкшее, едва можетъ взирати на слабый свѣтъ раждающагося дня.

Фараонъ, сѣдя на златомъ престолѣ, окруженъ былъ знатнѣйшими двора своего: чело его увѣнчанно было блистающимъ вѣнцемъ, скипетръ держалъ онъ въ своей десницѣ. Входитъ Іосифъ въ чертоги, и трепетенъ ко престолу приближается. Страшится онъ того, чтобъ не возложили на него новыя вины, и нѣкое время былъ онъ ослѣпленъ сіяніемъ величества. Но невинностію своею укрѣпленный и ободренный ходатаемъ Египта, который, невидимо леталъ надъ нимъ во облакѣ, вѣщаетъ онъ самъ въ себѣ, что сіе великолѣпіе украшаетъ токмо смертнаго; мысліювоею возвышается онъ отъ единаго міра къ другому до самаго Царя вселенныя, и тогда видимая имъ пышность, кажется ему единою мечтою. Какъ нѣкій изъ умовъ небесныхъ, естьли бъ въ видѣ человѣческомъ сошелъ на сію землю, сохранилъ бы онъ тогда вѣчную юность небесныхъ жителей, плѣнилъ бы сердца пріятностію своея юности, и пріялъ бы почитаніе приносимое старости:

сти: тако Іосифъ юнъ сущи, но бѣдствіемъ наученный является предъ симъ многочисленнымъ дворомъ. Царь взираетъ на него: колико гордость и лукавство видны были на лицахъ сказателей, толико истинна и кротость на лицѣ Іосифовомъ блистали. Суевѣріе, ласкающее себя возвышеніемъ славы своея, возмутилось, и въ нѣдра своея пустыни побѣгло. Всѣ очи на него стали обращенны; видя его забываютъ, что видятъ раба предъ собою, и толико въ сердцахъ сильна непорочность, что казался тогда Іосифъ самъ быти Государемъ. Но никто видомъ его толико пораженъ не былъ, колико Пентефрій. Прежде онъ не позналъ его; и сколь велико было удивленіе и гнѣвъ его, раба своего видя! Младый Израильтянинъ срѣтя взоры его, позналъ его въ той самый часъ; онъ становится неподвижимъ, и чувствованіе дружества и скорьби терзаютъ его душу.

Наконецъ прерываетъ Царь сіе долгое молчаніе. „О ты! рекъ онъ, одаренный отъ небесъ премудростію паче всѣхъ смертныхъ, и претерпѣвшій лютѣйшія нещастія, вѣщай, открывай

намъ будущее таинство. Присутствіе твое утверждаетъ справедливость славы твоея, и на устахъ твоихъ истинна обитати кажется. Небеса послали мнѣ въ нощь сію два сновидѣнія. Казалось мнѣ, что я по брегу Нилову гуляя, видѣлъ исходящихъ изъ рѣки седьмь кравъ тучныхъ, добрыхъ видомъ и бѣлизны прелестныя. Но другія черныя и безобразныя, и толь изсохшія, какъ смерть, послѣдуютъ за ними, пожираютъ ихъ, и сохраняютъ еще ужасный видъ свой. Возсталъ я видѣніемъ симъ устрашенный, уснулъ паки, и вторый сонъ возмутилъ мою душу. Класы златые, цвѣтущіе и зернами своими согбенные исходили изъ единаго стебля. Другіе неплодные, пустые и истонченные знойнымъ вѣтромъ, израстаютъ по нихъ, поглощаютъ ихъ и неплодными и тонкими остаются. Въ самое то время нѣкій гласъ возвѣстилъ мнѣ, что сны сіи отъ Бога суть, и что щастіе царства моего отъ нихъ зависитъ. Вѣщай! естьли дѣло идетъ о спасеніи народа моего, то можетъ быть благодѣтельное божество разумъ твой на пользу намъ наставитъ."

Тако

Тако вѣщалъ Фараонъ, и молчаніе долгое время ничемъ не прерывалось. Какъ тотъ безсмертный умъ, другъ небесъ, который устремляя на звѣзды алчные свои взоры, и горя желаніемъ имѣти преславное имя вселенныя гражданина, кажется хотящимъ возвыситися далеко отъ земли, и носитися со всѣми сими мірами въ блистающемъ ихъ теченіи; но вдругъ просвѣщенный, можетъ быть нѣкою небесною силою, созидаетъ онъ новыя чувства, и сотворяетъ чудесную трубу, притягающую ко взору его вселенную, тако Іосифъ зритъ будущее, какъ бы въ пространствѣ неизмѣримомъ, мрачномъ, и отъ коего слабыя нѣкія излетаютъ искры, когда Итуріилъ подъемлетъ густую завѣсу, отдѣляющую то, что есть, отъ того, чему быти долженствуетъ; въ то время юный Израильтянинъ видитъ свѣтъ истинный, и устремяся на обонъ полъ міровъ, читаетъ онъ книгу судебъ превѣчнаго. „Царю! наконецъ вѣщаетъ онъ, истинну реку: Божество восхищаетъ духъ мой, не безсильные боги Египтомъ почитаемые, но Существо всевышнее, великое, Создатель и Го-

сподь природы. Будущее для него есть то са́мое, что для насъ настоящее; единымъ взоромъ объемлетъ онъ всѣ вѣки и всю вселенную: онъ вѣщаетъ тебѣ въ сію минуту; а я слабый токмо воли его предвозвѣстникъ. Сіи тучныя кравы, изшедшія изъ Нила, и сіи класы цвѣтущіе знаменуютъ лѣта плодоносныя; но изсохшія кравы, и класы истонченные, являютъ великій гладъ, послѣдующій изобилію."

Рекъ онъ, и смятеніе разпростирается на челѣ Царя и знатнѣйшихъ вельможъ его. „О! ты, коего небеса просвѣщаютъ, рекъ Фараонъ Іосифу, не возможешь ли ты предложити мнѣ средства къ отвращенію сея на насъ ка́зни?"

„Да поставитъ Царь надъ Египтомъ, отвѣщаетъ Іосифъ, да поставитъ мужа разумна и праведна, который въ лѣта плодоносныя, да соберетъ часть земныхъ произращеній, для охраненія народнаго отъ глада.

Кроткое увѣреніе усты его вѣщали. Совѣтъ сей удовольствовалъ Царя и вельможъ его: большая оныхъ часть толь славнымъ ласкаютъ себя саномъ. Народъ! народъ нещастный! Ужѐ насыща-

щаются они мысленно пищею твоею, и вмѣсто спасенія твоего отъ глада, ужѐ готовы они были явити нищету твою въ плодоносныя лѣта! Когда о семъ они размышляютъ, Фараонъ обращаетъ тогда слово свое ко Іосифу: „Тебя надъ Египтомъ поставляю, рекъ онъ, всѣ подданные мои чтити будутъ твои повелѣнія, и единый токмо я превыше тебя буду. Гдѣ могу я обрѣсти мужа праведнѣйша, и мужа тебя премудрѣйша? Безъ сомнѣнія Богъ усты твоими вѣщающій, посылаетъ тебя сюда для отвращенія грозящія намъ ка́зни. Я волѣ его повинуюся; блаженны Цари, могущіе свой скипетръ таковымъ ввѣряти подданнымъ! Какую вину на тебя могли возложити? Все въ тебѣ являетъ непорочность; сами небеса тебя оправдаютъ: нѣтъ, невиненъ ты ни въ чемъ, когда тебѣ они открываютъ свои тайны.“ Вѣщая сіе, снимаетъ онъ перстень съ рукѝ своей, и подаетъ оной Іосифу, который отъ удивленія безгласенъ сталъ и неподвижимъ. Вельможи, ожидающіе сего великаго сана, терзаются завистію; но притворная тишина и лестное удовольствіе на ли-

цахъ ихъ является: тако бываетъ иногда спокойная поверьхность Океяна, въ са́мое то время, когда во глубинѣ морской ужасная подъемлется буря.

Іосифъ прервавъ наконецъ молчаніе: „Милости твои, рекъ онъ, удивляютъ меня и восхищаютъ, но я не могу оныя пріяти. Я не знаю, какую на меня вину возлагаютъ. Кленуся Богомъ, открывшимъ мнѣ будущее, кленуся симъ священнымъ престоломъ, гдѣ царствуетъ истинна, кленусь, что я невиненъ. Какъ возмогъ ты, Пентефрій великодушный! внимати клеветѣ, и изъ объятій своихъ отяготить меня бременемъ гнѣва твоего? повели ввергнути меня паки въ темницу, изслѣдуй дѣла̀ мои, принеси свѣтъ во глубину моего се́рдца, и естьли виненъ я, да накажетъ меня Царь, предъ коимъ я сіе вѣщаю. Естьли обрящешь ты меня невинна, я не желаю величества; возврати доброе обо мнѣ свое мнѣніе, твое ко мнѣ дружество, и я въ домъ отцевъ моихъ спокойно возвращуся. А естьли сія милость велика для меня, ежели я всегда нещастенъ быти долженъ, повергни паки меня въ рабство; дни мои скон-

чаются

чаются въ слезахъ; но я тебѣ пребуду вѣренъ, и вся жизнь моя удостовѣритъ тебя о моей невинности." Произнося сіи слова, проливалъ онъ слёзы.

Возмущенный сими словами Царь обратилъ на Пентефрія грозное око; сами придворные вельможи тѣмъ тронуты были. Тогда изъ облака, коимъ Ангелъ Египта окруженъ былъ, изходитъ лучь свѣтлый, который, непроницаемъ окомъ смертныхъ, снисходитъ на супруга Далуки, и мрачное подозрѣніе отъ души его отгоняетъ. Внезапно прежнее дружество ко Іосифу возбуждается въ сердцѣ его; онъ обращаетъ на него свои взоры; пораженный его чистосердечіемъ и великимъ духомъ, упадаетъ онъ къ ногамъ его, и рѣки слезъ сіи его слова препровождаютъ. „Великій Боже! такъ было злобно сердце мое! Я возмогъ невинность утѣснити! Іосифъ! другъ мой возлюбленный! (естьли смѣю я тебя симъ именемъ назвати) душа моя терзается . . . раскаяніе до гроба послѣдуетъ за мною, и возмутитъ прахъ мой.... Ты рабъ мнѣ! буди мнѣ начальникъ! возходи на чреду, на которую зоветъ

тебя добродѣтель, и казни меня . . . . Я зрю въ твоихъ очахъ, что ты меня прощаешь . . . . Фараонъ! Царямъ гонимую невинность отмщати подобаетъ; яви милость свою Іосифу, и казнь мою вѣщай."

По сихъ словахъ гнѣвъ царскій укрощается. Іосифъ возставилъ господина своего; въ очахъ его долговременною печалію отягченныхъ, блистаетъ радость съ нѣжностію смѣшенная. „Свидѣтельство твое, возопилъ онъ, свидѣтельство о моей непорочности, и жестокое твое раскаяніе, велятъ забыти мнѣ всѣ мои нещастія. Среди мрачныя темницы сохранялъ я воспоминаніе твоихъ благодѣяній: суди о настоящемъ моемъ чувствіи, видя господина моего у ногъ моихъ лежаща! Нынѣ другія милости я не желаю, естьли только возвращенъ буду на мѣсто моего рожденія. Колико узъ сердце мое туда привлекаютъ! . . . Отецъ старостію отягченный . . . . Возлюбленная . . . . Естьли еще живутъ они на свѣтѣ! . . . Братія . . . Коликія слёзы я отерти долженствую! мнѣ ли пастырю овецъ, мнѣ ли царствомъ управляти? О Царю!

да

да не раскаешся ты впредь о дарахъ своихъ."

Рекъ онъ, и большая часть вельможей, коихъ любочестіе затворило путь въ сердца ихъ чувствованіемъ природы, и которые не знали сего кроткаго смиренномудрія, стали удивленны и довольны симъ отрицаніемъ. Между тѣмъ Пентефрій привлекаетъ Іосифа ко принятію награды истиннымъ его добродѣтелямъ. Фараонъ удвояетъ свое о томъ моленіе. Тогда подобно слабымъ источникамъ, отриновеннымъ далеко отъ своего теченія великою рѣкою, и соединенными своими водами обливающимъ каменную гору къ небесамъ возвышающуюся, всѣ вельможи, премѣняя любочестіе на лесть, единогласно съ Царемъ стараются смягчить сердце юнаго чужестранца. Іосифъ лютыя ощущаетъ души своей колебанія. Умоляемый Царемъ, могущимъ употребити власть вмѣсто прошенія, чаетъ онъ внутри сердца своего слышати зовущій его гласъ Іакова и Селимы. Побѣждала природа, и уже къ отшествію готовый, удалялся онъ отъ престола и Пентефрія смягченнаго, когда Божествен-

ственный гласъ простираетъ къ нему сіе слово, слышимое имъ единымъ. „Не удаляйся отъ сихъ мѣстъ; Богъ, явивый тебѣ будущее, повелѣваетъ тебѣ остатися въ Египтѣ. Зри страну сію одержимую ужасомъ глада и корыстолюбія вельможей: ты долженъ отвратити отъ нея обѣ сіи казни: превѣчный въ томъ помощникъ тебѣ будетъ. Ты устремляешся обняти отца своего: буди здѣсь отцемъ народа.” Тако вѣщалъ Итуріилъ. Іосифъ остановляется; возвращается, приближается къ престолу, и обращаяся къ Царю. „Угодно небесамъ, рекъ онъ, остановити сладчайшее мое удовольствіе; я волѣ ихъ повинуюся, и жертвую тебѣ своимъ блаженствомъ. Доколѣ продолжится гладъ, я отсюда не отъиду, но когда казнь сія престанетъ, позволь мнѣ внимати гласу единыя природы.” Рекъ онъ, и среди сея побѣды, когда величество души его изображается на всѣхъ чертахъ его лица, слезы изъ глазъ его ліются: отъ сего неизреченнаго соединенія величества и нѣжности, можно было видѣть, что онъ есть простый токмо смертный. Веселящися Царь, воз-

возлагаетъ свой перстень на руку Іосифа; златая гривна украшаетъ его выю, и червленная риза простирается до ногъ его. Пентефрій объемлетъ его исполненный веселіемъ.

Между тѣмъ изнутри царскихъ чертоговъ разпространяется повсюду слухъ о снахъ царевыхъ, и о толковании Іосифа. Смятеніе, какъ быстрый пламень всеобщаго пожара, отъ единаго дому къ другому сообщается. Забывается изобиліе долженствующее предшествовати гладу, и зря блѣдность гражданъ, можно бы рещи, что началъ уже онъ терзать сію страну.

Фараонъ повелѣваетъ воздати приношеніе добродѣтели въ торжествѣ великолѣпномъ, и явити народу избавителя Египта. Къ чертогамъ приближается колесница, которая движущимся кажется престоломъ, и гдѣ злато помраченно было сіяніемъ камней драгоцѣнныхъ: шесть коней, бѣлизны пречудныя везутъ оную тихо: позади правосудіе, окруженное знаками, держитъ въ рукахъ своихъ вѣнецъ. Восходитъ на колесницу Іосифъ, которая стражею окруженна, разсѣкаетъ

тѣсно-

тѣсноту людей множества. Тако входили въ Римъ, побѣждающіе Герои; но они предшествуемы и послѣдуемы были кровавыми трофеями, окованными плѣнники и корыстію убивства, а здѣсь торжествуютъ мирныя добродѣтели.

При взорѣ его разгнался ужасъ всего народа: премудрость и человѣчество впечатлѣнныя на лицѣ его будущее возвѣщаютъ благополучіе: скорбь отъ всѣхъ сердецъ удаляетъ; всѣ упадаютъ ницъ предъ своимъ избавителемъ; радость у всѣхъ въ очахъ сіяетъ, и возклицанія по всему граду раздаются.

Іосифъ, хотя изъ самаго вышедъ униженія, не ослѣпляется симъ великолѣпіемъ; сія гордая колесница, сей перстень драгоцѣнный, сія свѣтлая риза, веселятъ мало духъ его: но онъ плѣняется возхищеніемъ народа; не имѣетъ онъ грубости тѣхъ вельможъ, кои чая достойны быти обожанія народнаго, нечувственны къ оному бываютъ. Между тѣмъ не обыкши оставляти дражайшаго своего воспоминанія, среди сего величества, представляетъ онъ себѣ домъ отца своего: тогда очи его наполняются слезами; не зритъ онъ болѣе

мно-

множества людей, его окружающихъ; не внемлетъ болѣе громкимъ восклицанiямъ: народъ, судiя единыя наружности, чудится зря его проливающа слезы, въ день толь для него славный.

Между тѣмъ Далука ходила въ языческiе храмы, и всѣхъ Египетскихъ боговъ на помощь себѣ призывала. Въ сiю самую ночь была она въ той рощѣ, гдѣ Iосифъ имѣлъ свое убѣжище; тамо простершись предъ олтаремъ, руками его поставленнымъ, и оросся его слезами, вѣщала она сiю молитву. „Божество моего возлюбленнаго! принеся безплодныя моленiя нечувственнымъ кумирамъ, тебя я обожаю; можетъ быть, ты единый Богъ всея природы; сему научаютъ меня вѣрить добродѣтели нещастнаго, мною толь люто гонимаго. Безъ сомнѣнiя тебя призываетъ онъ въ сiю минуту, и я вкушаю сладость звати единаго съ нимъ Бога, и гласъ мой соединяти съ его гласомъ. Удали отъ сердца моего любовь меня терзающую, а естьли и ты безсиленъ сiе сотворити . . . . удали отъ меня моего возлюбленнаго.“ Рекла, и вдругъ устрашается того, чтобы не отмстило божество сiе утѣснен-

сненную невинность. Въ смятеніи души ея кажется ей, что сей олтарь возколебался, что подвиглись древеса рощи сея, и что потрясшаяся земля страшный нѣкій гласъ испускаетъ. Трепеща отъ страха, и хладнымъ орошенна потомъ, бѣжитъ она отъ сего мѣста, возвращается въ Мемфисъ, и въ чертоги свои себя заключаетъ.

Настаетъ день: запретила она прерывати свое уединеніе: блѣднѣя и ужасаясь, не зритъ она того, на что смятенное ея око устремляется; кажется, что невидимая рука непрестанно представляетъ ей изображеніе всѣхъ ея злодѣяній; любовь и раскаяніе смѣшенныя въ душѣ ея, терзали вдругъ ея всѣмъ тѣмъ, что они въ себѣ ужаснаго имѣютъ. Вдругъ внемлетъ она радостному крику, и слышитъ имя Іосифово. „Какое мечтаніе! рекла она, сіе имя, въ сердцѣ моемъ впечатлѣнное, готово всегда поражати слухъ мой: не ужè ли оно и въ радостныхъ раздается возклицаніяхъ?" Едва окончила она сіи слова, ужè слышится ей тоже сáмое имя внятнѣе. Смущенна, изумленна, торопли-ва, пребѣгаетъ она все пространство своихъ

своихъ чертоговъ, и повсюду обращаетъ взоры, смятенiе души изображающiе. Внезапно имя Iосифово, повторяемое людей множествомъ, гремитъ во ушесахъ ея, и въ ту самую минуту зритъ она его на торжественной сѣдяща колесницѣ. Какое зрѣлище! быстрое ея воображенiе представляетъ ей, какъ бы въ единой мысли: всѣ ея злодѣянiя, ея казнь, ея славу оскорбленную; весь народъ кажется ей ужасающимся отъ ея взору; отчаянiе въ очахъ ея возгарается, и багровыя пятна на блѣдныя ланиты ея изступаютъ. Но скоро нѣкое благопрiятное облако отъ нея скрываетъ всѣ виды, она не внемлетъ болѣе радостному крику, возмущающему ея душу; каждую минуту блѣдность ея усугубляется, и она почти бездушна упадаетъ.

Ярость гнѣва ея возвратила ей память на единую минуту. Желая упредити пришествiе своего супруга, заключаетъ она себя въ своихъ чертогахъ. Тамо прiемлетъ Iосифову ризу, ризу въ рукахъ ея оставшуюся, и воспоминающую ей всю жестокость ея страсти, и презрѣнiе, коимъ она была награждена.

на. Прежде орошаетъ она ея слезами, потомъ взирая на нея отертыми очами. „Одежда! рекла она, служащая нѣкогда къ раздраженію моея лютости, буди нынѣ свидѣтельницею смерти моея. Законы брака и любви! вы будете отмщенны!... Іосифъ торжествуетъ; онъ смѣется днесь моему безумію: чемъ славнѣе свидѣтельство воздаваемое его непорочности, тѣмъ паче покрываюсь я безчестіемъ: весь Египетъ познаетъ, что я рабомъ была возпламененна! который Богъ извлекъ его изъ темницы? Я не имѣла удовольствія отъ оковъ его избавити; я истребляла сіе желаніе, не рѣдко душу мою изполнявшее, и не могу болѣе ничемъ наградить мои злодѣянія! Безъ сомнѣнія удалится онъ отсюда; заключитъ нѣжнѣйшія узы, и похвалится предъ Селимою о своемъ ко мнѣ презрѣніи.... Не могу ли я послѣдовать за нимъ въ домъ отца его, умертвить Селиму предъ очами его, и тѣмъ же кинжаломъ грудь его поразити?... Безразсудная! ты казнь его вѣщаешь, когда твоя уготовляется!... О есть ли бъ нашелъ онъ Селиму уже мертву! а ежели ихъ бракъ уже необходимъ,

то

то да соберетъ онъ въ себѣ толико ужасу, коликимъ мой исполненъ! Спѣши, тѣнь моя! послѣдуй ихъ стопамъ, возмути ихъ блаженство, всели мрачную въ сердца̀ ихъ ревность, а естьли на сіе не взирая, они блаженны будутъ, то зри ихъ соединеніе, и продолжи по смерти страданіе свое. Да вооружится нѣкогда Египетъ противу рода ихъ, и да поженетъ его отъ землѝ и мо́ря! Тогда, въ первый разъ, нѣкую тишину ощутитъ тѣнь моя . . . ." Кинжалъ, коимъ она себя поразила, прерываетъ ея слово. Она упадаетъ; кровь течетъ изъ ея гру́ди, и ризу возлюбленнаго ея обагряетъ. Насытя ярость свою, леденѣющее сердце ея горитъ еще любовнымъ пламенемъ: образъ Іосифа мечтается въ угасающихъ очахъ ея; блѣдныя уста ея произносятъ имя Іосифово „ хладѣюща и умирающа, не можетъ она изрещи болѣе сіе дражайшее имя, и возсылаетъ къ нему послѣднее свое воздыханіе.

Между тѣмъ младый Израильтянинъ, по великолѣпномъ торжествѣ своего возвышенія, приближается къ чертогамъ Дарбаловымъ, кои Царемъ

ему опредѣленны. Онъ сходитъ съ колесницы; вступаетъ въ чертоги; искусство изобиловало въ нихъ всѣми сокровищами натуры. О странность приключеній! Дарбалъ! когда въ темницѣ гордость твоя надъ невольникомъ ругалась, предвидѣлъ ли ты, что все свое богатство для него ты собиралъ?

Іосифъ, желая единаго покою, множество рабовъ своихъ отъ себя удаляетъ. Пренесенный въ сіи чертоги изъ темницы, взираетъ онъ окрестъ себя видѣти, не все ли сіе сонъ есть. Но скоро подобный собравшимся волнамъ, предъ коими поставленный разрушенъ сталъ оплотъ, всѣ чувствованія, заключившіяся во глубину сердца его симъ смятеннымъ зрѣлищемъ, устремляются на уста его. Онъ повергается на землю, и въ первый еще разъ въ жилищѣ семъ имя превѣчнаго слышимо было. „Великій Боже! рекъ онъ, ты, ты извлекъ меня изъ темницы . . . гдѣ я? На самой высотѣ величества! . . . Нещастно! я все принесъ ему на жертву; не уже ли гордость заразила мое сердце? Естьли истинно сіе, почто не умеръ я въ темницѣ? . . . Но ты, о Боже мой! сію велѣлъ

велѣлъ мнѣ жертву . . . Сердце мое еще кровію отъ того обливается . . . Повинуюся твоей всемогущей десницѣ, которая моею судьбиною управляетъ. Нынѣ, естьли въ нещастіи моемъ сохранилась моя добродѣтель, не дай ей поколебатися на чредѣ, на кою ты меня поставилъ." Таковы мысли исполняютъ его до тѣхъ поръ, пока сонъ началъ по всѣмъ членамъ его распространятися, и приносити душѣ его спокойствіе.

Едва дневное свѣтило претекло горизонтъ, не терпящій лѣности Іосифъ возстаетъ, и ужѐ готовится онъ преходити Египетъ, ради отвращенія угрожающія ему казни. Но прежде учреждения порядка государственнаго, хощетъ онъ сердечное свое разгнати смущеніе. Онъ призываетъ единаго изъ рабовъ своихъ. „Иди въ землю Ханаанскую, рекъ онъ ему. При входѣ въ сѣнь Іаковлю обрящешь ты пріятную долину, по которой чистый источникъ протекаетъ. Тамо, можетъ быть, узришь ты юную пастушку, Селима ея имя: ты познаешь ея по ліющимся слезамъ ея: скажи ей, что я еще живу: сокрой отъ нея мои нещастія; она и

безъ того довольно слезъ горькихъ проливала; вѣщай ей о вѣрности моей; скажи, что естьли бъ небеса не повелѣли мнѣ посвятить нѣсколько лѣтъ благополучію цѣлаго народа, я предпочелъ бы симъ чертогамъ брачную сѣнь нашу . . . . Вниди въ домъ нашъ, вграждь, еще ли живъ отецъ мой; не отягченъ ли онъ бременемъ старости и скорьби. Естьли нѣтъ его на свѣтѣ . . . Собери на лугахъ нѣсколько цвѣтовъ; приди на гробъ его; разсыпь на немъ сіи цвѣты, и рцы: Іосифъ сынъ твой ихъ тебѣ приноситъ. . . . Вижль, живъ ли юный братъ мой Веніаминъ, и вся братія моя. Иди, спѣши, все щастіе мое зависитъ отъ тебя." Рекъ онъ, и невольникъ удаляется.

Удовлетворя естественнымъ своимъ чувствованіямъ, хощетъ Іосифъ долгъ дружеству воздати, и прежде путешествія его по Египту, колесница его везома была къ тѣмъ пастырскимъ хижинамъ, гдѣ претерпѣвалъ онъ рабскую неволю.

Тогда было то самое время года, въ которое природа возпринимала красоту первыя своея юности. Блестящая зелень

зелень покрывала лѣса̀, долины и луга̀; цвѣты благоуханіе свое повсюду испускали, а слухъ поражаемъ былъ журчаніемъ источниковъ, входящихъ во брега̀ свои, и прелестнымъ птицъ пѣніемъ. Какое плѣняющее для Іосифа зрѣлище! мало ослѣпленный сіяніемъ величества, исходя изъ темницы, прельщается онъ простою красотою природы. Съ возхищеніемъ зритъ онъ рощу, поля̀ и источники; сходитъ съ своея колесницы; рука его собираетъ цвѣты раждающіеся, кои онъ слезами орошаетъ, и жажду свою быстротекущею водою утоляетъ.

Слава не возвѣстила еще между пастырями Пентефріевыми о возвышеніи Іосифа. Они печальны, унылы, бесѣдовали между собою о его нещастіяхъ, какъ вдругъ великолѣпную узрѣли колесницу: не отвратились они ею отъ плачевныя вины своего сло́ва. Внезапу итобалъ, изъ глубокаго унынія въ неизреченную пришедъ радость, къ колесницѣ устремляется, удивленные пастыри последовали за нимъ очами, когда облеченный въ порфиру и кротость съ величествомъ соединяющій юноша, стре-

 мит-

мится съ колесницы въ объятія Итобала: познаваютъ они Іосифа. Прежде отъ удивленія становятся неподвижны; потомъ текутъ они къ двумъ другамъ, окружаютъ ихъ, и радостнымъ восклицаніемъ воздухъ наполняютъ. Какъ нещастные дѣти, облеченные уже въ одежду сѣтованія, видятъ вдругъ отца своего, коего чаяли убіенна быти на сраженіи; пораженные ужасомъ сомнятся они, не тѣнь ли его видятъ, и обнять его страшатся; но скоро побѣдившая страхъ сей природа, влечетъ ихъ въ его объятія, всѣхъ радость восхищаетъ, всѣ печальную слагаютъ одежду: тако пастыри сіи предаются своему возхищенію. Іосифъ болѣе радуется о семъ свидѣтельствѣ ихъ усердія, нежели о великолѣпіи, съ коимъ Мемфисъ торжествовалъ его возвышеніе. Здѣсь не видно было той завистливой гордости, которая въ ропшаніи повергается, не слышно восклицанія шумнаго народа: здѣсь дружество жертву приноситъ и пріемлетъ.

Между тѣмъ хотятъ они слышать повѣсть сихъ странныхъ приключеній, кои его на сію чреду поставили. Сѣдя

съ ними купно, угождаетъ онъ ихъ любопытству, и сію чудную повѣсть имъ вѣщаетъ. Удивленіе и радость въ очахъ ихъ попеременно изображаются: едва могутъ они удержати свое возхищеніе, которое по окончаніи слова его тѣмъ сильнѣе изъявляемо было.

Но, среди ихъ радости, онъ отъ нихъ уклоняется, и въ уединенное свое жилище отходитъ. Тамо, по велѣнію его возставилъ Итобалъ олтарь разрушенный, и покрылъ его цвѣтами: онъ ницъ предъ нимъ упадаетъ, и объемля остатки сѣни своея: „дражайшее убѣжище! вопіетъ онъ, я еще возмогъ тебя узрѣти! тебя, которую видѣти никогда не чаялъ, и гдѣ ни гроба моего обрѣсти не уповалъ. Ты представляешь мнѣ нѣкое подобіе дому отца моего. Колико воздыханій отсюда возсылалъ я къ тѣмъ, кои мнѣ любезны! колико души наши, не взирая на раздѣляющее насъ разстояніе, въ семъ мѣстѣ соединялися; въ семъ мѣстѣ раздавались имена ихъ: часто образъ ихъ мечтался мнѣ между сими древесами. Образъ мнѣ священный! Приди обитати въ сіе уединеніе,

яви мнѣ паки свое пріятное мечтаніе, и утоли скорбь мою."

Рекъ онъ, и устремяся къ пастырямъ: „О други, вѣщаетъ онъ имъ, посвятимъ нѣсколько минутъ къ обновленію сѣни моея. Иногда приду я въ сіе жилище, гдѣ былъ я невольникомъ, приду слагати оковы величества, приносити жертву Творцу вселенныя, и подъ сею тѣнію воздыхати."

Едва онъ сіе изрекъ, ужѐ всѣ пастыри спѣшно текли къ рощѣ. Одни возставляютъ остатки сѣни, другіе собираютъ съ лугу новые цвѣты, иные ломаютъ сучья, коихъ листвія младыя услаждаютъ обоняніе. Іосифъ пріемлетъ самъ въ дѣлѣ семъ участіе: тщетно пастыри въ томъ препятствуютъ ему. „Гордость и праздность, вѣщаетъ онъ, были бы для меня безславнѣе тѣхъ упражненій, среди коихъ я родился, и которыя рано или поздно воспріяти я долженствую." Но тайно еще онъ размышляетъ: „Могу ли я презирать труды, которые я для Селимы предпріемлю?" Оживляемыя примѣромъ Іосифа, и желаніемъ угодити ему, поставляютъ они сѣнь добрую,

какъ бы изъ самыя земли изходящую, и которая кажется дѣломъ единыя минуты.

Посвятя нѣсколько дней дружеству, оставляетъ Іосифъ поселянъ, и пріятное свое жилище, ради путешествія своего по Египту, и ради попеченія о дѣлахъ государственныхъ. Судно, украшенное живописнымъ искусствомъ, цвѣтами и знаменемъ червленаго цвѣта, вѣющимъ тихо по воздуху, ожидаетъ его у Нилова брéга: благопріятный вѣтръ дуетъ въ парусы. Пастыри до рѣки провождаютъ Іосифа: онъ ихъ объемлетъ, входитъ въ судно свое: повелѣваетъ сняти якори, и въ путь свой отправляется.

ІОСИФЪ.

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

* * *

Какъ во владычествѣ морей, движимый корабль единымъ повинуется вѣтрамъ, тако судно разсѣкало Ниловы во́ды не понуждаемо веслами.

Скоро представляются взору Іосифа три неизмѣримыя пирамиды, дѣло множества вѣковъ. Оставя искусство, съ коимъ они созданы, можно бы почести ихъ твердыми каменными горами, кои отъ нача́ла сего міра, касаются небесамъ, и землю бременемъ своимъ отягощаютъ. Марморъ, изъ коего они

они составлены, сохранилъ свѣтящуюся бѣлизну свою. Многочисленные знаки, первые образы мысли человѣческой, возбуждаютъ къ нимъ благоговѣніе.

Іосифъ вопрошаетъ, кто былъ зиждитель сего гордаго зданія? Гермесъ, отвѣщаютъ ему, единый отъ Царей, а нынѣ единый отъ Египетскихъ боговъ. Долго взираетъ онъ на сіе дерзновенное зданіе, которое твердостію и величествомъ своимъ кажется превзыти искусство смертныхъ, и достойно свободитися отъ поглощенія временъ, продолжаясь равно съ міромъ, исключенно суще отъ обыкновенныя судьбы дѣла рукъ человѣческихъ. Не вѣря, чтобъ маловажное намѣреніе таковыя чудеса произвело, хощетъ онъ проникнути во внутренность единыя пирамиды. Приводятъ туда его подземными и тайными путями; Египтяне возвѣщаютъ ему, что входъ туда имъ на вѣки запрещенъ; не принуждаетъ онъ ихъ слѣдовати за собою, и единъ онъ вошелъ во мракъ глубочайшій. Какъ тѣ безстрашные люди, кои исторгая злато отъ земли, идутъ въ темныя нѣдра ея, подвергая себя опасности обрѣсти гробъ свой въ

семъ

семЪ источникЂ сокровищЪ: тако Іосифъ, исполненный желаніемЪ научитися, ходилЪ вЪ семЪ мрачномЪ лабиринтЂ.

Долгое время бродящій вЪ темнотЂ, зритЪ онЪ издалека свЂтЪ слабый и угасающій. ОнЪ направляетЪ туда стопы свои. Первый видЪ, поразившій его очи былЪ умащенный трупЪ, освЂщаемый надгробнымЪ свЂтильникомЪ, померкнути готовымЪ; облеченный вЪ порфиру, коего чело вЂнцемЪ украшено было; живость вЪ немЪ была толикая, что оный казался быть одушевленЪ и ничего жизненнаго не лишенЪ, кромЂ единаго движенія. БлизЪ трупа былЪ старецЪ мало отЪ смерти удаленный; согбенный древностію, досязалЪ онЪ до землй бЂлою брадою, и тонкостію своею подобенЪ былЪ смерти, корысть свою стрегущей. Многочисленныя муміи, окружая ту, которая была увЂнчанна, казалися рабами ожидающими ея велЂнія: печальное молчаніе царствовало вЪ семЪ жилищЂ.

„ Кто ты, рекЪ старецЪ возмущенный, какое дерзновеніе привлекло тебя проникнуть вЪ сіи страшныя мЂста?

ста? Вѣщай: или пришелъ ты мертвыхъ возмущати?" Во глубинѣ сего зданія повторились слова сего плачевнаго гласа.

„Не устрашайся, отвѣщаетъ Іосифъ; естьли здѣсь жилище мертвыхъ, я прахъ ихъ почитаю. Но повѣждь мнѣ, къ чему всѣ сіи учрежденія, и какій долгъ остановляетъ тебя въ семъ страшномъ мѣстѣ?"

Тогда старецъ возводя на него померклое око: „Сладость гласа твоего, рекъ онъ, и человѣчество на лицѣ твоемъ являющееся, разгоняетъ страхъ мой. Ты зришь тѣло послѣдняго Египетскаго царя, и тѣла его служителей, кои назначенны умрети во служеніи его, послѣдовали за нимъ въ сіе мѣсто. Я всѣхъ нещастнѣйшій! ужѐ всѣ они жизнь свою скончали; послѣдній погребенъ руками моими: я одинъ въ семъ жилищѣ смерти, я тщетно ея призываю, и когда избавитъ она меня отъ бремени жизни моея, никто послѣдняго не воздастъ мнѣ долгу; погибнетъ прахъ мой, и я лику сего собою не умножу."

Объятый удивленіемъ и жалостію Іосифъ умолкаетъ. Онъ обращаетъ очи свои на сей царскій призракъ, безполезнымъ

нымъ украшенный великолѣпіемъ, на сихъ рабовъ, кои еще обожати его кажутся, и на сего старца, который о томъ плакалъ, что не возмогъ съ ними скончатися купно. Онъ пораженъ былъ безчеловѣчною гордостію сихъ Монарховъ, кои утѣсняя можетъ быть народъ свой, разпространяютъ и по смерти свое варварство, и приносятъ еще жертву своему самолюбію, когда ужѐ нѣтъ самихъ на свѣтѣ. Но другое чувствованіе возбуждается внутри его се́рдца: сей старецъ, на коего устремилъ онъ свои очи, возобновляетъ въ умѣ его образъ его родителя; кажется онъ ему испускати послѣднее воздыханіе, призываяй смерть, и страдаяй о томъ, что рука возлюбленнаго ему сына очесъ его не затворяетъ. Омывъ лице свое слезами, преклоняетъ онъ старца изыти изъ сего жилища: „Не могу, отвѣтствуетъ нещастный, я долженъ буду умрети съ мученіемъ и безчестіемъ. Когда ужѐ я состарѣлся въ семъ гробѣ, то въ ономъ я и жизнь свою окончу. Долгое время окруженный трупами, не могу я съ живыми пребывати, и прі обыкшія къ смертнымъ тѣнямъ очи

мои,

мои, сіянія солнечнаго пренести не возмогутъ . . . . Я ласкаю себя скончати скоро мое мученіе: ужѐ колеблющіяся нóги мои не могутъ болѣе меня ко входу сего мѣста носити, для пріятія пищи опредѣленной на продолженіе нещастной жизни; ужѐ слабыя рýки мои не соблюдаютъ болѣе сего блѣднаго свѣту; съ нимъ скончаются дни мои, мракъ, въ которой я погруженъ буду, станетъ мнѣ сладчайшимъ предвѣстникомъ смерти . . . Скоро во гробѣ семъ не будетъ ниединаго живаго человѣка . . ." Рекъ онъ, и когда Іосифъ взираетъ на него нѣжными очами, свѣтильникъ угасаетъ, и старецъ послѣднее испускаетъ воздыханіе.

Іосифъ жалости и ужаса исполненный удаляется: идетъ онъ паки среди мрачныя нощи, усугубляющей ужасъ того зрѣлища, коему онъ былъ свидѣтелемъ. Вышедъ наконецъ изъ сего жилища, остановляется онъ предъ пирамидою, и повелѣваетъ изтолковати себѣ единую изъ примѣчательнѣйшихъ надписей состоящую въ сихъ словахъ: „О люди! не здѣсь жилище смерти: изъ нѣдръ сего зданія до облакъ досязаю-

зающаго, вознесусь я къ небесамъ, и тамо буду божествомъ о васъ ходатайствующимъ." „Цари! возопилъ тогда Іосифъ, и самая смерть васъ не научаетъ! какою пресмыкающеюся гордостію раздѣляете вы Божескую честь съ послѣдними животными, и воздвизаете зданія свидѣтельствующія величество ваше купно со слабостію? Должно ль, чтобъ гробы ваши помрачали чертоги вами обитаемые!" Окончавъ сіи слова, удаляется онъ отъ сихъ пирамидъ, кои обремененныя знаками суть сами собою неиное что, какъ самое разительнѣйшее свидѣтельство суетности человѣческой.

Онъ входитъ въ судно, и плыветъ близъ брега исполненнаго муміями, гдѣ кажется мертвые были различнаго вида. Колико разстоянія занимаютъ они въ сихъ пространныхъ пирамидахъ, толико ихъ ряды стѣсненные на семъ неизмѣримомъ брегѣ: на каждомъ шагу надлежитъ ступить по нѣкоей жертвѣ лютыя смерти, въ самое то время, когда въ сихъ гробницахъ теряется человѣкъ, ищущій праху въ нихъ заключающагося. Здѣсь погребены цѣлые роды; одни мѣста часто занимаемыя, и гробы други-

другими гробами поглощаемы: два ряда мертвыхъ тѣлъ составляютъ ускіе и многочисленные пути сихъ подземныхъ мѣстъ, сего владычества смерти. На сихъ пустыхъ поляхъ, отъ мѣста до мѣста, видны были нискія пирамиды, доказывающія то, что гордость знатныхъ вельможей имѣетъ всегда своихъ подражателей. Іосифъ плывя близъ сего брега, слѣдуетъ душевной своей склонности, и въ пріятную грусть себя повергаетъ.

Судно продолжаетъ плаваніе, и симъ мрачнымъ видамъ послѣдуетъ зрѣлище поражающее, удивленіемъ и чудомъ Египта назватися могущее. Сіе было Меридово озеро, ископанное въ дикомъ камнѣ неутомимою рукою человѣка, и помогающее Нилу, пріемля его въ свои нѣдра, когда изливается онъ съ излишествомъ, или соединяяся съ нимъ рвами, когда бываютъ малыя его воды. О Цари! вы кажетеся иногда богами естества! Сей камень въ Океанъ превратился. Среди озера воздвигнуты великолѣпные чертоги, окруженные обелисками, зрящимися въ водахъ подобныхъ чистому стеклу: тамо во время лѣт-

лѣтняго жару, Царь съ своимъ дворомъ наслаждается свѣжимъ воздухомъ: тако на днѣ водъ представляется жилище морскаго бога, окруженное тритонами (*) и бурею почитаемое. Между тѣмъ сіи чертоги и обелиски, смѣшенные вдали съ гробницами, суть живый образъ пышной суетности человѣческой, и того порога, о которой разбивается мнимое величество.

Іосифъ продолжаетъ путь свой, и величайшее зрѣлище предстало его взору: Египетъ въ неизмѣримомъ пространствѣ предлагаетъ ему всѣ свои сокровища. Нилъ, побѣдивъ многочисленныя препятствія своему теченію, низвергается съ ревомъ, и какъ бы во гнѣвѣ съ высокихъ камней Еѳіопскихъ; потóмъ течетъ онъ тихо между двумя рядами горъ, кои Египетъ ограничиваютъ, и препровождая рѣку до мóря, кажутся принуждати ея къ орошенію сея великія страны. Брегà сея рѣкѝ до подошвы горъ покрыты цвѣтущею жатвою, густымъ дерномъ и плодовитыми древами, кои составляютъ садъ неизмѣ-

(*) Тритоны морскіе полубоги.

измѣримый, предлагаютъ во всей величинѣ страны сея дары свои путешествующимъ, и спасаютъ ихъ отъ солнечнаго зною. Какъ въ большомъ лѣсу дубъ, вязъ, сосна и тополъ, сплетая различныя свои вѣтви, растутъ въ сладкомъ согласіи, безъ всякія помощи рукъ человѣческихъ: равно здѣсь пріятно между собою смѣшенныя раждаются померанцы злашовидные, свѣжія оливы, желтые лимоны, мшистые персики и яблоки прозрачныя; единое древо кажется вдругъ носити всѣ сіи плоды, толь тѣсно вѣтви ихъ сплетенны; ослѣпляется око живостію цвѣтовъ толикихъ, и ароматы ихъ суть тоже са́мое для обонянія, что для вкусу пріятный ананасъ, соединяющій въ себѣ всѣхъ прочихъ плодовъ пріятность. По нѣкіимъ мѣстамъ пальмовыя древа̀ и кедры, кои кажутся быти лѣса сего прародителями, возносятъ надъ ними гордые верьхи свои, и отъ лучей дневнаго свѣтила ихъ защищаютъ. Тутъ видны были древа̀ и тра́вы для сей страны̀ природою сужденныя, смоковница, равныя высоты съ величайшимъ дубомъ, лотосъ подавшій мысль о бо-

жественной амврозіи, папирЪ изЪ власатаго верьха своего широкія испускающій листвія, на коихЪ Орфей писалЪ первые стихи свои вЪ сихЪ мѣстахЪ волшебныхЪ. Птицы, сіяніемЪ перьевЪ своихЪ прельщающіе, летаютЪ вЪ семЪ лѣсу пріятномЪ, когда свѣтящіеся отЪ солнечныхЪ лучей многочисленные водные жители, плаваютЪ по Ниловой поверьхности. Среди сихЪ садовЪ великолѣпныхЪ, кои кажутся для единаго созданы человѣка, гуляютЪ стада̀ красоты пречудныя, и до половины травою сокрываемыя: природа имѣла, кажется, вЪ десницѣ своей кисть, толь прекрасно они были испещренны. Пастырскія хижины, грады, храмы и пирамиды, коихЪ образЪ вЪ Нилѣ начертавается, премѣняютЪ зрѣлище: сіи зданія, подЪ ясными сотворенныя небесами, сохраняютЪ первую юность свою, и ЕгипетЪ, вмѣстилище художествЪ, почитаетЪ еще оныхЪ произведенія, и вЪ отдаленнѣйшее предаетЪ потомство. Но сЪ обѣихЪ странЪ различное положеніе мѣстЪ украшаетЪ явленіе. Здѣсь черные и неплодные камни, составляя тысящи чудесныхЪ видовЪ, возвышаются

ся къ облакамъ, отревають оныя, и силу вѣтровъ разбиваютъ, дабы тихое и безоблачное небо въ длину сея страны царствовало вѣчно: тамо сквозь прерванныхъ рядовъ горъ высокихъ, видны пространныя пустыни пещаныя Ливіи. Египетъ пораженный симъ зрѣлищемъ, увѣрилъ себя, что боги избрали его въ жилище свое. Тако изображалъ онъ еще поля Елисейскія: въ нихъ видна была Лета, віющаяся подобно Нилу, зримая въ прелестномъ своемъ теченіи; тамо обитала тишина, забвенны были бѣдствія, и равнымъ образомъ вѣчными камнями отъ тартара сіе жилище раздѣлялось.

Іосифъ, подобенъ жителямъ сихъ странъ благополучныхъ, забываетъ на единую минуту свои нещастія: онъ становится недвижимъ отъ удивленія, когда око его озираетъ съ жадностію, и хощетъ объяти все сіе великолѣпное изображеніе: между тѣмъ душа его возносится ко Творцу всея природы. Но среди сихъ чувствованій усматриваетъ онъ во всѣхъ странахъ языческіе храмы: здѣсь обожаютъ крокодила; по одну сторону Ихневмонъ, врагъ его, люд-

скія моленія пріемлетъ; тамо упадаютъ ницъ предъ лающимъ животнымъ; въ концѣ Ливійскія долины древнѣйшее стоитъ капище, столица суевѣрія, изъ нѣдръ коего, какъ бы изъ пропастей касающихся аду, распространяются всѣ злочестивыя богослуженія, поверьхность земли покрывающія. Іосифъ оскорбляется тѣмъ, что толиким окруженные сокровищами люди, истиннаго Бога познати не могутъ, и что языческія капища оскверняютъ сей прекрасный храмъ природы, гдѣ все привлекаетъ ему единому жертву приносити.

Но видъ разительный влечетъ къ себѣ Іосифа. Оставляя Мемфисъ зрѣлъ онъ зеленѣющуюся жатву; чѣмъ болѣе къ Еѳіопіи приближается, тѣмъ паче видитъ оную желтящуюся, до совершеннаго своего позлащенія. Лѣса плодовитыхъ древесъ равное представляютъ ему изображеніе; мало по малу цвѣты уступаютъ мѣсто плодамъ, кои пріявъ прежде цвѣтъ зеленый, оттѣниваются постепенно, и наконецъ въ живѣйшемъ своемъ блистаютъ видѣ. Спокоенъ во своемъ плаваніи; наслаждается онъ зрѣлищемъ неизмѣримаго луга,

гдѣ

гдѣ предъ восхищеннымъ окомъ расли тѣ дары, кои природа непроницаемо для насъ сотворяетъ; тамо, когда зеленая жатва класится, выходитъ изъ плодоносныхъ земныхъ нѣдръ, и тяжестію желтыхъ класовъ къ землѣ клонится; древеса, распуская пріятную зелень свою, покрываются вдругъ цвѣтомъ, и скоро потóмъ обременяются плодами, коихъ быстрому ращенію едва око послѣдовати можетъ; сей есть прямый образъ созданія свѣта, когда вселенная, исходя изъ хаоса, явилась въ краткое время украшенна своими произведеніями безконечно различными.

Іосифъ удаленъ еще былъ отъ Еѳіопіи, и ужѐ слышимъ сталъ ревъ водныхъ пороговъ: чѣмъ ближе онъ приходитъ, тѣмъ паче шумъ усугубляется: цѣлый рядъ горъ каменныхъ, возносящихся до облакъ на подобіе амфітеатра, представляется весьма ясно его взору. Какъ многіе соединенные громы, съ яростію по верьху Алпійскихъ горъ гремящіе проливаютъ рѣки воспламененной селитры на дымящіеся камни, когда эхо страшный ревъ еще

продолжаетъ; или какъ источникъ Океяна, съ шумомъ въ земныхъ нѣдрахъ текущій, и устремяся изъ глубокихъ своихъ пропастей, умножающій морскія во́ды, и возвышающій оные къ небесамъ, откуда упадаютъ они въ отверстую средину сего шара, и основаніе его колеблютъ: тако Нилъ низвергается съ высоты горъ каменныхъ; пѣнистыя во́ды въ тончайшій прахъ раздробленныя, далеко оной мещутъ. Отъ сего страшнаго реву трепещущими крыльями птицы отлетаютъ, и лютѣйшіе звѣри бѣгутъ въ свои пещеры. Когда Іосифъ предается важнымъ мыслямъ произведеннымъ сими видами, тогда сокрытый до половины въ облакахъ человѣкъ, упадаетъ съ сими быстрыми водами; въ единый мигъ прелетаетъ онъ неизмѣримое пространство; тако изображаются стопы безсмертныхъ; суевѣръ, видя въ первый разъ сіе зрѣлище, помыслилъ бы, что Богъ сея рѣки снисходитъ во Египетъ. Іосифъ пораженный сожалѣніемъ и ужасомъ, чаетъ быти мертва сего нещастнаго, но вдругъ зритъ его на плоту привязанна, и послѣдующа тихо теченію водъ Ниловыхъ.

Сни-

Снимаютъ парусы, и судно, оставляя по себѣ слѣды, рѣчному наклоненію послѣдуетъ. На нѣкіихъ мѣстахъ пристаетъ ко брегу: вездѣ Іосифъ вопрошаетъ о земныхъ произращеніяхъ, и повелѣваетъ привозити къ себѣ въ Мемфисъ пятую часть жатвы.

Въ сей градъ возвращается онъ при радостныхъ восклицаніяхъ народа, который былъ увѣренъ, что сіе путешествіе произведетъ общее благополучіе. Но въ чертогахъ своихъ не предается онъ праздности. По его велѣнію во всемъ государствѣ искапываютъ кладези, и при вратахъ Мемфиса пространное зданіе для сохраненія хлѣба воздвигаютъ. (*) Іосифъ не созидаетъ, подражая знатнымъ людямъ, гордую себѣ гробницу: но труды, посвященные человѣческому благополучію, суть знаки его славы. Египетъ прейдетъ къ другимъ Государямъ; Грекъ, Римлянинъ, Аравитянинъ подавати ему законы свои будутъ; но, когда сіи пирамиды, побѣждающія время, не возвѣстятъ потомству о гордомъ прахѣ въ себѣ заклю-

(*) Остатки онаго видимы въ Египтѣ и донынѣ.

ключенномъ, тогда воспоминаніе о Іосифѣ, благодѣтелѣ Египта, жити будетъ посреди всѣхъ сихъ народовъ; они почитати станутъ слѣды его трудовъ, и десница благодарности начертаетъ имя его на каждомъ камнѣ сихъ преславныхъ остатковъ. О други художествъ! преходите моря̀ зрѣти сіи величества знаки; и естьли чувствительны сердца̀ ваши, идите также воздохнути среди сихъ драгоцѣннѣйшихъ остатковъ; воздайте онымъ дань нѣкіими слезами; довольно есть знаковъ великолѣпія и раченія человѣческаго; и коль мало имѣемъ мы знаковъ его благодѣянія!

Но въ са́мое то время, когда сіи труды производимы были, Іосифъ помышляетъ о важнѣйшемъ предпріятіи. Прежде возвращенія своего въ Мемфисъ, слѣдовалъ онъ теченію Нилову даже до мо́ря. Сія рѣка при входѣ своемъ во Египетъ, побѣждающая толь высокія камни, что кажется она съ небесъ низвергатися, обрѣтаетъ при исходѣ своемъ новыя препятствія: колико быстра она сходя изъ Еѳіопіи, толико тихо возмущенныя во́ды ея извиваются здѣсь

по

по илу собранному ею, по сей тинистой землѣ, коея пространство око не можетъ обняти; сей растущій илъ могъ бы со временемъ составить оплотъ рѣку остановляющій. Іосифъ прежде всего помышляетъ способствовати Нилову теченію. Но сія мысль, яко сѣмя плодовитое, растетъ и къ важнѣйшимъ дѣламъ его приводитъ; онъ погружается въ глубочайшее размышленіе, какъ добродѣтельный музамъ другъ, въ прекрасный вечеръ обращаетъ стопы своя на зеленое поле зрѣти красоту природы; она единая плѣняетъ прежде все его вниманіе, но скоро потомъ предпріемлетъ онъ возпѣти въ плѣняющихъ стихахъ Творца всея природы, и вселити въ людей добродѣтель; ужè духъ его воспламеняется, и громкій гласъ производитъ: тако Іосифъ, помышляющій токмо способствовати теченію Нила, пространнѣйшее воспріемлетъ предпріятіе. Хощетъ онъ, осушивъ сіе неизмѣримое блато, новымъ государствомъ увеличити Египетъ; въ семъ намѣреніи зритъ онъ менѣе на разпространеніе землй, нежели на неожидаемое отъ глада вспоможеніе; превозхо-

ходный въ очахъ его огнь возгарается; уже кажется ему страна сія покрытою драгоцѣннѣйшими произращеніями, и онъ напредь наслаждается уже тѣмъ блаженствомъ, которое народу доставить желаетъ. Сими мыслями исполненный входитъ онъ въ Мемфисъ. (*)

Онъ предстаетъ Фараону, и рекъ ему, что не довольствуясь единымъ учрежденіемъ порядка въ государствѣ его, хощетъ онъ еще разширити онаго предѣлы. Удивленный Царь, прерываетъ рѣчь его. „Съ которою страною, вопрошаетъ онъ, войну начати хощешь?"

Войну! отвѣщаетъ Іосифъ, сіе страшное бѣдствіе, стыдъ человѣчества, разрушающее государство въ самое то время, когда укрѣпляти оное кажется! чтобъ убивство обагрило руки мои, чтобъ оросилъ я кровію жатву, цвѣты, чистые источники и спокойныя сѣни! Я лучше возприму посохъ, и буду жертвою сея казни, нежели возжгу сей пламенъ пожирающій. Позволь,

о

(*) По древнему Аравитскому преданію, собранному ученымъ отцемъ Кирхеромъ, коимъ и я возпользовался, приписуется Іосифу сихъ земель осушеніе.

о Государь! вѣщати мнѣ чистосердечно; воспитанный между пастырями, не знаю я искусства притворяться, и нещастія не ослабили духъ мой. Престолъ твой долженъ подобенъ быти древу, покрывающему своею тѣнію всѣ твои народы, и дающему безопасное сосѣдямъ твоимъ убѣжище; привлекай ихъ кротостію твоего государствованія; се твердѣйшія побѣды. Я хощу разпространити Египетъ, не проливая ни единыя капли крови." Тогда возпріятое свое намѣреніе онъ ему повѣтствуетъ.

На сіе Царь съ удовольствіемъ ему отвѣщаетъ: „Познаю твою премудрость, и веселюся внемля гласу человѣчества вѣщающему усты твоими. Удивленный внезапу твоимъ предпріятіемъ, устрашился я того, чтобъ величество не вселило въ тебя сего жестокаго любочестія, которое часто цѣлый свѣтъ претворяло на убивственное зрѣлище. Я весьма удаленъ отъ того, чтобъ воздвигнути престолъ мой на окровавленныхъ развалинахъ. Иди; всѣ воины мои тебѣ подвластны; они велѣніямъ твоимъ послушны будутъ, и произведутъ въ дѣй-

дѣйство толь великое и полезное предпріятіе." Тако вѣщалъ Фараонъ.

Іосифъ не медля выходитъ изъ Мемфиса съ многочисленнымъ войскомъ, вооруженнымъ орудіями приличными его предпріятію. Прибывъ ко брѣгу сего пространнаго блата, воины обращаютъ вдаль сомнящійся взоръ свой. „Египтяне! рекъ имъ Іосифъ, вмѣсто сраженія съ непріятелемъ, способствуйте вы рѣкѣ благотворящей странѣ вашей, и зовущей васъ пользоватися тою землею, которую она толико вѣковъ для васъ составляетъ. Я не удаляю васъ отъ отечества вашего; отсюда зрите вы башни Мемфиса, ободряющаго васъ сотворити его столицею величайшаго государства. Сіи поля, услаждая ужасъ глада, воздадутъ вамъ съ лихвою за труды ваши. Спѣшите вы сію страшную казнь предупредити."

Рекъ онъ: подобные героямъ, кои въ часъ сраженія, горятъ начати осаду, сіи воины нетерпѣливо желаютъ изполнить повелѣнное Іосифомъ. Вдругъ начинаютъ рыть седмь рвовъ, кои послужатъ предѣлами рѣкѣ, разлившейся по сей поверьхности: оплоты дѣлу сему способ-

способствуютЪ. Прежде рвы касаются другЪ другу, но приближаяся кЪ мо́рю они разлучаются.

Между тѣмЪ Итуріилъ, который отЪ нача́ла свѣта, и сЪ са́мой той минуты, когда изходище Нилово истекло изЪ нѣдрЪ земныхЪ вЪ первый еще разЪ, упражнялся вЪ сотвореніи новаго Египта, и до краю государства сего посылалЪ тотЪ илЪ плодоносный, который долженЪ былЪ оное увеличить, помогаетЪ нынѣ превозходному сему предпріятію. ОнЪ возвышается на воздухЪ, пребѣгаетЪ весь ЕгипетЪ, прелетаетЪ Ниловы пороги, страну черныхЪ Еѳіоповъ, и вЪ Абиссинію приходитЪ. Тамо остановляетЪ онЪ быстрину изходища; во́ды сЪ меньшимЪ шумомЪ стремятся сЪ камней ЕѳіопскихЪ; рѣка тише ЕгипетЪ протекаетЪ, и люди упражняющіеся вЪ изкопаніи рвовЪ, зрятЪ сЪ удивленіемЪ и радостію НилЪ помогающій ихЪ работѣ. СимЪ ободренные усугубляютЪ они силу свою; присутствіе Іосифа ихЪ поощряетЪ; все дѣлу сему способствуетЪ; наконецЪ касаются они морскому брѣгу, и узрѣвЪ сію стихію, толико срадуются ей,колико

ко пловецъ по долговременномъ своемъ плаваніи узрѣвъ землю возхищается.

Дѣланіе рвовъ совершается, и оныє ожидаютъ той рѣки, которую въ Океянъ нести имъ долженствуетъ. Отверзаютъ оплоты, и Нилъ, оставляя поле, въ седьми рвахъ своихъ течетъ. Каждая часть дѣлателей, стоя предъ тѣмъ рѣки сея предѣломъ, которой изкопала, наслаждается симъ зрѣлищемъ; опершись на заступы, слѣдуютъ они окомъ водному теченію. Скоро рѣка, пріявъ новый путь себѣ предписанный, открываетъ земли его сотворенныя; се былъ образъ дня того, въ который покрывающія землю воды, отъ гласа Божія побѣгли въ пучины для нихъ опредѣленныя. Дѣлатели отвращаютъ отъ Нила взоръ свой и на раждающіяся поля оной устремляютъ. О Александрія! основанная побѣдителемъ какъ бы за опустошеніе цѣлой Азіи, нынѣ зрится мѣсто, на коемъ воздвигнутся твои гордыя башни соперницы Мемфискимъ! Великій Каиръ! неизмѣримое то пространство, гдѣ ты соберешь свои сокровища, кажется въ сію минуту изходити изъ воды! А ты о Помпей! ужѐ

ужѐ нынѣ содѣлано то мѣсто, гдѣ гробу твоему быти суждено!

По окончаніи сихъ трудовъ, Іосифъ съ воинами своими въ Мемфисъ возвращается. Сія побѣда не слезами пріобрѣтенна стала; отецъ старостію отягченный вкушаетъ веселіе видѣти паки сына своего; нѣжная супруга, имѣя въ рукахъ своихъ плодъ своей любви, трепеща отъ радости объемлетъ своего возлюбленнаго въ самое то время, когда младенцы сему пріятному подражаютъ возхищенію.

Іосифъ предстаетъ Царю, и возвѣстя ему о успѣхахъ своего предпріятія: „нынѣ, рекъ онъ, повели, чтобъ Египетъ обремененный жителями, послалъ нѣкую часть оныхъ въ новую сію страну."

Исполненный благодарностію Монархъ его объемлетъ. „Благодѣтель Египта! отвѣщаетъ онъ побѣдитель добродѣтельный! о естьли бы Цари твоему примѣру подражали! О естьли бы они, вмѣсто опустошенія странъ просвѣщенныхъ, творили плодоносными тѣ зѐмли, коихъ они себя лишаютъ сами, и оныя лютымъ звѣрямъ оставляютъ!

Скончай дѣло свое; подай нужныя къ тому свои повелѣнія, и царствуй единъ надъ страною, коей ты становишся зиждитель."

Тогда Іосифъ ведетъ туда жителей, и онымъ землю раздѣляетъ. Рожденная изъ рѣчныя тины, и толь долго водами Нила покровенная земля сія производитъ съ удивительною скоростію сѣмена ей ввѣренныя. Когда украшается она зеленью, цвѣтами, богатою жатвою, удрученными плодомъ своимъ древами, тогда пастырьскія хижины и грады воздвизаются. Какъ дѣлатель прекраснаго са́да зритъ довольнымъ окомъ на растущія древеса, рукою своею насажденныя, наслаждается первою ихъ сѣнію, и окруженный ближними своими возхищается тою пріятною мыслію, что скоро соберетъ плоды своего дѣла: тако Іосифъ обтекаетъ сію веселую страну; весь Египетъ съ своими сокровищами отъ самаго Мемфиса до Ниловыхъ пороговъ не представлялъ ему толь плѣняющаго зрѣлища. Ангелъ надъ моремъ поставленный, веселится на сихъ цвѣтущихъ берегахъ; тамо забываетъ онъ бури и кораблекрушенія;

Оке-

Океанъ почитаетъ поля сіи, и ходатай Египта, летая въ сихъ мѣстахъ, чудится сему виду, и радуется о дѣлѣ своемъ. Когда Іосифъ устремилъ очи свои на единое мѣсто красотою своею плѣняющее, и которое предоставлялъ онъ Царю не предвидя блаженную онаго судьбину, тогда возхищенъ онъ сталъ согласнымъ шумомъ произведеннымъ бесѣдою двухъ Ангеловъ: не вѣдаетъ онъ, эхо ли произноситъ гласъ сей неизвѣстный, зефиры ли составляютъ онаго пріятность, или изъ устъ безсмертныхъ сей Божественный гласъ изходитъ. Исполненный симъ волшебнымъ звукомъ, идетъ онъ ко вратамъ Мемфиса, полевыя собрати сокровища. Отъ самыхъ камней Еѳіопскихъ до брéга морскаго, виденъ былъ долгій рядъ колесницъ везущихъ къ стопамъ его богатство.

Среди сихъ упражненій, возобновляются въ сердцѣ его неразлучныя съ нимъ чувствованія. Не видя еще посланнаго имъ раба въ домъ отца его, предается онъ жесточайшему страху; не чаетъ быти въ живыхъ Іакова и Селиму, и мнитъ, что смерти ихъ ему не смѣютъ возвѣстити." О ты, возо-

пилЪ онЪ тогда, ты, который здѣсь остановилЪ стопы моя, вЪ то время какЪ шелЪ я обняти дражайшихЪ мнѣ людей, или воздати имЪ послѣднїй долгЪ мой, не ропщу я о томЪ, но дай ты мнѣ силу кЪ пренесенїю толикїя скорьби! „ Часто вопрошаетЪ онЪ себя, не похищенЪ ли отЪ него и юнѣйшїй братЪ его; образЪ Венїамина предстоитЪ очамЪ его, и кажется ему зрѣти еще братнее дружество впечатленное на устахЪ его. Иногда мыслитЪ онЪ, что рожденный сЪ нимЪ отЪ возлюбленной Іакова супруги, подверженЪ можетЪ быть и онЪ равной сЪ нимЪ судьбинѣ, что братїя его не терпѣли вЪ немЪ крови Іосифа, что отдалили они его отЪ родительскаго дому, и повергли вЪ рабскую неволю. НаконецЪ толикое его смятенїе разгоняется подозрѣнїемЪ, которое сколь онЪ ни отвергаетЪ, раждается вЪ немЪ паче, чаетЪ онЪ, что братїя его продолжая кЪ нему злобу свою, и страшася, чтобЪ ихЪ не открылись злодѣянїя, удалили раба его отЪ очей Іакова и можетЪ быть оковами его обременили. „ Тогда онЪ упрекаетЪ себя вЪ томЪ, что единЪ изЪ смерт-

ныхЪ

ныхъ отъ него становится нещастенъ; онъ слезы о немъ проливаетъ; свое воспоминаетъ рабство; хотя и желаетъ онъ другаго изъ рабовъ своихъ послати въ домъ отца своего, но сіе желаніе изтребляетъ, и когда знатныя вельможи презираютъ кровь людей имъ подчиненныхъ, и цѣлый иногда народъ приносятъ неправеднымъ страстямъ своимъ на жертву, онъ того не помышляетъ, чтобъ санъ его и дражайшія природы чувствованія давали ему право жертвовать послѣднимъ изъ всѣхъ смертныхъ.

Между тѣмъ народныя нещастія, занимая чувствительность сердца его, затворили отъ него нѣкіимъ образомъ видъ собственныхъ его бѣдствій. Житницы наполненны были хлѣбомъ, и земля зрѣлась дарами своими покровенная, когда, подобна военнымъ предпріятіямъ раждающимся въ царскихъ чертогахъ, въ то время какъ спокойный земледѣлецъ чаетъ дѣлати землю свою для самаго себя, наставала та страшная казнь, которой приближенія ласкающій себя народъ еще не ожидалъ.

Ангелъ, посланнный превѣчнымъ казнити народы, слетаетъ съ круговъ

небесныхъ. Рекъ онъ, и потряслася земля, и возмутился Океанъ. Внезапу возстаютъ въ степяхъ Ливійскихъ страшные вихри, носяще во мрачныхъ нѣдрахъ своихъ безплодіе и знойный прахъ, и когда горящее ихъ дыханіе изсушаетъ Египетъ, сами они тогда отдаляютъ облака собравшіяся надъ Абиссиніею. Въ пространныхъ воздушныхъ поляхъ сраженіе творится. Прежде противостаютъ полуденные вѣтры; облака гонимыя двумя сопротивными силами, біются другъ о друга; тысящи молній ихъ объемлютъ, и вдругъ слышны стали въ едино время гремящіе вихри, громъ и Нилову пороги: сосѣдственный съ Ѳіопіею поселянинъ, прівыкшій къ шуму водныхъ источниковъ, отъ сего страшнаго звука ужасается. Наконецъ Ливійскіе вѣтры торжествуютъ; отреваются облака, и какъ бы въ бездну водъ низверженныя, сокрываются они отъ горизонта. Обманчивая ясность царствуетъ въ неизмѣримомъ небесъ пространствѣ. Ангелъ Египта зритъ побѣгшія облака совсѣми сокровищи государства сего; ни едина завѣса небесныхъ круговъ отъ него не

сокры-

сокрываетъ; но сїе плѣняющее зрѣлище не можетъ утѣшити его о готовящейся ка́зни. Онъ обращаетъ очи свои на исходище Нилово, и вмѣсто того, что въ сїе время онъ небесными увеличенный водами, долженъ былъ стремиться съ необычною быстриною, и побѣждати го́ры, сталъ онъ изсыхати постепенно, и наконецъ теқи подобно потоку слабое журчанїе произносящему, и коего слабое теченїе легкимъ препятствїемъ прекратитися можетъ. Ужѐ ревъ водныхъ пороговъ утишается: кажутся они отреянными и гремящими вдали: эхо умолкаетъ: наконецъ скрываются во́ды, и въ сихъ шумныхъ мѣстахъ царствуетъ глубокое молчанїе. Птицы и лютые звѣри, коихъ водный шумъ исполнялъ страхомъ, нынѣ сею тишиною стали устрашенны. Жители сосѣднихъ пастырскихъ хижинъ, изходятъ со страхомъ изъ сѣней своихъ; отъ виду сихъ нагихъ и знойныхъ камней ужасомъ они изполняются; казнь имъ грозящая представилась ихъ мыслямъ, и гладъ казался имъ, подъ образомъ страшнаго призрака, сложеннаго изъ единыхъ костей, сходящаго съ вы-

соты сихъ камней, откуда прежде текло изобиліе.

Когда они предчувствовали казнь сію, весь Египетъ погруженный въ веселіи, наслаждался тогда последними пріятностями плодородія. Нилъ исполнялъ еще свои пределы; и уменьшеніе водъ его было тихо и непроницаемо. Но узревъ убываніе оныхъ вместо разлитія изъ бреговъ своихъ, целое государство таковымъ же объемлется смущеніемъ. Съ обеихъ странъ и во всемъ реки пространстве, брегъ изполненъ былъ множествомъ людей, кои устремляя на исчезающую воду мрачныя и угасшія очеса свои, возмущаясь духомъ слезы проливали. Между темъ тщетно поля ожидаютъ водъ ихъ удобряющихъ; уже увяли нежные цветы; травы сильнейшія оныхъ, потупляя унылые верьхи своя, кажутся умолять Нилъ, въ самое то время, какъ кедры и пальмовыя древа, покрытыя еще своимъ листвіемъ, казались хотящими презрить сію страшную казнь: но наконецъ подобный зданіямъ возвышеннымъ рукою человека для потомства, кои одолея несколько вековъ, равно

какъ и воздвигнувшая ихъ рука уступаютъ хищенію времени, сіи гордые лѣса теряютъ всю красоту свою; листвія, коими они вѣчно украшались, увядаютъ, упадаютъ, и обнажаютъ мертвый пень и неплодныя лозы. Земля не совсѣмъ еще лишилась зеленаго дерна; на брегахъ видны еще были нѣкіе онаго слѣды; но скоро все разрушается, и всеобщая наступаетъ гибель. Можно бы помыслить, что неисчетные прузи пожрали все до послѣдняго корьня, или пламень алчнаго пожара обнялъ всю сію страну. Весна и осень, кои держа за́-руки другъ друга, въ сихъ прекрасныхъ мѣстахъ поставили престолъ свой, казались оныя оставити на вѣкъ: лѣто, окруженное губительными огнями, учреждаетъ тутъ свое владычество. Нѣтъ болѣе сѣни отъ солнечнаго жару; земля знoемъ пожирается; дыханіе зефира огненно, и зазженный Нилъ ни единаго свѣжаго пара не изпускаетъ. Поселянинъ стенящій и согбенный собираетъ плоды упадшіе съ древесъ, дражайшій и послѣдній даръ, который прежде собиралъ онъ съ цвѣтущихъ вѣтвей. Потóмъ взираетъ онъ со страхомъ на поля о-

пустошенныя: устремляется дѣлати оныя: не смѣя болѣе ввѣрити сѣмя поверьхности земной, раздираетъ онъ ея и обращаетъ въ надеждѣ болѣе плодородія обрѣсти въ ея нѣдрахъ; онъ орошаетъ ея и потомъ и слезами; и идетъ черпати воду, которая прежде туда текла сама собою: непріобыкшая къ таковымъ трудамъ печальная супруга оные съ нимъ раздѣляетъ, когда не зная будущаго, щастливые ихъ младенцы окрестъ ихъ играютъ, и соединенными своими руками слабо направляютъ заступъ въ землю неблагодарную; мать взираетъ на нихъ съ усмѣшкою смѣшенною съ печалію, а отецъ въ уныніе поверженный работу свою усугубляетъ: но, тщетные труды! Природа отвергаетъ вспоможеніе искусства; Нилова воды лишили ихъ плодоносія, и потъ человѣка не можетъ удобрить омертвѣвшую землю; естьли же иногда нѣкая слабая трава изъ пашни изникаетъ, вдругъ при очахъ же земледѣльца пламень солнечный пожигаетъ оную. Онъ плачетъ зря надежду свою уничтоженну, и привлеченный жити въ недѣйствіи, тѣмъ паче о своемъ нещастіи размышляетъ.

Когда

Когда большая часть вельможей заключили себя во внутреннихъ своихъ чертогахъ, для удаленія отъ очей своихъ, а естьли бъ можно и отъ мысли сея жестокія ка́зни, тогда Іосифъ выходитъ изъ Мемфиса, и шествуетъ въ поля̀, въ сей страшный ѳеатръ бѣдствія народнаго. Какое зрѣлище поражаетъ взоръ его, вмѣсто сего блаженнаго жилища, гдѣ природа щедро изливала свои сокровища, зритъ онъ единообразный видъ всеобщія гибели, Египетъ столь же неплодный, какъ и окружающіе его пески и камни, Нилъ почти изсохшій, и кажущійся нести во́ды своя въ страны̀ благополучнѣйшія, водныхъ жителей на днѣ умирающихъ, пѣсни въ лѣсахъ прекратившіяся, птицъ неплодныя поля̀ клюющихъ, или тщетно между знойныхъ вѣтвей ищущихъ себѣ убѣжища, овецъ преклонившихъ къ землѣ гла́вы своя, и безъ пастыря бродящихъ, и блѣдныхъ земледѣльцовъ идущихъ въ молчаніи смятенными стопами. Симъ зрѣлищемъ устрашенный Іосифъ останавляется, и не можетъ слезъ своихъ здержати. Онъ ободряетъ народы; и обѣщаетъ имъ свою помощь.

Они вѣрятъ словамъ и слезамъ его, симъ неложнымъ знакамъ чувствительности сердца его: обновляется надежда, и до самыхъ Еѳіопскихъ бреговъ отъ единыя сѣни до другой разпространяется.

Оттуда идетъ Іосифъ въ земли его стараніемъ осушенныя. Какъ жатель, прія серпъ въ свою десницу, приходитъ жати класы, кои вечеромъ онъ зрѣлъ процвѣтшими: но въ самую ту нощь острый градъ поразилъ оныя до корьня, и вихри похитили до послѣдніяя былинки; объятый ужасомъ не узнаетъ онъ полей своихъ, и безполезный серпъ упадаетъ изъ руки его: тако Іосифъ возмущается видомъ сего опустошенія. Нилъ въ седьми рвахъ своихъ уже болѣе не извивается, сіи поля возпріяли прежнее свое неплодіе; отъ мѣста до мѣста видны токмо были пастырскія хижины, кои являли то собою, что есть во странѣ сей нещастные люди.

Многіе изъ нихъ, собравшись подъ знойныя кедровыя вѣтви, при тѣни единаго токмо пня разсѣдшагося отъ жару, нося на челахъ своихъ видъ отчаянія, указывали перстами на сіи поля

и

и рвы руками ихъ содѣланные. Роптаніе начиналось ужѐ во устахъ ихъ, когда они Іосифа узрѣли. Радуга, тмами цвѣтовъ испрещенная, и сіяющая во облакѣ мрачномъ, гдѣ прежде гремѣлъ громъ, не изливаетъ толикія тишины въ природу и въ душу земледѣльца. Изчезаетъ страхъ сердецъ ихъ, опустошеніе живущее въ поляхъ отъ взору ихъ сокрывается, и плодородіе обновлятися кажется.

Но Іосифъ не довольствуется ободряти народъ едиными словами; онъ спѣшитъ бѣдство ихъ самымъ дѣломъ отвратити. Не возвращается онъ въ свои чертоги, гдѣ бы нещастныхъ воплѣ слышенъ былъ токмо издалека, а часто бы и совсѣмъ не былъ допускаемъ. Ужѐ во внутренности полныхъ житницъ онъ обитаетъ; чертоги его суть то мѣсто, гдѣ является онъ благодѣтелемъ народа. Вѣдая, что знатные слагаютъ съ себя бремена свои, и онымъ слабыхъ отягощаютъ, хощетъ онъ самъ надзирати раздаяніе собранныхъ имъ благъ. Блаженъ земледѣлецъ! не погибнешь ты гладомъ зря въ рукахъ богатыхъ хлѣбъ содѣланный тобою!

Пен-

Пентефрій оставилЪ свои чертоги ради вспоможенія во трудахЪ Іосифу. Но кого избрати для отправленія при семЪ должностей различныхЪ? Гдѣ найти людей неразвращенныхЪ, коихЪ бы жадность не изсушила единаго кладезя изобилія? ІосифЪ умѣлЪ сотворити сердца ихЪ добрыми: не ищетЪ онЪ ихЪ по граду; онЪ обрѣтаетЪ ихЪ вЪ пастырьскихЪ хижинахЪ; они были тѣ самыя, сЪ коими онЪ претерпѣвалЪ рабство. По волѣ Пентефріевой собираетЪ онЪ ихЪ при вратахЪ Мемфиса. „О други! рекЪ онЪ имЪ, я принималЪ участіе вЪ оковахЪ вашихЪ; раздѣлите вы со мною истинное удовольствіе вышняго сана, удовольствіе содѣловати благополучіе людское. НѣтЪ болѣе для васЪ ни цвѣтущихЪ луговЪ, ни лѣсовЪ зеленыхЪ, ни желтѣющихся класовЪ; привлекая кЪ другимЪ трудамЪ, изторгну я васЪ отЪ печальнаго зрѣлища. Когда же васЪ природа вЪ поле будетЪ призывати, тогда вы ея гласу повинуйтеся: между тѣмЪ мы всѣ купно жити будемЪ, и я узрю тѣ обновляющіеся дни, вЪ кои дружество нещастія мои услаждало."

РекЪ

Рекъ онъ, и усердіемъ исполненные посвящаютъ они себя новымъ должностямъ своимъ. Щастливое согласіе великія души, и крѣпкаго тѣла было между Іосифомъ и его друзьями; единый духъ вѣщалъ и исполнялъ повелѣнія. Правосудіе, которое чли отъ земли изгнаннымъ, явилось туда паки, и казалося въ семъ мѣстѣ воздвигнути престолъ свой. Бѣдному равно съ богатымъ угождаемо было, и естьли иногда вѣсы нѣсколько колебались, то развѣ было сіе въ пользу робкаго и страждущаго человѣка. Тако изобиліе царствовало во время глада. Одни знатные вельможи, принуждены будучи умѣрить излишнее, терпѣли отъ сея казни, и можно было зрѣти бѣднаго довольна, и богатаго скорбяща. Рѣдкое зрѣлище въ народномъ бѣдствіи!

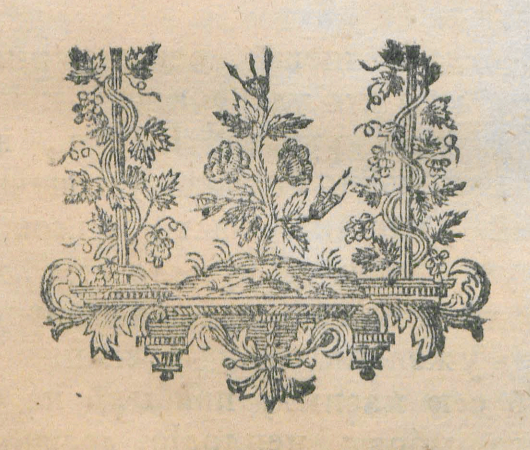
Когда гибли всѣ животныя въ лѣсахъ, и въ изсохшихъ Ниловыхъ предѣлахъ, тогда птицы благополучнѣйшіе оныхъ собирались облаками окрестъ того зданія, гдѣ жито раздаваемо было: зерны на землю упадающія немедленно были ихъ добычею. Они платили Іосифу своимъ пѣніемъ, единымъ веселіемъ,

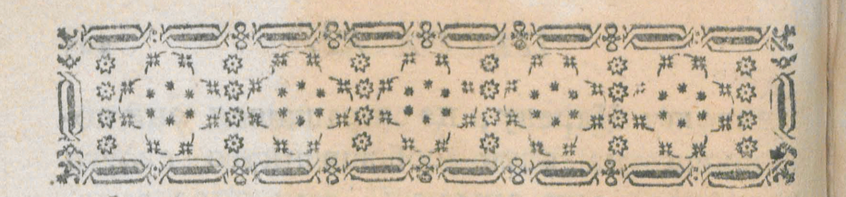
ліемЪ, которое ему представляла природа лишенная всѣхЪ своихЪ прелестей.

Но АнгелЪ Египта изЪ изходища Нилова возвышается на верьхЪ высочайшаго камня, откуда око его всю защищаемую имЪ страну обЪемлетЪ. ПодобенЪ нѣжной матери, которая возхотя питати младенца своего, и нашедЪ источникЪ млека изсохшій, взираетЪ болѣзненно на плодЪ своей любви; смотритЪ онЪ на страну сію рожденную изЪ тину, удобренную Ниловыми водами, и нынѣ гладомЪ опустошаемую. Но видЪ утѣшающій соединяется сЪ симЪ бѣдственнымЪ видомЪ. ОнЪ зритЪ у МемфійскійхЪ вратЪ какЪ бы новый источникЪ, откуда во весь ЕгипетЪ течетЪ изобиліе; онЪ зритЪ Іосифа управляющаго теченіемЪ онаго; онЪ мыслитЪ, что сей добродѣтельный смертный есть нынѣ ходатай духЪ сего государства: доволенЪ летитЪ вЪ сіи мѣста, и стрежетЪ сіи сокровища.

Между тѣмЪ народы приносятЪ Іосифу все свое злато; лишася онаго вручаютЪ ему стада свои; наконецЪ оставляютЪ они вЪ руки его и земли свои. Положась на его благоразуміе и ще-

щедроту Цареву, не страшатся они потеряти на вѣки собственнаго своего владѣнія; они отдаютъ ему оное залогомъ и знакомъ своея довѣренности. Между тѣмъ питалъ онъ ихъ и скотъ ихъ, и сталъ на землѣ живымъ образомъ провидѣнія Божія, который единъ Господь и единъ правитель міра, держитъ его, владѣетъ онымъ, и всѣми заключающимися въ немъ дарами даетъ человѣку наслаждатися.

ІОСИФЪ.

ПѢСНЬ СЕДЬМАЯ.

* * *

Когда Египетъ, оставленный рѣкою его удобряющею, питаемъ былъ руками Іосифа, тогда подобно быстрому источнику, который удержанъ ставъ оплотомъ, въ другую страну устремляется, гладъ за предѣлы сего государства распространялся. Уже Ангелъ, посланный въ міръ съ сею казнію, прибылъ на брегъ Чермнаго мо́ря: неплодіе достигаетъ даже до сихъ береговъ: Океянъ стремленіе онаго не остановляетъ: Ангелъ, прешедъ море, касается плодоноснымъ полямъ Аравійскимъ; почти единымъ уда-

ударомъ разитъ онъ небеса и землю; скрываются облака, или становятся неплодны, и земля свое теряетъ плодородіе; внезапу гибнутъ обильныя Аравійскія произведенія; удивленное море не пріемлетъ болѣе обыкновенныя дани ароматъ, которыя волны его покрывали, и кои, оживляя путешествующаго, привлекали забывати свое отечество.

Ангелъ продолжаетъ свое страшное теченіе, и преходя путь Превѣчнымъ ему повелѣнный, приходитъ онъ во страну Ханаанскую, въ домъ Іакова. Узрѣвъ сіе жилище, гдѣ почитаемъ былъ Творецъ всея природы; онъ останововляется, и желаетъ быть ходатаемъ онаго: входитъ онъ невидимо въ сѣнь сего старца, и зритъ его проливающа слезы; сколь ни былъ онъ подвигнутъ тамъ на жалость: но не взирая на сіе, принужденъ онъ былъ повиноватися велѣнію, которое онъ проникнуть не можетъ. Тогда сѣмена ввѣренныя землѣ, умираютъ въ ея нѣдрахъ; питательные соки, какъ бы изсохшіе источники, уже болѣе на травы и на верьхи древесъ не исходятъ.

Сѣнь Іаковля обнажается своего листвія: не цвѣты въ ней увядаютъ; ибо оными давно болѣе она не украшалася. Возлѣ ея мертвѣетъ сѣнь воздвигнутая Іосифомъ, и въ которой нынѣ Селима обитала. Весь домъ сей равное сему представляетъ зрѣлище.

Іаковъ, который лишася возлюбленнаго сына, изходилъ рѣдко изъ своего жилища, изторгнутъ былъ изъ онаго симъ нещастнымъ случаемъ. Ведомый Селимою и Веніамином, трепещущими стопами шествуетъ онъ во своя хижины; согбенную главу свою подъемлетъ, и очи его смятенно озираютъ сіи плачевные виды. По долговременномъ молчаніи: „Сѣнь Авраамля! рекъ онъ, наконецъ прежнее твое сіяніе затмѣвается . . . Сѣнь погибшаго сына! ты кажешся съ нашею печалію согласна, и я зрю послѣднія твои листвія упадающи . . . А ты, олтарь священный! съ того времени, какъ тебя воздвигнулъ Авраамъ, се въ первый разъ не примешь ты начатковъ плодовъ земныхъ . . . . Могъ ли я чаяти того, что долженъ я еще другія оплакивати бѣдствія, и что съ новою скорьбію сниду

ду я во гробъ? Такъ мало для меня лишенiе дражайшаго мнѣ сына: надлежитъ мнѣ еще умирая видѣти погибающихъ всѣхъ моихъ ближнихъ! . . .„ Потомъ устремя на Селиму и Венiамина нѣжныя очи: „ а вы, рекъ онъ, дщерь моя! сынъ мой! вы утѣшая стенящую старость мою, вы, которымъ должно сомкнуть очи мои . . . .„ Скорьбь препятствуетъ ему продолжати свое слово.

Селима обьемлетъ его, слезами омывая. „ Дражайшiй отче мой! рекла она, естьли купно снидемъ мы во гробъ, то симъ изполнится мое первое желанiе. Каждый день прошу я у небесъ прекратити жизнь мою во единый часъ съ твоею. Прiобыкшая слёзы мои соединять съ твоими, каждую минуту буду я искати тебя въ сѣни твоей, и не нашедъ тебя тамо, сердце мое может ли пренести толикiя скорьби, и довольно ль будетъ слезъ моихъ къ оплакиванiю отца и возлюбленнаго? Что можетъ быть прiятнѣе для насъ, какъ мыслити о томъ, что будемъ мы соединенны съ тою непорочною душею, о которой мы страждемъ непрестанно, что приметъ она участiе въ первомъ

восторгѣ нашея радости, бывъ подъ долгое время свидѣтельницею скорьби нашея!" Сіи слова произнесенныя жалостнымъ гласомъ, смягчаютъ Веніамина, и приносятъ нѣкое утѣшеніе Іакову.

Между тѣмъ другіе его дѣти, собравшися внѣ дома, обращаютъ очи на плачевныя свои жилища и на поля опустошенныя: потомъ другъ на друга взираютъ они съ ужасомъ, ни единаго не произнося слова. Свирѣпѣе и блѣднѣе всѣхъ своихъ братій, Симеонъ не устремляетъ очей своихъ ни на домъ свой, ни на поля; погруженный во мрачное уныніе, потупилъ онъ къ землѣ грозное око свое. „Раскаяніе! терзающее меня и день и ночь, вдругъ возопилъ онъ, такъ ты малое еще мнѣ наказаніе: се предстоитъ жесточайшее; нѣтъ въ томъ уже сомнѣнія, сынове Іаковли! я единъ обращаю казнь сію на главы ваши. Я привелъ васъ на злодѣяніе; я единъ продалъ брата моего; безъ меня бы дружество, веселіе и изобиліе обитало въ нашемъ домѣ. Естьли бъ я одинъ терпѣлъ казнь сію, не приносилъ бы я тогда ни единыя о семъ жалобы: но сіе мстительное небо, кого

его тщетно умоляю я поразити громомъ меня единаго, хощетъ скорбь мою увеличити; хощетъ, чтобы я совершилъ погибель отца моего, вашу, Селимы и всѣхъ моихъ ближнихъ; я долженъ видѣти всѣхъ своихъ мертвыхъ, и смерти ихъ виною себя признавати; я рожденъ на разрушеніе потомства Авраамова до самаго его корени; тщетно Богъ обѣщалъ ему многочисленное племя; я осквернилъ его собою; оно должно быти истреблено . . . . Свершилось все теперь, вамъ болѣе меня не можно удержати, иду открыти все Іакову, хощу, чтобъ онъ наказалъ меня, чтобъ онъ умертвилъ меня, чтобъ избавилъ вдругъ свой домъ отъ братоубійца, и отъ всѣхъ бѣдъ привлекаемыхъ туда моимъ злодѣяніемъ." Рекъ онъ, и нося на челѣ своемъ знаки отчаянія, устремился бѣжати отъ своихъ братій.

„Постой, возопилъ Рувимъ, постой, или мы сами послѣдуемъ за тобою, и скажемъ то Іакову, что всѣ его виновны дѣти. Нещастный! ты себѣ желая смерти, умерщвляешь своего родителя."

Симеонъ трепещетъ, остановляется, и всѣ они входятъ печально въ домъ свой. Издалека зрятъ они почтеннаго старца, возлежащаго на персяхъ Веніамина и Селимы; зрятъ слёзы изъ очей его ліющіяся. „Не пойдемъ далѣе, рекъ Неффалимъ рыдая; блаженна Селима! блаженъ Веніаминъ! вы съ нимъ купно слёзы проливати можете." Всѣ они стали неподвижны. Симеонъ ужасается: какъ убійца узрѣвшій жертву пораженную имъ слабымъ ударомъ, ощущаетъ трепетаніе се́рдца своего, хладный потъ его орошаетъ, тако шествуетъ онъ упасти къ ногамъ Іакова, и сложити съ себя страшное бремя своего злодѣянія; но вдругъ, какбы жестокимъ вихремъ отрѣенный, отъ ужаса вспять обращается.

Въ самое то время повсюду разпространялся слухъ о мудрости Іосифа. Между небомъ и землею летаетъ Ангелъ возвѣщающій людскія добродѣтели. Когда ложная слава служитъ гордынѣ и честолюбію, тогда онъ простыя токмо и смиренныя добродѣтели даетъ познавати; единая истинна изходитъ изъ устъ его, достигаетъ до небесъ, и не

взирая

взирая на роптаніе смертныхъ, слышится иногда и на землѣ. Чаще всего направляетъ онъ полетъ свой далеко отъ большихъ градовъ, и летаетъ надъ бѣдными пастырскими хижинами. Нынѣ у вратъ неизмѣримаго града почерпаетъ онъ повѣствованія достойныя вниманія земли и небесъ. Отъ Мемфійскихъ башенъ возвышается онъ съ единаго круга на другій даже до престола Божія, и повсюду возвѣщаетъ премудрость, которою Іосифъ отъ глада Египетъ избавляетъ; въ сихъ безчисленныхъ кругахъ, текущихъ разными путями, раздается вдругъ имя Іосифово; небесные умы остановляютъ свое пѣніе и внимаютъ сей важной пѣсни посвященной добродѣтели. Оттуда Ангелъ снизходитъ быстрымъ полетомъ до дому Іаковля. Тамо возвѣщаетъ онъ премудрость Египетскаго правителя; кротость его, порядокъ и изобиліе сохраняемое имъ въ семъ государствѣ, и чувствительность его къ нещастнымъ и бѣднымъ поселянамъ.

Симъ повѣствованіемъ Іаковъ возмутился. „Таково, рекъ онъ, таково было душевное свойство моего неща-

стнаго сына. О Селима! и я такожде хощу тебя утѣшити. Блаженъ сынъ мой, немогущій зрѣти угрожающаго намъ бѣдствія; чувствительная душа его не могла бы пренести толикаго удара, и онъ бы всегда изторженъ былъ изъ объятій отца своего."

Но повѣствованіе Ангела вселяетъ смятеніе и ужасъ въ сердца̀ сыновъ Іаковлихъ: кажется, что толикихъ добродѣтелей описаніе обличало ихъ жестокость. „Сей мужъ, рекъ Симеонъ самъ въ себѣ, сей мужъ страннымъ помогаетъ, а я брата моего принесъ на жертву!„

Между тѣмъ Іаковъ призываетъ къ себѣ всѣхъ своихъ сыновъ. Они убѣгали всегда отъ лица̀ его, и каждый разъ, когда онъ собиралъ ихъ, страшилися они обрѣсти его свѣдуща о ихъ злодѣяніи: нынѣ почитая себя виною сея ка́зни, ужасались они и паче присутствія своего родителя. Трепеща входятъ они въ сѣнь его; старецъ на нихъ взираетъ, а они потупляютъ свои очи. „Вы зрите, рекъ онъ имъ: какое бѣдствіе объемлетъ всю сію страну. Скорбь, паче старости, ведетъ меня

ко

ко гробу, и я не хотѣлъ бы продолжити еще нещастную жизнь мою; лишася сына моего потерялъ я то, что мнѣ жизни драгоцѣннѣе. Но Селима живетъ еще; Венiаминъ подобiе сына, о коемъ я рыдаю, Венiаминъ видитъ еще свѣтъ, и вы дѣти мои, вы мнѣ также драгоцѣнны. Египетъ, хотя гладомъ и опустошенъ, но житомъ изобилуетъ, и онъ сими сокровищами долженъ премудрости своего правителя: падите къ ногамъ его; принесите ему сiе злато; онъ, вѣщаютъ, милосердъ къ поселянамъ и нещастнымъ; молите его о милости къ дому нашему. Естьли бъ я неудерживаемъ былъ старостiю, и естьли бъ не хотѣлъ я оплакати сына моего на мѣстѣ его рожденiя, я самъ пошелъ бы во Египетъ; не знаю, что привлекаетъ меня любити сего мужа, о коемъ слава гласитъ по всей землѣ. Насладитесь удовольствiемъ видѣти его; взирайте на его добродѣтели; да нѣсколько смягчитъ сердца ваши его кротость и чувствительность. Ужѐ давно приношу я жалобу на ваше жестокосердiе; вы оставляете скорбѣти отца своего; хотя и видѣлъ я васъ пролива-

ющихъ

ющихъ слёзы, но кажется мнѣ, что вы еще недовольно оплакиваете Іосифа, и что неугодно вамъ бесѣдовати о братѣ вашемъ. Идите; и не единое спасеніе отъ глада съ собою принесите; принесите вы съ собою добродѣтель; по возвращеніи своемъ возвѣстите о семъ премудромъ мужѣ. Но чтобъ не лишился я всѣхъ моихъ сыновъ, Веніаминъ останется со мною." Рекъ онъ, и Симеонъ радуется тайно, обрѣтая случай отвратити бѣдствіе, котораго вину на себя возлагаетъ.

Іосифъ продолжалъ между тѣмъ надзирати Египетъ; онъ простиралъ такожде изобиліе и въ сосѣдственныя зёмли. Увы! когда питаетъ онъ чюждые народы, не вѣдаетъ тогда, что сродники его гладъ и смерть видятъ предъ очами!

Фараонъ увѣдавъ о порядкѣ, съ коимъ жито раздаваемо было, истинное удовольствіе вкушаетъ; онъ призываетъ къ себѣ Іосифа, и удаляя отъ лица своего всѣхъ своихъ вельможей, изображаетъ ему благодарность свою сими словами. „Добродѣтельный помощникъ мой въ правленіи! достойный раздѣляти

со

со мною скиптрЪ мой! чемЪ воздамЪ тебѢ за твои услуги? Воздвигну ли кумиры тебѢ и пирамиды? но ты таковую почесть презираешь, которая гордынѢ воздаваема не можетЪ быти тебя достойна; ты предпочитаешь зрѢти образЪ свой во всѢхЪ сердцахЪ живущій, и дѢла твои суть выше и тверже всѢхЪ великолѢпнѢйшихЪ зданій. Зиждитель единыя части сего государства, ты сталЪ избавителемЪ цѢлаго Египта, и самые будущіе роды тобою жити будутЪ; ты даешь имЪ жизнь, питая ихЪ отцовЪ. Умножи свои благодѢянія; не возмогши ничемЪ тебѢ воздати за содѢянное тобою, даю я тебѢ достойное воздаяніе, отверзая новый тебѢ путь быти полезнымЪ моему государству. ГладЪ не единое есть бѢдство его опустошающее; язва древнѢйшая, и паче всего распространившаяся, усугубляетЪ вседневно свои лютости, сія язва есть суевѢріе. ДобродѢтели твои извлекли меня изЪ заблужденія; ты далЪ мнѢ познати Господа міру: не возможешь ли ты просвѢтить и народЪ мой? Стыжуся управляти смертными весьма мало отличающимися

ся отъ животныхъ, предъ коими они повергаются; хощу быти Царемъ человѣковъ. Затворимъ языческіе храмы, коими земля отягощается; да сокроются ложные Боги отъ твоего гласа, и когда единый Богъ царствуетъ вселенною, да будетъ и у смертныхъ единое ему служеніе."

Іосифъ по нѣкоемъ молчаніи воздыхаетъ. „Колико желалъ бы я того, рекъ онъ, чтобъ не одни безсловесныя твари воздавали свидѣтельство Существу всевышнему, и чтобъ родъ человѣческій обожалъ его общимъ гласомъ! коль пріятно бы мнѣ было раздѣляти съ нимъ преимущество, коимъ пользуются ближніе мои, преимущество лестное, но вкупѣ и прискорбное чувствительному сердцу! тогда люди признавая единаго отца, и не раздѣляемы различными богослуженіями, были бы всѣ братія. О коль пріятно то согласіе, которое основано на естественной склонности! Но сіе блаженное время еще не наступило, и намѣреніе твое обрѣло бы великія препятствія. Дружество, общія нещастія и всегдашнее обхожденіе, помогли мнѣ вселити свѣтъ

въ сердца пастырей бывшихъ со мною въ рабствѣ: но просвѣтить народъ погруженный въ бездну суевѣрія есть дѣло несказанно тягчайшее: можно отвратить теченіе источника; но быстрая рѣка и наводненіемъ увеличенная не хощетъ оставити глубокіе предѣлы собою изрытые. Египетъ есть отецъ суевѣрія, и тѣмъ паче въ оное повергается; онъ утверждается въ своихъ заблужденіяхъ сообщая оныя всѣмъ народамъ. Я привожу на память тотъ самый день, въ который странникъ нѣкій безъ злаго намѣренія убивъ крокодила, не могъ отъ разъяреннаго народа спастися ни моею, нижѐ твоею властію, не взирая на стражей твоихъ преданъ былъ онъ смерти. Во всемъ пространствѣ земли твоея, не поклялись ли люди твои во время глада питатися паче кровію человѣческою, нежели плотію животныхъ ими обожаемыхъ? Чего не должно ожидати, естьли всѣхъ боговъ мы отъ нихъ похитимъ. Возмущеніе и война соединилися бы съ гладомъ, и ужасъ бы онаго усугубили. Олтари, воздвигнутые Существу всевышнему, обагрилися бы человѣческою кровію.

Нѣтъ,

Нѣтъ, не принудимъ людей къ богослуженію, которому изъ сердецъ изходити подобаетъ, и будемъ подражати естеству возвѣщающему Господа кроткимъ и увѣряющимъ гласомъ. Не мни, чтобъ отрицался я помощи намѣреніямъ, кои давно уже я самъ предпріималъ; но толь закорененному суевѣрію медленное потребно врачеваніе; очистимъ древо, но не истребимъ его. Самъ Господь не восхотѣлъ первѣе призывати къ познанію своему людей, кромѣ моихъ праотцовъ. Слѣдуя его примѣру, призовемъ мы добродѣтельнѣйшихъ смертныхъ къ нашему служенію, а дабы не возмутить тщетно народы, то да будетъ служеніе сіе покровенно нѣкіимъ таинствомъ. Да содержитъ Египетъ, бывый до сего времени убѣжищемъ суевѣрія, да содержитъ въ себѣ дражайшія сѣмена правыя вѣры, и когда народъ ложныхъ отъ него боговъ требовати будетъ, тогда да придутъ мудрые отъ всѣхъ странъ познати въ нашихъ таинствахъ Существо всевышнее, до того времени, когда исправившися родъ человѣческій обыметъ сіе познаніе, и утвердитъ оное на вѣки." Рекъ онъ, и похвален-

хваленный Царемъ, изполняетъ не медля свое предпріятіе.

Тогда воздвигнутъ былъ въ Мемфисѣ храмъ, который величествомъ своимъ затмѣвалъ всѣ Египетскія капища, и назначенный идолопоклонству, не былъ еще онымъ оскверненъ: Іосифъ изторгаетъ сей храмъ отъ злочестія, и Превѣчному оный посвящаетъ. Онъ избираетъ малое число мужей добродѣтельныхъ для сего служенія. Потомъ призвавъ Итобала: „мой другъ! рекъ онъ ему, ты нероженъ въ неволѣ; изыди изъ сего состоянія. Я не предлагаю тебѣ величества: не вручаю меча, коимъ храбрость твоя вооружалась; спокойное нынѣ твое отечество не призываетъ тебя къ битвамъ, и война Египта не смущаетъ; наслаждайся блаженствомъ не проливая крови. Первому тебѣ открылъ я Творца всея природы; тобою я хощу народы просвѣтити. Буди начальникомъ надъ тѣми, коихъ избралъ я къ богослуженію приличному человѣку; сразися съ порокомъ и ложнымъ предразсужденіемъ; постави царство добродѣтели. Другъ достойный! изливай повсюду чувствитель-

ность сердца твоего; председи священному дружеству соединяющему сіе новое сообщество мужей просвященныхъ и непорочныхъ. Не къ безплодному познанію будешь ты людей призывати; учи ихъ правотѣ и благодѣянію; да вожди рода человѣческаго не заблуждаютъ съ нимъ во мракѣ; содѣловай Царей, мудрыхъ законодателей. Иди, Пентефрій для меня далъ тебѣ свободу; а я, снявъ оковы съ того, который шествуя самъ на смерть, хотѣлъ извести меня изъ темницы, удовлетворилъ и дружеству и благодарности." Произнеся слова сіи, сердце его смягчается, возхищенный Итобалъ упадаетъ къ ногамъ Іосифа, который возставляетъ его и объемлетъ.

Провождаемый тѣми непорочными мужи, надъ коими начальствовалъ, идетъ Итобалъ отъ объятія Іосифа во храмъ посвященный Творцу всея твари. Царь первый туда шествуетъ, и вступая въ число людей хранящихъ сіе таинство, просвѣщается. Сему примѣру подражаетъ Пентефрій. Ужѐ храмъ сей ожидаетъ къ себѣ мудрыхъ отъ всѣхъ концовъ вселенныя. Орфей! пѣсни твои станутъ въ немъ священнѣ. Ликургъ!

Пиѳа-

Пиѳагоръ! вы почерпнете добродѣтель изъ сего божественнаго кладезя. Изъ нѣдръ сего жилища, о чудный Сократъ! достигнетъ до тебя преходящее отъ единаго Философа къ другому познанiе о Богѣ, которое вселитъ въ душу твою ту непоколебимую твердость, коею возвышенъ будеши надъ врагами своими, имущими принести тебя на жертву!

Iосифъ, не довольствуясь единымъ изполненiемъ сего предпрiятiя, хощетъ еще и того, чтобъ пирамиды, посвящаемыя прежде гордынѣ и ложнымъ таинствамъ, имѣли на себѣ почтенные знаки новаго служенiя. Симъ придаетъ онъ болѣе величества древнимъ онымъ зданiямъ. Мудрые на нихъ взирающiе, не единому чудному искусству дивятся. Сiи гробницы вѣщаютъ имъ о Богѣ и безсмертiи; они суть книги ихъ, послѣ той, которую имъ природа предлагаетъ. Тако Iосифъ питая народы, ихъ просвѣщаетъ.

Посреди сего дѣла искалъ онъ иногда уединенiя, размышляти во ономъ о своихъ возлюбленныхъ. Сiе едино [illegible]вало токмо важныя его упражненiя. Время быстро пролетало; а онъ

не могъ еще изполнити главнѣйшаго своего желанія, какъ во единый день, когда воображеніе его паче всѣхъ дней представляло ему ближнихъ его, возвѣщаетъ ему о прибытіи чужестранцовъ, желающихъ отъ него купити пищи. Они немедленно ему представляются. Въ чертоги его входятъ, и повергнувъ себя къ ногамъ его приклоняютъ чело свое къ землѣ: старшій изъ нихъ простираетъ свое слово: „не остави, рекъ онъ, не остави погибнути людей нещастныхъ, кои бывъ нѣкогда въ изобиліи, нынѣ гладомъ истаеваютъ. Мы пришельцы, и хотя приносимъ къ тебѣ злато, но не имѣемъ права наслаждатися плодомъ твоего старанія; слава возвѣстила въ дому нашемъ твои добродѣтели, и мы не устрашаемся призвати на помощь нашу защитника нещастныхъ."

Гласу сему внемлетъ тщательно Іосифъ. Взираетъ онъ на пришельцовъ: единъ изъ нихъ плѣняетъ его вниманіе. Онъ былъ блѣденъ необычно, и казался виновенъ быти въ страшномъ нѣкоемъ злодѣяніи, и мрачное око его изъявляло души его смущеніе. Іосифъ познаетъ

Симе-

Симеона: невольный страхъ его объемлетъ: въ са́мое то время зритъ онъ Неффалима, Рувима и прочихъ своихъ братiй. Онъ становится неподвижнымъ отъ удивленiя. Первое его чувствованiе было простити вину ихъ; онъ отверзаетъ имъ свои объятiя, и уста его готовы ужѐ были нарещи имена ихъ: но, хотя вѣдати таинство сердецъ ихъ, укрощаетъ онъ съ трудомъ сiи движенiя. Онъ озираетъ своихъ братiй, какъ бы стремяся проникнути во внутренность ихъ душъ; очи его встрѣтясь съ Неффалимомъ, исполняются слезами, и онъ тщетно ищетъ въ нихъ Венiамина. Между тѣмъ они устрашася его взоровъ, и объятые смущенiемъ, кое преступники зря непорочность ощущаютъ, не смѣютъ они возвести на него очей своихъ, и ожидаютъ того, чтобъ онъ прервалъ молчанiе. „Живъ ли вашъ родитель?" рекъ онъ имъ смущеннымъ гласомъ. „Живъ," отвѣтствуетъ Рувимъ. Iосифъ возводитъ къ небесамъ очи омоченныя слезами благодарности. „Такъ вы всѣ его оставили? продолжаетъ онъ, кто помощникъ его старости?" Произнося сiи

слова, едва могЪ онЪ сокрыти свое смятеніе. „Селима, которую онЪ чтитЪ своею дщерію, рекЪ РувимЪ, и ВеніаминЪ, юнѣйшій сынЪ его, вспомоществуютЪ ему бремя старости носити."

Тогда ІосифЪ, не возмогши удержати смятенныя чувствованія сердца своего, изходитЪ вонЪ отЪ нихЪ, и слезы его рѣкою ліются изЪ очей его." Они живы! возопилЪ онЪ, они все еще живы . . . а я медлю ихЪ видѣть! Пойду отселѣ, отвращу отЪ нихЪ гладЪ; они ближніе мои; они должны быти мнѣ драгоцѣннѣе чуждаго народа. . . ." ОнЪ устремился итти, и вдругЪ останавляется.

„Но что! рекЪ онЪ, или чуждЪ мнѣ сей народЪ? или не мнѣ препоручилЪ БогЪ блюсти его? Могу ли я отыти отЪ него безЪ Вышняго велѣнія; и оставлю лЪ я дѣло мое несовершенно? . . . ТакЪ и щастіе мое сЪ скорбію смѣшенно! . . . Но я долженЪ повиноватися волѣ того, кто подалЪ мнѣ толикіе знаки своея благости: отселѣ могу я лучше отвратити казнь погубляющую домЪ родительскій. По крайней мѣрѣ могу я усладить таковое жертво-

при-

приношеніе. Селима! необходимо надлежитъ тебѣ быть неразлучною съ тѣмъ, который тебя чтитъ утѣшеніемъ и радостію своею; буди ему вмѣсто меня до того времени, какъ пріиду я раздѣлити съ тобою сіе пріятное упражненіе: но ты, Веніаминъ, пріиди въ мои объятія; пріиди облегчить мнѣ послѣдніе дни толь нещастнаго изгнанія."

Онъ отираетъ слезы свои, и идетъ къ сыновомъ Іаковлимъ, кои ожидая его съ нетерпѣливостію, страшились слышати моленіе свое отверженно. „Я даю вамъ жито, рекъ онъ имъ, спѣшите изыти отселѣ; спѣшите на помощь къ своему родителю . . . и Селимѣ . . . . Колико желалъ бы я видѣти Іакова! . . . мнѣ знаемъ сей старецъ непорочный . . . . По крайней мѣрѣ желаю я зрѣти всѣхъ его сыновъ. Я хощу оставить здѣсь единаго изъ васъ, пока не приведете вы ко мнѣ Веніамина . . . . Не имѣете ли вы еще другаго брата? . . ." Въ то время устремилъ онъ на нихъ взоръ свой.

Возмущенные симъ вопросомъ, безгласны они стали; Симеонъ блѣднѣетъ: воздыхаетъ Неффалимъ; кажется имъ

всѣмъ, что сей великій мужъ проницаетъ во глубину сердецъ ихъ. „Насъ было дванадесять братій, рекъ Рувимъ запинаяся . . . . но мы не вѣдаемъ, что съ однимъ изъ насъ приключилось."

Между тѣмъ взирали они другъ на друга, желая вопросити единъ другаго, кому въ землѣ чуждей остатися должно. Тогда Симеонъ тихимъ гласомъ имъ вѣщаетъ: Небеса не престаютъ гнати насъ, рекъ онъ; вы знаете, кто виновнѣе всѣхъ. Идите, возвратитесь въ домъ Іакова; я остаюся здѣсь; всѣ мѣстà для меня равны, повсюду сердце мое терзаемо разкаяніемъ будетъ." рекъ онъ; обьемлютъ братія его, и обѣщаютъ ему не медля изыти для избавленія его отъ плѣну.

Видя раскаяніе Симеона и разставаніе его съ братіями, едва не открылъ Іосифъ того чувствованія, которое въ душѣ его было заключенно; ужè очи его слезъ полны были: но Ангелъ Египта, который такожде былъ ходатай Іосифовъ, восхотѣвъ велѣніемъ Превѣчнаго наказати Симеона, продолжити терзаніе совѣсти вѣроломныхъ его братій, и сотворити судъ съ гонимою добро-

дѣтелію, взялЪ за́-руку Іосифа, и отвелЪ его отЪ братій. Они шествуютЪ вЪ свой путь; СимеонЪ печаленЪ и уныլЪ одинЪ остается.

ІосифЪ, какЪ бы отЪ смятеннаго сна пробудяся, хощетЪ знати, гдѣ пришельцы требующіе его покровительства; возвѣщаютЪ ему о ихЪ отшествіи: тогда предается онЪ печали; вопрошаетЪ себя, вЪявѣ ли зрѣлЪ онЪ ближнихЪ своихЪ; почто не устремился онЪ вЪ ихЪ объятія. „Жестокосердый! возопилЪ онЪ, ты мщеніемЪ пылаешь!" ОнЪ хощетЪ видѣти хотя Симеона, и шествуетЪ вЪ то мѣсто, гдѣ его оставилЪ; но тамо его не обрѣтаетЪ, и не вѣдаетЪ того, что АнгелЪ Египта повелЪ его во храмЪ посвященный Творцу всея природы, во храмЪ служащій пристанищемЪ и гонимой добродѣтели и злодѣямЪ пришедшимЪ вЪ разкаяніе.

По нѣкіихЪ дняхЪ, сѣдящій предЪ сѣнію своею ІаковЪ сЪ ВеніаминомЪ и Селимою, зритЪ прибывшихЪ сыновЪ своихЪ; они сходятЪ сЪ вельблюдовЪ, и полагаютЪ у ногЪ старца вретища свои наполненныя житомЪ. ОнЪ стрѣтаетЪ дѣтей своихЪ сЪ горячностію;

но обнявъ ихъ, обращаетъ окрестъ себя смущенныя очи. „Гдѣ Симеонъ? рекъ онъ, я не зрю его."

„Не смущайся, отвѣтствуетъ Рувимъ; достойно хвалятъ правителя Египетскаго: когда устрашало насъ его величество, тогда снисхожденіе его ободряло духъ нашъ. Онъ жалостливъ къ нещастнымъ, и ему любезна добродѣтель. Мы зрѣли его при имени твоемъ смягченна, и проливающа слёзы о бѣдствіи твоемъ: ты знаемъ отъ него; онъ вопрошалъ о всемъ томъ, что тебѣ любезно, и казалось намъ, что онъ чтитъ тебя и любитъ. Хощу, рекъ онъ, видѣти всѣхъ сыновъ Іаковлихъ. Вся строгость его къ намъ состояла токмо въ томъ, что оставилъ онъ у себя Симеона, доколѣ не приведемъ къ нему Веніамина . . . ."

Сіи слова поразили Іакова. „Жестокосердые! прерываетъ онъ, такъ вы стремитесь похитить отъ меня всѣхъ моихъ дѣтей. Я лишился Іосифа; поднесь сердце мое о немъ терзается; не вижу болѣе Симеона, и вы мыслите исторгнути изъ рукъ моихъ Веніамина! Нѣтъ, не ласкайте себя, чтобъ я его

вамъ

вамъ предалъ." Въ то же время держалъ онъ его въ своихъ объятіяхъ.

Сынове Іаковли возмутились, и умолили. Рувимъ наконецъ простеръ слово свое. „Чего страшиться? рекъ онъ, правитель Египта явитъ милость свою Веніамину. Я двоихъ дѣтей имѣю: умертви ихъ, естьли не приведу его къ тебѣ."

„Но привелъ ли ты ко мнѣ Іосифа? рекъ разгнѣванный Іаковъ: или нѣтъ во Египтѣ ни лѣсовъ ни звѣрей лютыхъ? и думаешь ли ты, что кровь внуковъ моихъ утѣшитъ меня о гибели дѣтей моихъ?" Рувимъ ему не смѣетъ отвѣщати.

Они отверзаютъ въ молчаніи вретища исполненныя житомъ, и первѣе всего видятъ въ нихъ злато свое врученное Іосифу: они пораженны стали удивленіемъ. Но старецъ въ глубокое уныніе погруженный, и размышляющій еще объ опасности, которому подверженъ будетъ Веніаминъ въ отшествіи своемъ, взираетъ на злато сіе безъ удивленія.

До того времени, какъ было у нихъ жито, не помышлялъ Іаковъ послати

сыновЪ своихЪ паки вЪ ЕгипетЪ: онЪ сожалѣлЪ о Симеонѣ, но не могЪ сЪ ВеніаминомЪ разлучитися. КакЪ птица сохраняя птенцы своя, раздаетЪ имЪ щедро пищу, которой она лишается сама, тако сей чадолюбивый отецЪ, не отвергая ни вЪ чемЪ желанія дѣтей своихЪ, претерпѣвалЪ самЪ часто нужду, дабы симЪ нещастнымЪ отшествіемЪ помедлити. Между тѣмЪ гладЪ продолжалЪ опустошати землю; жито уменьшалось, и уныніе со ужасомЪ вселилось вЪ домЪ Іакова. Сыны его, предпріявЪ погибнути не принося жалобы, не терзали его воплемЪ своимЪ: но жёны ихЪ и дѣти скитались окрестЪ сѣни его, и молчаніе ихЪ довольно погибель ихЪ изображало. СтарецЪ считаетЪ наконецЪ число дней, вЪ кои можетЪ онЪ еще питати своихЪ ближнихЪ, и устрашается видя, что вЪ скоромЪ времени возлюбленная его Селима, сынЪ, коего онЪ страшится потеряти, и всѣ дѣти его снидутЪ купно во гробЪ; естьли медлити еще, то не будетЪ ужѐ времени итти во ЕгипетЪ, искати помощи отЪ глада: онЪ ужасается отЪ сей мысли. ПотомЪ вопрошаетЪ онЪ себя, сынЪ

ли

ли ему Симеонъ; воспоминаетъ то время, когда зрѣлъ его ліющаго слёзы объ Іосифѣ, котораго онъ прежде ненавидѣлъ. Тотчасъ изходитъ онъ изъ сѣни; изходитъ изъ нея единъ, и идетъ искати сыновъ своихъ удивленныхъ его видомъ: трепещущія руки его несли злато, виноградъ, медъ и мирты: онъ старается удержать слёзы свои. „Идите, рекъ онъ имъ, идите къ мужу тому, который дѣтей у отцовъ похищаетъ: не взирая на нашу нищету, принесите ему сіи произращенія, наилучшія въ странѣ нашей: принесите ему сугубое количество злата, которое онъ отвергнулъ; да оставитъ онъ у себя злато мое, и возвратитъ мнѣ дѣтей моихъ! На конецъ, . . . естьли то необходимо . . . возьмите брата своего и идите. Повѣдайте сему сильному мужу о моемъ нещастномъ состояніи; скажите вы ему, что я лишился сына, о коемъ вседневно слёзы проливаю, что время не могло изцѣлити раны сея, что новымъ ядомъ исполнилъ онъ ея, удержавъ Симеона, что я, лишась Веніамина, не могу пренести скорьби моея: возвѣстите вы ему, что Веніаминъ,

плодъ старости моея, и единый оставшійся залогъ дражайшія моея супруги, имѣетъ всѣ черты лица погибшаго сына моего, и мѣсто его пріялъ въ сердцѣ моемъ. Низринетъ ли онъ во гробъ того, который древностію лѣтъ отягченный, благословлялъ его издалека, любилъ о немъ бесѣдовати, и благодарилъ небо за таковаго покровителя Египту и ближнимъ его? Естьли ожиданіе мое тщетно будетъ, скажите вы ему, что не взирая на старость мою, я самъ, я самъ пойду искати Веніамина, что узритъ онъ слезы нещастнаго отца „ и что, естьли онъ неумолимъ пребудетъ, узритъ мертва меня у ногъ своихъ лежаща . . . Рувимъ! ты приносилъ мнѣ клятву, воспомяни о ней, тебѣ вручаю я брата твоего; удали отъ него и самый видъ опасности; да будетъ онъ посредѣ васъ священнымъ залогомъ, о коемъ вамъ мнѣ должно отвѣщати; окружите всѣ его, и ему защитниками будьте; когда станите вы преходить лѣса, преклоняйте слухъ вашъ, и обращайте очи повсюду, дабы возможно было избавити его отъ лютыхъ звѣрей, и не подвергнути его судьбинѣ Іосифовой. Я не воз-

возобновляю вамъ прежнія мои жалобы; но нынѣ ничемъ себя оправдать не можете; вы не скажите мнѣ того, что были отъ него вы удаленны, что вы не слыхали его воплю, что я не поручилъ его вашему попеченію: я вамъ его вѣрилъ, и естьли не возвратите вы его моимъ объятіямъ, то клянуся небомъ, не прикасатися житу, которое будетъ цѣною его крови . . . . Идите; да Богъ мой, и Богъ отцевъ моихъ поможетъ вамъ обрѣсти милость предъ лицемъ мужа сего, и да отвратитъ отъ васъ всякую опасность! Между тѣмъ я останусь одинъ, и буду помышлять, что лишился я всѣхъ моихъ сыновъ!" Сіе ему вѣщающу, слезъ своихъ здержати онъ не можетъ.

„Я обѣщаю тебѣ, рекъ Рувимъ возмущенный, обѣщаю брата моего привести въ твои объятія: естьли сего не исполню, то чти меня его убійцею, и накажи меня своимъ проклятіемъ:" Всѣ они равную приносятъ ему клятву.

Іаковъ въ свое жилище возвращается: юный Веніаминъ узрѣвъ его издалека, устремляется на стрѣтеніе его, и съ нѣжнѣйшею ласкою его пріемлетъ.

Сму-

Смущенный старецъ объемлетъ его, не произнося ни единаго слова, и держа его за́-руку, тихо въ сѣнь свою входитъ. Тамо возвѣщаетъ ему о приуготовленіи его къ отшествію. При сихъ словахъ источникъ слезный ліется изъ очей Селимы. „Увы! рекла она, вы хощете меня лишить Веніамина! Веніаминъ! братъ мой! истинное подобіе супруга, о коемъ я рыдаю! Я размышляла иногда, что естьли я прежде Іакова умру, Веніаминъ будетъ помощникъ его старости; естьли Іаковъ предъидетъ мнѣ во гробъ, то мнѣ останется хотя Веніаминъ. Хощете ли вы лишити насъ взаимнаго помощника нашего?" Въ са́мое то время взоры ея привлекали Веніамина съ моленіемъ ея соединитися.

Но онъ, отерши слёзы непрестанно изъ очей его ліющіяся, и взявъ за́-руки старца и Селиму: „колъ несносно мнѣ разлучитися съ вами! рекъ онъ, но когда юный Исаакъ, единъ будучи у Аврaама, возлегъ на жертвенникѣ кротко, то естьли какое еще бѣдствіе, коему бы я съ радостію себя не подвергнулъ, для избавленія вашего отъ глада? Я обыму

обыму колѣна сего славнаго мужа, и молити его буду, чтобъ позволилъ онъ мнѣ съ вами оплакиват смерть моего брата, и надѣюсь обрѣсти благодать предъ лицемъ его."

„Сынъ мой возлюбленный! возопилъ Іаковъ, надежда во мнѣ обновляется; Ангелъ спасъ Исаака. „Ангелъ Господень направитъ такожде стопы Веніамина." Рекъ онъ; но Селима еще слёзы проливала.

Наставшу дню отшествія, Іаковъ беретъ Веніамина изъ рукъ отчаянной Селимы; онъ орошаетъ слезами сына своего; возводитъ на небо очи свои, и призываетъ Бога отцевъ своихъ; всѣ умолкаютъ и рыданіе прерывается; потомъ вручаетъ онъ отрока своего Рувиму. Веніаминъ въ слезахъ, подавъ единую руку старѣйшему изъ братій, а другую Неффалиму, выходитъ изъ сѣни. Всѣ сыны Іаковли окружаютъ его при очахъ огорченнаго старца: они удаляются. Іаковъ и Селима послѣдуютъ за нимъ очами и препоручаютъ еще Рувиму сей залогъ драгоцѣнный. Въ сію минуту печальное воспоминаніе представляетъ имъ тотъ лютѣйшій часъ, въ который зрѣли они

удаляющагося Іосифа; они изображаютъ взоромъ сіе чувствованіе, и слёзы ихъ съ большимъ стремленіемъ ліются.

Между тѣмъ Іосифъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ своихъ братій. Какъ по страшной бури, наслаждающійся блаженной тишиною пловецъ, ощущаетъ съ веселіемъ дыханіе вѣтровъ несущихъ его къ отечеству, усматриваетъ наконецъ башни того града, гдѣ родился, и трепеща отъ радости узрѣвъ дражайшую свою супругу, пришедшую на брегъ его пріяти, простираетъ къ ней ру́ки своя: но вдругъ страшный трескъ изшедши изъ глубины Океана поражаетъ слухъ его, день въ единую минуту въ нощь премѣняется, вихри, раздирая воздухъ, обновляютъ бурю, корабль далеко отъ пристани отреваетъся, и башни сокрываются купно со брегомъ и нѣжною супругою: тако Іосифъ зритъ удаляющуюся минуту своего блаженства, и чаетъ иногда быти съ своими разлученъ на вѣки. Во смятеніи души своей, шествуетъ онъ въ поле, и громкимъ гласомъ созываетъ онъ свою братію. Смущаяся паче судьбою Симеона, страшится отчаянія, въ которое

торое онъ поверженъ быти казался: возвѣстили ему, что онъ не соединился съ сынами Іакова: вопрошаетъ себя, кто отвѣщати имъ будетъ, когда придутъ они свое обѣщаніе исполнить. „Нещастный! возопилъ онъ, не уже ли и ты у отца похитилъ сына!"

Во единый вечеръ, когда погруженъ онъ былъ въ сіе печальное размышленіе, Итобалъ возхищенный къ нему приходитъ. „Мой другъ! „рекъ онъ ему, ты сокрылъ отъ меня таинство свое; оно мнѣ уже извѣстно . . . Добродѣтели твои равны величеству золъ твоихъ . . . ." Удивленный Іосифъ словамъ его внимаетъ.

„Недавно, продолжаетъ Итобалъ, недавно вошелъ во храмъ нашъ нѣкій странникъ, блѣденъ, смущенъ, какъ бы мстящимъ нѣкіимъ Божествомъ гонимый, и носящій на челѣ своемъ видъ злодѣянія и раскаянія, которое слѣдуетъ за тѣмъ обыкновенно; изумленъ и трепетенъ не можетъ онъ возвѣстити намъ, кто привелъ его въ сіе священное жилище: онъ оставленъ въ чертогахъ назначенныхъ для тѣхъ, кои должны отъ тяжкихъ грѣховъ очищатися;

ся; по нѣкіихъ дняхъ вопросилъ я его; онъ нарекъ имя свое, онъ братъ твой Симеонъ . . . ."

„О вѣсть пріятная! прерываетъ Іосифъ; мой другъ! не знаешь ты, коль сильнаго смущенія меня ты избавляешь; иди, направи стопы моя, да обыму нещастнаго Симеона . . . ."

„Постой, отвѣщаетъ Итобалъ, и чти уставъ самимъ преданный тобою. Ты вѣдаешь, что преступникъ къ намъ пришедши, равно какъ и всякій желающій въ наше внити таинство, осужденъ бываетъ на долговременное уединеніе и молчаніе. Симеонъ повѣдалъ мнѣ о всѣхъ своихъ злодѣяніяхъ; они привели меня во ужасъ; онъ терзается отчаяніемъ; но надлежитъ, чтобъ раздраживши добродѣтель и священнѣйшія природы узы, изторгнутъ былъ на нѣкое время отъ сообщества людей; когда станетъ онъ тебя болѣе достоинъ, я приведу его къ тебѣ; другъ твой возвратитъ тебѣ твоего брата. Но я требую того, чтобъ ты и тогда открылъ себя не вдругъ: ты знаешь злобу побѣдити; я испрашиваю у тебя большія жертвы; удержи нѣжность свою,

и

и принуди сердце свое вселити страхъ въ души братій твоихъ; сіе послѣднее имъ будетъ наказаніе; необходимо быти тому, должно, чтобъ гласъ раскаянія сильнѣе поразилъ Симеона, и чтобъ ты самъ былъ оному свидѣтель; надлежитъ, чтобъ всѣ сынове Іаковли добродѣтельми своими стали нѣкогда утѣшеніемъ его старости." Іосифъ соглашается неволею съ намѣреніемъ Итобала, и препоручаетъ ему облегчити нещастную судьбину Симеона.

Часы и дни въ бездну вѣковъ погружаются. Наконецъ возвѣщаютъ Іосифу о прибытіи чужестранцовъ, кои покрыты еще потомъ и пылію, хотятъ его видѣти. Онъ повелѣваетъ ихъ къ себѣ ввести въ туже самую минуту. Они входятъ съ принесенными дарами. Узрѣвъ Іосифъ свою братію возхищается веселіемъ: нѣжные очи его устремляются на Веніамина, который прежде взираетъ на него робкими очами, а потомъ въ пріятномъ восторгѣ.

Рувимъ, неся въ единой рукѣ злато, и держа другою юнѣйшаго брата своего, предшествуетъ всѣмъ сынамъ Іакова; всѣ они упали ницъ предъ

Іосифомъ, который вопросилъ ихъ: „живъ ли еще отецъ вашъ и Селима?"

„Они живы, отвѣщаетъ Рувимъ, и отецъ мой посылаетъ къ тебѣ съ сими дарами, сугубое количество злата прежде нами къ тебѣ принесеннаго; мы не вѣдаемъ того, какимъ случаемъ оно наверьху нашихъ вретищъ обрѣтенно; возврати намъ Симеона; мы исполнили велѣніе твое, мы привели къ тебѣ юнѣйшаго сына Іаковля." Въ тоже время предложили они ему и дары своя.

Іосифъ устремя очи свои неподвижно на Веніамина: чадо! рекъ онъ нѣжнымъ гласомъ, Богъ да будетъ милосердъ тебѣ!" И вышелъ отъ нихъ сокрыти слезы своя. Веніаминъ возмущается, и вопрошаетъ себя, почто онъ болѣе нѣжности, нежели страха ощущаетъ.

Но Іосифъ единаго изъ служителей своихъ къ себѣ призываетъ. „Поди, рекъ онъ ему, спѣши ко Итобалу; скажи ему, чтобъ онъ жертвовалъ мнѣ нѣсколькими днями, и не удерживалъ болѣе извѣстнаго мнѣ странника, что пришли его братія, что они ожидаютъ его . . . что я равно съ ними желаю

его

его видѣти, наконецъ, скажи ему, что естьли онъ не придетъ ко мнѣ на помощь, то невозможно мнѣ будетъ соблюсти уставъ отъ него предложенный."

Изрекши сіе велѣніе, входитъ онъ къ братіямъ своимъ, и скоро Итобалъ приводитъ Симеона, который стремится въ объятія сыновъ Іаковлихъ. Іосифъ, свидѣтель ихъ восторга, хощетъ въ ономъ участіе пріяти; сей былъ первый разъ, въ который ощутилъ онъ нѣкую зависть къ своимъ братіямъ; но взоры Итобала его останавляютъ, и не позволяютъ ему еще себя явити.

Между тѣмъ великолѣпное пиршество пріуготовляется: два стола поставляются, единый для Іосифа и друга его, другій для братіевъ его, кои по старшинству своему мѣста свои пріяли: Веніаминъ угощается съ большимъ раченіемъ. „Ахъ! почто, рекъ онъ, не можемъ мы разгнати страхъ Іакова и Селимы, и возвѣстити имъ о благости Правителя Египта!"

При сихъ дражайшихъ именахъ, произнесенныхъ устами Веніамина, смущается духъ Іосифовъ. Итобалъ беретъ

его за́-руку, и пріемлетъ участіе въ тѣхъ чувствованіяхъ, которыя онъ укрощаетъ. Они внимали ихъ бесѣдѣ, и взирая на нихъ тщательно, остановляли они очи свои съ веселіемъ на младомъ Веніаминѣ, который единъ, въ сонмѣ ихъ, изъявлялъ радость, пріятную невинности спутницу.

Наступаетъ нощь и съ первыми лучами авроры, сынове Іаковли, желая прекратить страхъ отца своего, готовы были къ отшествію. Іосифъ, по совѣту Итобалову, даетъ тайное служителямъ своимъ повелѣніе. Веніаминъ разлучаясь съ нимъ, не могъ удержати слезъ своихъ, и естьли бъ не остановляемъ былъ почтеніемъ, то устремился бы онъ въ его объятія.

Сынове Іаковли удалялися отъ Мемфиса, и приближались къ полю бесѣдуя о благосклонномъ принятіи Правителя Египта и о веселіи, которое отецъ ихъ ощутитъ, узрѣвъ Веніамина и всѣхъ своихъ сыновъ; вдругъ Симеонъ остановляется. „Нѣтъ, рекъ онъ имъ, отчаяннымъ взирая на нихъ окомъ, нѣтъ, я твердо предпріялъ, я не послѣдую за вами въ домъ Іакова. Влекомый,

комый, какЪ нѣкіимЪ умомЪ небеснымЪ, шествовалЪ я во храмЪ священный, гдѣ царствуетЪ добродѣтель, и гдѣ, повѣрите ль сему? гдѣ обрѣлЪ я служеніе превѣчному. Я хотѣлЪ отвергнуть отЪ себя бремя моихЪ преступленій, и я открылЪ имЪ оныя: я зрѣлЪ ихЪ ужасомЪ обЪятыхЪ: они вели меня вЪ жилище отдаленное, и осудили меня на уединеніе и молчаніе: тамо безпрепятственно, одно раскаяніе терзало сіе злодѣйское сердце. Сіи добродѣтельные мужи сжалились наконецЪ о моей судьбинѣ; вседневно приходили они ко мнѣ утѣшати меня; но вмѣсто облегченія моего страданія, умножили они его, призвавЪ меня кЪ добродѣтели, и я чувствую, что мнѣ дотолѣ еще терзатися должно, доколѣ не воздамЪ возмездія за мое злодѣяніе. Внемлите моему намѣренію: я хощу скитаяся по всѣмЪ странамЪ искати Іосифа. МожетЪ быть онЪ пребываетЪ во Египтѣ; но естьли я не обрящу его тамо, то пойду повсюду, гдѣ токмо обитаютЪ невольники; нѣтЪ такихЪ лѣсовЪ, нѣтЪ темныхЪ долинЪ, гдѣ бы очи мои искати его не стали, и гдѣ бы не при-

звалЪ его гласЪ мой. Естьли я буду имѣти щастіе, обрѣсти его, устремлюся кЪ нему, скажу ему: не бойся, не пришелЪ я тебя умертвити, остави меня пріяти мѣсто твое, избави себя отЪ злодѣйскаго вида моего, и спѣши оживити томную жизнь отца своего. Идите отЪ меня; возвѣстите Іакову, что нѣтЪ болѣе меня, что свободился онЪ сына недостойнаго . . . не противтесь моему желанію. Или хощете вы, чтобЪ вся жизнь моя текла вЪ злодѣйствѣ? И естьли бЪ ІосифЪ очамЪ Іакова явился, естьли бЪ имѣли вы его вЪ обЪятіяхЪ вашихЪ, возскорбѣли ль бы вы тогда о Симеонѣ? Хотя и не могу я имѣти участіе вЪ семЪ радостномЪ восторгѣ, но вЪ нѣдрахЪ самаго рабства, непріятно ли мнѣ будетЪ размышляти, что разгналЪ я мрачное облако, навлеченное мною на домЪ родительскій, что небеса не взираютЪ болѣе гнѣвнымЪ окомЪ на жилище Авраамово, что я исторгнулЪ отЪ гроба отца моего, вЪ который рука моя его повергала, что Селима не крушится болѣе слезы проливая? . . . Но нѣтЪ; я не могу быти толико щастливЪ, чтобЪ

воз-

возмогъ я обрѣсти Іосифа; конечно погибъ онъ въ скорьби и въ тяжкой работѣ; ужъ нѣтъ его на свѣтѣ, и раскаяніе до смерти терзати меня долженствуетъ: по крайней мѣрѣ я исполню все то, что въ моей состоитъ власти, для исправленія моего преступленія; по крайней мѣрѣ стенанія Іаковля не возмутятъ моей души, и не будетъ онъ предъ очами имѣти проклятаго убійцу сына своего; я удаляюся отъ олтаря священнаго, отъ почтенныхъ гробницъ, кои осквернилъ я моимъ присутствіемъ. Нещастная юдоль Дофаимская! къ погибели моей ты безъ меня была; когда ни обращалъ я взоръ мой на холмы тебя окружающіе, всегда хладный потъ орошалъ тѣло мое, и казалось мнѣ, что земля трепетала подъ ногами моими: о сынове Іаковли! пріимите послѣднія мои объятія; не проливайте слезъ; я измѣнилъ природѣ и братскому дружеству; недостоинъ я имѣти ни отца, ни братій. Можетъ быть скоро скончаютъ небеса нещастное бытіе мое; можетъ быть камень, обрушась на меня, сокроетъ отъ очей людскихъ злодѣя, и гробомъ мнѣ послу-

служитъ, иль, можетъ быть, рѣка пожравъ меня въ своей пучинѣ, помчитъ далеко отъ градовъ и селъ и на брега̀ необитаемые трупъ мой извергнетъ."

Удивленные и возмущенные намѣреніемъ Симеона, колебалися они между страхомъ, его лишитися, и надеждою обрѣсти Іосифа: но въ очахъ Веніамина видна была сія сладкая надежда побѣждающая скорбь. „Клянуся небомъ, рекъ онъ Симеону, что я не злобствую на тебя съ того часа, какъ узналъ я твое раскаяніе: но, я зрю, что не можешь ты быти щастливъ, не обрѣтши Іосифа, и что вѣдаешь ты самъ, коль далеко утекло съ нимъ спокойство дому нашего. Я твоей не противлюсь добродѣтели. Иди, послѣдуй сему великодушному чувствованію; естьли бъ не страшился я умножити отчаяніе Іакова, я самъ послѣдовалъ бы за тобою. Да будетъ вождемъ твоимъ Богъ вселивый въ тебя мысль сію, и да приведетъ онъ тебя предъ Іосифа! Но не мню, чтобъ нещастный обременилъ тебя своими оковами; онъ погибнетъ паче самъ въ неволѣ. Спѣши искупити его всѣмъ нашимъ златомъ, и самъ приведи его въ домъ родитель-

тельскій съ собою. Естьли же тщетно будетъ твое исканіе, приди посредѣ насъ, и не сотвори того, чтобъ мы двухъ лишенны были братій."

Симеонъ пріемлетъ злато, и когда всѣ рыдали, онъ одинъ объемлетъ ихъ во мрачномъ молчаніи. Едва изторгнулъ онъ себя изъ ихъ объятій, и косными стопами отъ нихъ удалялся, ужѐ единый Іосифовъ служитель приходитъ къ нимъ спѣшно. „Стой, вопіялъ онъ Симеону, и вы всѣ стойте. Почто, зломъ платя за благое, взяли вы съ собою чашу моего господина?"

При сихъ словахъ всѣ они объяты стали удивленіемъ, и слéзы ихъ тещи перестаютъ. Рувимъ приступя съ негодованіемъ; „Умертви изъ насъ того, рекъ онъ, кто обрѣтется чашу сію взявый." Тогда слагаютъ они врeтища: но едва отверзаютъ Веніаминово, ужѐ чаша сія всѣхъ взоры поражаетъ. Они блѣднѣютъ, вопіютъ ужасаяся, и одежду свою раздираютъ. Служитель Іосифовъ повелѣваетъ имъ слѣдовать за собою къ своему господину.

Пришедъ предъ лице его, повергаются они предъ нимъ на землю; чéла

ихъ касаются землѣ орошенной ихъ слезами. „Мы невинны, вопіяли они,... Но можно ль оправдаться....Конечно казнитъ насъ Богъ за другое злодѣяніе... Мы всѣ твои рабы."

Іосифъ, возмутяся, какъ нѣжный отецъ принужденный наказати дѣтей своихъ, хощетъ имъ себя явити: но удержанный Итобаломъ бывшимъ приономъ: „нѣтъ, рекъ онъ имъ съ притворною твердостію, тотъ единъ останется рабомъ моимъ, у кого чаша стала обрѣтенна, а вы, возвратитесь съ миромъ къ отцу вашему."

Отъ сихъ словъ вострепеталъ Рувимъ: онъ возводитъ на Іосифа скорбныя очи; хощетъ прервати рыданіе свое. „Молю тебя, рекъ онъ, для имени отца почтенна паче бѣдствіемъ, нежели старостію.... Препоручивъ мнѣ сей послѣдній залогъ своей любви, вѣщалъ онъ мнѣ: повѣдай сему сильному мужу о моемъ нещастіи; скажи ему, что я лишился сына, о коемъ вседневно слёзы проливаю, сына, коему во всемъ подобенъ Веніаминъ, заступившій мѣсто его въ сердцѣ моемъ. Естьли онъ его похититъ отъ меня, то не

не взирая на бремя лѣтъ моихъ, самъ пойду во Египетъ, и онъ узритъ меня мертва у ногъ его лежаща. Ахъ! естьли бъ видѣлъ ты его страданіе и скорбь, когда разлучался онъ съ дражайшимъ своимъ сыномъ, естьли бъ зрѣлъ ты слёзы неутѣшимыя Селимы, которая любитъ въ немъ супруга, о коемъ сокрушается, ты не могъ бы сопротивлятися сему жалостному зрѣлищу. Хощешь ли ты и насъ лишити сего брата? . . . Иль мало мы нещастны Іосифа лишася? . . . Ва́рвары исторгли его отъ родительскаго дому . . . Зритъ небо, коль истинно наше о немъ сожалѣніе, мы возвратили бы его Іакову цѣною кро́ви нашея . . . Можетъ быть, онъ нынѣ рабъ . . . Должно ли единую судьбу имѣть съ нимъ Веніамину? По семъ вѣщать ли мнѣ и о самомъ себѣ? Я отвѣщаю за сего толь возлюбленнаго ему сына; естьли не приведу я его въ объятія старца, то проклятію его тогда подвергнусь. Я имѣю дражайшую мнѣ супругу, имѣю дѣтей возрастающихъ къ моему удовольствію, и стоящій при дверяхъ гроба Іаковъ, восхощетъ, чтобъ рука старѣйшаго сына его затворила его очи; но отторгни меня

паче

паче отъ моей супруги, отъ дѣтей моихъ, отца, отъ всѣхъ моихъ ближнихъ и удержи меня рабомъ на мѣсто Веніамина; я не могу слышати проклятія Іаковля. . . . Естьли ты отца имѣешь, естьли ты знаешь узы братскаго дружества . . . Ты слёзы проливаешь, и я зрю на челѣ твоемъ изображающееся кроткое человѣчество, составляющее душй твоея свойство."

Рекъ онъ, и юный Веніаминъ простеръ къ нему слово свое: „Нѣтъ! вѣщаетъ онъ Рувиму, я не терплю того, чтобъ ты мнѣ жертвовалъ собою. Я невиненъ: но естьли небеса послали на единаго меня сіе бѣдствіе, то я единъ оное и долженъ претерпѣти." Потомъ обращся ко Іосифу: „Я не требую совершенной вольности, рекъ ему, но отвергнешь ли ты моленіе мое? Ради старости отца моего, согласись нынѣ на мое отшествіе: увы! печаль его скоро во гробъ его повергнетъ: Я не умножу скорьби его, и не возвѣщу ему о судьбѣ моей; забывъ самъ себя, буду я оплакивати съ нимъ брата, коего воспоминаніе толико мнѣ любезно: но когда Іакова болѣе не будетъ, и когда

орошу

орошу я гробъ его слезами, то клянусь Богомъ неба и земли, кленуся притти къ тебѣ и быть рабомъ твоимъ: безъ сомнѣнія прискорбно мнѣ будетъ разлучиться съ Селимою и братіями; но я и съ тобою разлучался не безъ сожалѣнія, и самая строгость твоя не могла истребити чувствованія, меня къ тебѣ влекущаго." Онъ произнесъ сіи слова проливая слезы и съ видомъ истиннаго чистосердечія.

Іосифъ, пораженный толикою добродѣтелію, упрекаетъ себя въ оскорбленіи невинности; сія мысль терзаетъ его сердце; онъ не можетъ болѣе сопротивлятися стремленію своему, влекущему его въ объятія Веніамина, и уже притекалъ къ нему, когда Симеонъ, воставъ отъ земли, на коей онъ лежалъ распростертый, устремляется ко Іосифу; мрачныя очи его слезъ не проливаютъ; видъ его жесточайшее изъявляетъ отчаяніе, и онъ кажется влекомымъ фуріею ко престолу судіи своего. „Се онъ, вопіялъ бія въ перси свои, се злодѣйское сердце, се варваръ продавшій брата своего; почто другія искать жертвы! Я привелъ ихъ въ иску-

шеніе, я навлекЪ на нихЪ всѣ бѣдствія, казни единаго меня; свободи Іакова отЪ сына несущаго ему безславіе; я измѣнилЪ Іосифу, спасу Веніамина, пусть шествуютЪ они, пусть я рабомЪ останусь, естьли того могу быти достоинЪ, когда ІосифЪ, самая добродѣтель, страждетЪ во оковахЪ."

РекЪ онЪ, и болѣе не могЪ ІосифЪ сопротивлятися сердцу своему; очи его встрѣчаются со взоромЪ Итобала, который симЪ зрѣлищемЪ смягчается: тогда, подобно источнику ничемЪ недержимому, ліются слёзы его, и изЪ глубины сéрдца своего восклицаетЪ онЪ гласомЪ, удивившимЪ всѣхЪ его братій; онЪ устремляется вЪ объятія Симеона; и вопіетЪ: „Я братЪ вашЪ ІосифЪ." ОтЪ сего слóва всѣ стали неподвижны: они возводятЪ на него взорЪ свой, и познавЪ его, хотятЪ радость свою изЪявити, но внезапный страхЪ пресѣкаетЪ ихЪ восхищеніе. Единый ВеніаминЪ радостный испускаетЪ гласЪ. СимеонЪ трепещетЪ вЪ объятіяхЪ Іосифа; отторгается изЪ рукЪ его, уклоняется отЪ ласки, коей себя чтилЪ онЪ недостойнымЪ, и кЪ ногамЪ его

упада-

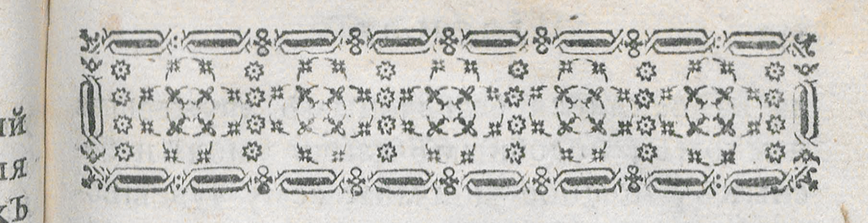
упадаетъ. Іосифъ возставляетъ его. „Я братъ вашъ, рекъ онъ имъ, Рувимъ! Неффалимъ! и всѣ вы, возстаните, приближитесь ко мнѣ, я вамъ прощаю. Богу угодно было мое нещастіе, да возмогу помощи Египту и дому родительскому; колико я блаженъ! я вкушаю удовольствіе спасти жизнь вашу! . . . Симеонъ! почто не пріемлешь ты свидѣтельства горячности моей? Единъ видъ твоего раскаянія велѣлъ мнѣ все ужè забыти; не устрашися обняти брата своего."

Тогда Симеонъ, проливаетъ источникъ слезъ изъ очей, въ коихъ прежде горѣлъ отчаянія огнь; еще не смѣетъ онъ воззрѣти на Іосифа, но токмо держитъ его въ своихъ объятіяхъ, прижавъ къ трепещущей груди своей. Всѣ сыны Іаковли приближаются, и обоихъ братій окружаютъ. Веніаминъ беретъ руку Іосифову, и слезами своими ея орошаетъ. Іосифъ оставляетъ тогда Симеона, и устремляется къ юнѣйшему брату; долгое время держатъ они въ объятіяхъ другъ друга, раскаяніе не возмущало сіи нѣжныя ихъ ласки. Наконецъ Іосифъ объемлетъ всю свою братію: каждаго своими орошаетъ слезами:

зами: вдругъ слышится и радостный крикъ, и рыданіе скорьби, смѣшенныя съ пріятнымъ именемъ брата, кое всѣхъ уста единогласно повторяютъ.

Сіи гласы проницаютъ стѣны сихъ чертоговъ. Пентефрій и всѣ Іосифовы други притекаютъ на сіе нѣжное зрѣлище, и слёзы ихъ ліются со слезами сихъ братій: Веніаминъ паче всѣхъ плѣнялъ ихъ зрѣніе. Сынове Іаковли въ живости своего чувствованія, не видятъ зрителей ихъ окружающихъ. Иногда гласъ раскаянія изходитъ изъ сердецъ исполненныхъ дружествомъ, и объятія ихъ возмущаетъ; Симеонъ біетъ въ перси своя, и каждой изъ нихъ упрекаетъ себя въ участіи, которое прiялъ во общемъ злодѣяніи. Но Іосифъ взираетъ на ихъ нѣжными очами. Уразумѣваютъ они языкъ его, прерываютъ свое раскаяніе, и слёзы свои останавляютъ.

ІОСИФЪ.

ПѢСНЬ ОСЬМАЯ.

* * *

Нощь, навлекающая тѣни, и отверзающая тѣмъ взору нашему великолѣпное зрѣлище вселенныя, царствовала на поверьхности землѝ, и спокойная луна, окруженная плѣняющимъ своимъ величествомъ, къ небесамъ тихо восходила: сынове Іаковли наслаждались успокоеніемъ; единый Іосифъ съ Веніаминомъ сну еще не предавались. Держа единъ другаго ру́ки, и искавъ мѣста уединеннаго, шествовали они въ поле, вкушали по сильномъ восхищеніи тишину пріятную, и ду́ши ихъ, безъ по́мощи сло-

ва изъяснялися безгласнымъ дружества языкомъ, подобнымъ языку умовъ небесныхъ; нощное молчаніе сему чувствованію вспомоществовало.

Іосифъ начавъ наконецъ слово свое: „дражайшій Веніаминъ, рекъ ему, я сталъ уже извѣстенъ о томъ, что мнѣ всего драгоцѣннѣе; скорбь не умертвила Іакова и Селиму; братіи мои, поверженные въ жесточайшее раскаяніе, не удалили раба того, коего послалъ я въ домъ родительскій; сей нещастный конечно погибъ на пути своемъ: но ты, можетъ быть, не вѣдаешь того, что во время твоего младенчества происходило, или можетъ быть слабое токмо воспоминаніе объ ономъ сохраняешь. Ты словъ моихъ силу разумѣешь: я хощу знати, какъ отецъ мой и Селима свое нещастіе познали; трепещу я спрашась, не вѣдаетъ ли Іаковъ вину своихъ сыновъ: жестокосердо было бы вопрошати мнѣ о томъ моихъ братій; въ присутствіи Симеона не хотѣлъ я часто повторяти и имя моей возлюбленной; но оное неволею изъ устъ моихъ изходило. Къ тебѣ я обращаюсь; невинно сердце твое, ты никогда не

измѣ-

измѣнилъ бы братскому дружеству, и ты можешь вѣщать о преступленіи не терзаяся стыдомъ. Нощь приближается и воцарившаяся окрестъ насъ тишина ко сну зоветъ смертныхъ, но сладость ея не толико мнѣ любезна, колико бесѣда о возлюбленныхъ намъ людяхъ."

„Я могу твоему удовлетворити желанію, отвѣщаетъ Веніаминъ, воспоминаніе о сихъ нещастныхъ временахъ начертанно въ моей памяти; а Неффалимъ повѣдалъ мнѣ о томъ, чего я самъ не видѣлъ; Неффалимъ многажды вѣщалъ мнѣ сію жалостную повѣсть."

Тогда пріемлютъ они мѣсто на единомъ холмѣ: все, что ихъ ни окружаетъ, все съ печальною ихъ бесѣдою согласно; природа, лишенная прелестей своихъ, казалася въ тоску быти погруженна; высокіе кедры, листвія своего обнаженные, помрачаютъ небеса черными и неподвижными своими вѣтвіями, и сіяніе луны отъ мрачныхъ облакъ ослабѣваетъ. Іосифъ преклоняетъ слухъ свой, и когда звѣзды въ молчаніи преходятъ свое теченіе, тогда Веніаминъ рекъ ему съ видомъ кроткаго чистосердечія:

„Естьли бъ я долженъ былъ вѣщати сію повѣсть прежде, нежели обрѣлъ тебя, скорбь прервала бы гласъ мой, и не позволила бы мнѣ слѣдовати порядку сихъ плачевныхъ произшествій; и нынѣ часто я рыданіемъ моимъ буду прерываемъ. Коликократъ вопрошалъ я себя, истинно ли то, чтобъ я братъ былъ лютыхъ твоихъ гонителей! Боже! ты зриши, хощу ли я ихъ злодѣяніе увеличити! коль мало подражалъ бы я тогда твоему великодушію! но какъ возмогу я безъ ужаса повѣдати дѣйствіе ихъ злобы?

Я начинаю съ той нещастной минуты, когда жестокіе Мадіаниты, отторгнувъ отъ объятія Неффалима, повлекли тебя . . . По нѣсколькихъ часахъ, Рувимъ, уклонившися отъ нихъ, приходитъ ко своей братіи. Какъ растерзавшій добычу свою левъ, долгое время ярость свою сохраняя, страшныя испускаетъ рыканія; тако Симеонъ трепеталъ еще во своей лютости; пламенные очи его, то блѣдный, то оживленный его видъ, тяжкое дыханіе, черты его лица, движенія, смятенныя стопы его, словомъ, все возвѣщало въ

немъ

немъ мщенie и гнѣвъ; подобныя сему чувствованiя, но въ нижшей токмо степени, видны были на лицахъ прочихъ сыновъ Iакова; единый Неффалимъ проливалъ слёзы. Удивленный Рувимъ вопрошаетъ ихъ о причинѣ сего смятенiя, и въ са́мое то время притекаетъ ко рву, въ коемъ не обрѣтши тебя, раздираетъ своя ризы. Тогда Неффалимъ повѣствуетъ ему о твоей судьбинѣ. Рувимъ, хотя и не любилъ тебя, но не желалъ похитить ни жизни ни вольности твоей; размышляя паче о собственной своей пользѣ, нежели о твоей погибели: „Нещастный! возопилъ онъ, что со мною будетъ? Iаковъ отъ старѣйшаго сына своего требовати Iосифа станетъ.“ Тогда моленiемъ и страхомъ привлекалъ онъ ихъ, сказати себѣ о пути твоемъ. Симеонъ тѣмъ паче раздраженный, чѣмъ болѣе онъ былъ обвиняемъ, запрещаетъ всѣмъ своимъ братiямъ ему повѣдати о томъ; а Неффалимъ, коего онъ удалилъ тогда, самъ того не вѣдалъ. Рувимъ, оставя ихъ; потекъ твоего искати слѣду, и Неффалимъ уклоняся отъ нихъ съ нимъ соединился. Многie дни проводили они

во тщетномъ исканіи, и покровенныя пылію и потомъ возвратились.

Тогда Рувимъ обращая къ Симеону слово свое: „Я зрю, рекъ онъ, что изображенная въ очахъ моихъ скорбь исполняетъ тебя радостію; веселишся ты о успѣхѣ твоего злодѣянія: но я долго внималъ твоей ярости; я возвращаюсь въ домъ родительскій; зри, хощешли ли ты послѣдовать за мною; на какую бы казнь я ни осужденъ былъ, не могу я оставити отца." Слабый Неффалимъ, видя брата своего помогающа ему, рекъ имъ, что и онъ послѣдуетъ Рувиму. Прочіе дѣти Іаковли не хотятъ такожде разлучитися на вѣкъ съ мѣстомъ своего рожденія. Симеонъ трепещетъ отъ гнѣва; но устрашаяся того, чтобъ не возложили на него сего злодѣянія, естьли онъ одинъ не явится предъ очами Іакова, соглашается онъ съ общимъ желаніемъ, и всѣ они къ дому родительскому идутъ.

Странникъ, съ коимъ стрѣтился ты нощію въ лѣсу, пришелъ отъ тебя возвѣстити Іакову, что братія твои въ Дофаимѣ, и что для того принужденъ ты единымъ днемъ умедлити

твое

твое къ намъ пришествіе: сія вѣсть извлекла воздыханія изъ сéрдца отца моего и Селимы. Въ день назначенный для твоего прибытія, пошли мы трое на срѣтеніе тебѣ; но Селима и Іаковъ, какбы мрачнымъ предчувствіемъ возмущаемые шествовали въ глубокомъ молчаніи. Настаетъ вечеръ, но мы еще тебя не зримъ: обращая единъ на другаго сомнящіеся взоры, не смѣли они страхъ свой изъяснити: я старался разгнати ихъ смятеніе младенческою ласкою; но въ первый разъ обрѣлъ я ихъ нечувственныхъ ко мнѣ. Наконецъ нощная тѣнь принудила ихъ возвратитися въ домъ свой. Шествующій посредѣ ихъ далъ я имъ руки, и мы шли во мракѣ: слышно мнѣ было рыданіе Селимы и воздыханія Іакова, и я самъ возмущаяся, проливалъ слёзы. Мы достигли до сѣни нашея: Іаковъ хощетъ утѣшити Селиму; но словà на устахъ его умираютъ. Тщетно стараются они заключити скорбь въ сердцахъ своихъ. Часто молчаніе сіе прерывалося гласомъ Іакова. „Еще не идетъ сынъ мой! вопіялъ онъ, не ужè ли онъ братіямъ своимъ внимая, не страшится огор-

огорчити отца своего? . . . Можетъ быть, преходя нощію сей лѣсъ, лютые звѣри . . . великій Боже! трепещетъ мое сердце; да будетъ тщетно сіе жестокое предчувствіе, коимъ душа моя терзается! . . . Но что! еще не идетъ сынъ мой! . . . еще ни единаго не зрю изъ сыновъ моихъ!" Селима съ своей стороны многажды изъявляла свое смятеніе. Всю нощь провели мы не смыкая очей своихъ.

Едва первые солнечные лучи явилися, ужѐ были мы всѣ трое внѣ нашея сѣни; исполнясь нетерпѣніемъ, обращали мы очи наши на мѣсто, откуда тебѣ прійти надлежало: жѐны и младенцы братій моихъ равнымъ горящіе нетерпѣніемъ, скитались печально окрестъ дому нашего, и вопрошали у Іакова о супругахъ своихъ, объ отцахъ своихъ, объ Іосифѣ . . . .

Между тѣмъ братія моя приближались къ дому косными стопами, и въ свирѣпомъ молчаніи стеналъ Рувимъ; Неффалимъ рыдалъ неутѣшно; Симеонъ раздраженный ихъ печалію, металъ на нихъ грозные взоры. Но едва достигали они до подошвы холма, на ко-

коемъ былъ домъ нашъ, едва сѣнь Іаковля поразила очеса ихъ, ужѐ всѣ они вдругъ останoвляются, блѣднѣютъ, и трепетъ ихъ объемлетъ. Самъ Симеонъ неволею блѣднѣетъ и трепещетъ: кажется ему, что съ высоты холма того превѣчный вѣщаетъ имъ гласомъ грома своего. По долговременномъ молчаніи: „Вы зрите, рекъ имъ Рувимъ, что не можемъ мы воззрѣти на сѣнь Іаковлю: что будетъ, когда его узримъ самаго? что скажемъ ему? что будемъ отвѣщати ему, когда онъ насъ объ Іосифѣ вопроситъ?" Сіи слова̀ умножаютъ ихъ смущеніе и ужасъ.

Но Симеонъ хотя разгнати страхъ, коимъ онъ и братія его терзалися: „Риза Іосифова, рекъ онъ, осталася у насъ: или не можемъ мы предложити отцу моему ея окровавленну, дабы паче его увѣрити, что звѣрь лютый пожралъ сына его?" Всѣ они соглашаются на сіе предпріятіе, и смятеніе ихъ казалось быти уменьшенно; единый Неффалимъ продолжалъ взирати на сѣнь Іакова исполненными слезъ очами.

Тогда Симеонъ пріемлетъ ризу твою, разстилаетъ по землѣ ея, отторгаетъ

гаетъ юнаго козлища отъ питавшей его матери; тщетно со страхомъ она притекаетъ; онъ безгласную тварь поражаетъ, и кровь ліется по ризѣ твоей. Тако сіе невинное животное, вмѣсто того, чтобъ возложенну быти на олтарѣ Бога вышняго въ день рожденія сына, или въ день другаго радостнаго произшествія, стало нынѣ жертвою злодѣйскія рукѝ, и закланно при случаѣ погибели брата!

Обагривъ кровію ризу твою, начинаютъ они преніе о томъ, кому принести ея Іакову. Симеонъ хощетъ, чтобъ сіе рѣшилъ жребій; но Рувимъ тому сопротивляется. „Да кончитъ дѣло свое тотъ, рекъ онъ, кто оное на́чалъ." Неффалимъ трепещетъ отъ ужаса при единой мысли о таковомъ исполненіи. „Я, рекъ Симеонъ отчаяннымъ гласомъ, я принесу ризу сію Іакову." Въ тоже время показуетъ оную братіямъ въ рукахъ своихъ, омоченную кровію, и скорыми стопами отъ нихъ удаляется. Сія кровавая одежда, сіе скорое шествіе, сей смятенный видъ, и сія багровая блѣдность, которую раскаяніе впечатлѣваетъ на челѣ злодѣя

въ

въ самый часъ злодѣянія, явили бы въ немъ убійцу, и можетъ быть Іаковъ обвинилъ бы его въ пролитіи крови Іосифовой: но вдругъ Симеонъ останавляется; страшнымъ колебаніемъ духъ его терзается: наконецъ возвращается онъ блѣднѣе и мрачнѣе прежняго; онъ идетъ мимо братій своихъ, не воззрѣвъ ни на единаго изъ нихъ, и обращаяся къ стражу своего стáда: „Иди, рекъ ему, и ризу сію принеси Іакову." Пастырь пріемлетъ оную, и къ дому нашему приближается.

Между тѣмъ Іаковъ не возмогши пренести болѣе смущеніе души своей: „Я, рекъ онъ, возьму въ объятія мои единаго оставшагося мнѣ сына, и пойду самъ искати Іосифа и всѣхъ моихъ сыновъ. Безъ сомнѣнія приключилось съ ними нѣкое жестокое нещастіе, а естьли горячность ихъ ко мнѣ уменьшилась, то можетъ быть, возбудитъ оную въ сердцахъ ихъ присутствіе родителя." Сіе ему изрекшу, исходитъ онъ изъ сѣни, при входѣ коея ожидали насъ два верблюда. Ужѐ огорченная Селима готова была послѣдовать стопамъ его, какъ вдругъ узрѣли они вдали юнаго пастыря.

стыря. Тотчасъ лучъ радости разгоняетъ страхъ, и они себя ласкаютъ, что зрятъ самого тебя. Внезапу Селима возопила, и почти бездыханна упала къ ногамъ Іакова, который ужасомъ и удивленіемъ объятый хощетъ помощи ей, но узрѣвъ самъ окровавленную ризу твою, оставляетъ Селиму, притекаетъ къ пастырю, и трепещущими руками пріемлетъ сію нещастную одежду: смягченный пастырь не можетъ вѣщати ему ни единаго сло́ва. „Великій Боже! вопіялъ отецъ мой, сынъ мой мертвъ . . . свершилося предчувствіе. . . Звѣрь лютый. . . .“ Въ са́мое то время смертная блѣдность покрываетъ чело его; онъ колеблется; пастырь ему спомоществуетъ. Же́ны и дѣти братій моихъ прибѣгаютъ, и устремя очи на ризу твою, и на старца, жалостнымъ гласомъ воздухъ наполняютъ. Я, смятенный симъ зрѣлищемъ, притекалъ отъ Селимы ко Іакову, и отъ Іакова къ Селимѣ . . . .“

Въ семъ мѣстѣ рыданіе Веніамина и Іосифа прерываютъ повѣствованіе: оба они объемлютъ другъ друга, и соединяя

единяя долгое время слёзы свои, Веніаминъ продолжаетъ свое слово.

„При вступленіи сыновъ Іаковлихъ въ домъ свой, трепетъ объялъ сердца̀ ихъ. Идутъ они тихо, и мимо сѣней своихъ проходятъ: повсюду царствуетъ уединеніе и тишина плачевная: во злодѣяніи своемъ кажется имъ, что вина̀ ихъ ужѐ открыта, и что жёны и дѣти ихъ убѣгаютъ отъ нихъ со ужасомъ. Симеонъ, неволею послѣдуя своимъ братіямъ, шелъ позади ихъ въ нѣкоемъ разстояніи.

Скоро зрятъ они женъ и дѣтей своихъ собравшихся предъ сѣнію Іакова. Они сами туда шествуютъ: Рувимъ и Наффалимъ, проникая сквозь сіе собраніе, приближаются къ старцу; прочіе мои братія виновнѣе ихъ, сокрываются во множествѣ своихъ ближнихъ; они трепещутъ предъ отцомъ своимъ, и не смѣютъ на него воззрѣти. Но Симеонъ стоялъ удаленный отъ сего страшнаго зрѣлища.

Между тѣмъ Іаковъ, бывый долгое время окамененный скорбію, отверзаетъ свои очи: онъ зритъ всѣхъ своихъ ближнихъ окрестъ себя; взираетъ на

Нефталима, Рувима и всѣхъ своихъ сыновъ; во смятеніи своемъ ищетъ онъ еще Іосифа посредѣ ихъ, вопрощаетъ о немъ: „Увы! рекъ онъ, всѣ сынове мои возвратилися въ домъ нашъ, а ты, который долженъ имъ предъити, ты, который паче всѣхъ изъявлялъ мнѣ свою горячность, ты еще не въ объятіяхъ моихъ! . . .“ Мы всѣ молчали, но воззрѣвъ вдругъ старецъ на окрававленную ризу твою, прерываетъ самъ слово свое рыданіемъ и воплемъ, раздираетъ свою одежду, и посыпаетъ перстію главу свою. Отъ сего жалостнаго вопля Селима, лежащая до сего почти бездыханна, отверзаетъ свои очи; устремляется она къ ризѣ твоей; всѣ трое мы ея пріемлемъ; орошаемъ ея слезами; руки наши обагряются кровію; мы отъ ужаса трепещемъ; слышится токмо единое рыданіе наше, и окружающій насъ сонмъ, взирая на сіе нещастное зрѣлище былъ безгласенъ . . . .

Но сохраняя долгое время почтеніе къ скорьби Іакова, всѣ ближніе его желаютъ наконецъ утѣшити его. Жены братій моихъ приближаются, и простираютъ къ нему слово свое: „Престань-

станьте, отвѣщалъ онъ имъ, престаньте удерживать скорбь мою: не ужѐ ли завиствуете вы Іосифу о слезахъ по немъ ліющихся? Скорьбите паче и вы о немъ со мною; онъ всѣхъ васъ любилъ чистосердечно, и сколь ни младъ онъ былъ, но естьли бъ смерть меня похитила отъ васъ, онъ служилъ бы вамъ отцемъ.... А я! я чего въ немъ не лишился! Нѣтъ болѣ сына моего!... Великій Боже! восхотѣлъ ли ты поразить сердце мое жесточайшимъ ударомъ?... Онъ любилъ добродѣтель; онъ украшалъ ея; ему предалъ я мудрость Авраама и Исаака; онъ былъ честію, утѣшеніемъ и жезломъ старости моей; онъ новый свѣтъ проливалъ на послѣдніе дни мои; единый онъ утѣшалъ меня за холодность ко мнѣ прочихъ сыновъ моихъ, и соединялъ въ сердцѣ своемъ всю горячность, которую имѣлъ я право ожидати отъ братіи его.... Возлюбленная супруга! коея прахъ, можетъ быть, въ сію нещастную минуту возмущается, онъ былъ истинное твое подобіе.... А я о немъ не возстѣналъ бы! Естьли бъ я не возрыдалъ о немъ, сіи камни пролили бы

 слёзы.

слёзы. Я дотолѣ плакати о немъ буду, доколѣ къ нему во гробъ не сниду." Сіи были его жалобы. Но воззрѣвъ вдругъ на братій моихъ, гнѣвъ возгорѣлъ въ очахъ его. „Дѣти жестокосердые! возопилъ онъ, се радость, которую я долженъ былъ ожидать отъ вашего прибытія! Для возвращенія васъ въ домъ мой Іосифъ жертвовалъ собою; естьли бъ не оставили вы отца своего, Іосифъ жилъ бы и донынѣ; вы, вы меня его лишили, вы виновны въ его смерти." Всѣ они отъ сего негодованія блѣднѣютъ.

Селима, посредѣ вопля сего, вѣщала прерывающимся гласомъ. „Великій Боже! . . . При самомъ заключеніи нашего союза!... Въ день моего брака!... Одежда! которую исткала я на украшеніе моего супруга, я зрю тебя кровію обагренну, и ты стала покровомъ мертваго его тѣла!.... А ты сѣнь брачная! вмѣсто того, чтобъ при звукѣ орудій, вести меня подъ сѣнь твою, онъ съ лютымъ звѣремъ сражается; упадаетъ, терзается... Звѣрь трепещущими его членами насыщается . . . . Естьли бы хотя, сладчайшею уснувъ смертію, скончалъ онъ жизнь

жизнь свою въ моихъ объятіяхъ, подобенъ цвѣту увядающему, естьли бъ душа его на единую минуту остановилась на устахъ его, и естьли бъ могла я возпріяти послѣднее его воздыханіе . . . . Ежели бъ еще могла я погребсти трупъ его, нечувственна ко всѣмъ прелестямъ природы, вседневно преходила бы я источники, луга̀ и холмы, пріити на гробъ его; я имѣла бы его въ объятіяхъ моихъ; воздыханіе мое и слезный источникъ проникнули бы сей прахъ драгоцѣнный; онъ не могъ бы сего не ощущати; смерть не вѣчно бы насъ другъ со другомъ разлучила, и когда бы я ужѐ болѣе о немъ слезъ не проливала, тогда соединился бы я съ нимъ во единое жилище . . . .» Рекла, и біетъ въ перси своя, и срываетъ цвѣты украшающіе главу ея.

Между тѣмъ Іаковъ, не видя Симеона, вопрошаетъ, не обѣихъ ли сыновъ онъ ужѐ лишается. Тогда окружающій старца сонмъ, раздвизается, и сей нещастный сталъ виденъ отцу своему поверженный въ глубокое уныніе. Іаковъ зоветъ его: гласъ Божій вѣщавшій Каину, по убіеніи Авеля не вселилъ въ

сію злодѣйскую душу толикаго страха. Симеонъ трепещетъ, колѣна его преклоняются, онъ хощетъ бѣжати; но Іаковъ еще его призываетъ, внимая сему почтенному гласу, нещастный приближается косными стопами. Приступя ко отцу своему, потупляетъ очи свои, лице его всеминутно измѣняется, и естьли бъ не сокрывалъ ты предъ Іаковомъ злобы къ тебѣ Симеоновой, едино бы смятеніе его изобличило. „ Нещастный! рекъ ему старецъ, или знаешь ты о судьбѣ Іосифа болѣе всѣхъ своихъ братій? . . . Ты не любилъ его . . . Ты смущаешся его погибелью . . . . Но не возмогъ ли ты помощи ему? Не внялъ ли ты во́плю его? Онъ бы на твое защищеніе конечно устремился . . . Гдѣ погибъ онъ? Который лютый звѣрь пожралъ его? Не принесъ ли ты съ собой хотя окравовленныхъ его членовъ?" Симеонъ повѣдалъ послѣ братіямъ своимъ, что при каждомъ изъ сихъ словъ, казалося ему, что подъ ногами его колеблется земля, что паче погружается онъ въ бездну, и что въ первый разъ ощутивъ весь раскаянія ужасъ, готовъ ужѐ онъ былъ громкимъ

кимъ гласомъ возопити: я, я сей лютѣйшій звѣрь.

Наконецъ Іаковъ въ сѣнь свою отходитъ: тамо нѣжное зрѣлище сему страшному послѣдуетъ. Онъ хощетъ утѣшити Селиму. „Іосифъ не нещастенъ, рекъ онъ; не забудемъ того въ скорьби нашей, что оставилъ онъ отца, приближитися къ отцу всея твари, что обитаетъ онъ въ самомъ непорочности жилищѣ, кое было толь любезно его сердцу . . . .“ Посреди сего утѣшенія онъ остановляется, и слезы проливаетъ. Тогда я притекъ къ нему, и весь слезами омоченный, хотѣлъ я отерти его слезы: но воззрѣвъ на лице мое, которое конечно представило ему образъ твой, возрыдалъ онъ неутѣшно, взирая на меня долгое время, пріялъ онъ меня въ свои объятія, и подъявъ къ небу: „Великій Боже! рекъ онъ, внемли моленію злощастнаго отца: я не всего лишился; Веніаминъ, мнѣ еще оставленъ; онъ имѣетъ всѣ черты лица своего брата: да будетъ онъ ему и въ добродѣтеляхъ подобенъ! да будетъ онъ мнѣ вторымъ Іосифомъ! . . . Веніаминъ! хотя ты младенецъ, но да не

изходитъ день сей во вѣки изъ памяти твоей; воспомни, что тебѣ мѣсто его пріяти надлежитъ. А ты, которая должна была соединитися съ сыномъ, о коемъ я рыдаю, я хощу, колико я могу уронъ твой наградити, буди дщерь моя, вручаю тебѣ стадо Іосифово, живи въ той сѣни . . . . которую созидалъ онъ, вести съ тобою жизнь благополучную." Рекъ онъ: Селима упадаетъ къ ногамъ Іакова; мы объемлемъ его оба, и сладчайшія имена отца, дщери, сына съ нашимъ рыданіемъ соединяются.

Сколь жестокая скорбь поразила Селиму, когда въ первый разъ вошла она въ сѣнь твою! Я чаю еще зрѣти ея срывающу цвѣты украшавшіе сіе веселое жилище и одѣвающу оное чернымъ кипарисомъ; солнце не можетъ туда болѣе проникнути, и зефиры не колеблютъ ужѐ листвія; царствуетъ тамо печальная тишина и мрачная нощь. Са́мое плачевное древо среди сѣни поставляется ея руками. Пото́мъ, взявъ лиру, которую строилъ ты на торжество своего брака, взираетъ не нея мрачными очами, и обѣшиваетъ ея на вѣтьви кипари-

парисныя. При корнѣ дрѐва сего поставляетъ она ковчегъ, въ которомъ хранима была риза твоя. Тако превращаетъ она во гробъ брачную сѣнь твою, гдѣ сама погребаетъ себя со образомъ твоимъ: вседневно приходила она предъ ковчегъ, отверзала его, и слезами своими его орошала.

Но Іаковъ, недовольный исполненіемъ сего суетнаго долга, изходитъ одинъ изъ своей сѣни; онъ не вѣщаетъ никому изъ насъ о намѣреніи своемъ; преходитъ своя хижины, запрещаетъ послѣдовати за собою, и удаляся отъ жилища отцовъ своихъ, идетъ онъ до того лѣса, гдѣ провелъ ты нощь шествуя въ Дофаимъ. Скитаясь по сему неизмѣримому лѣсу, призываетъ онъ тѣнь своего сына; ищетъ слѣдовъ твоея крови, и не страшася приближитися къ обитанію звѣрей лютыхъ, хощетъ обрѣсти нещастное тѣло твое и предать его погребенію. „Тигры! вопіялъ онъ, когда имѣли вы его въ кохтяхъ своихъ, не ужѐ ли и вы тогда не были смягченны? Всю ли свою добычу вы поглотили?" Между тѣмъ чая срѣтити окравовленные члены твоя трепещетъ

онъ отъ сея единыя мысли: но потщетномъ исканіи, истощенный хожденіемъ старецъ, входитъ тихо въ домъ свой. Съ того времени не изходилъ онъ изъ сѣни своея, развѣ токмо приносити Превѣчному начатки плодовъ земныхъ; скорбь и сѣтованіе въ жилищѣ нашемъ воцарились, и казалось, что нѣтъ ужѐ на свѣтѣ самаго Іакова: рѣдко призывалъ онъ сыновъ своихъ, кои съ своей стороны страшились его присутствія . . . ."

Въ семъ мѣстѣ Іосифъ прерываетъ слова̀ Веніамина. „Ободримся, рекъ онъ: твое повѣствованіе пронзаетъ глубину моего се́рдца, и я зрю самого тебя смягченна." Они нѣкое время, въ молчаніи предаются разнымъ чувствованіямъ исполняющимъ ихъ ду́ши. Пото́мъ Іосифъ обратяся къ брату своему: „Скончай слово свое, вѣщаетъ ему, и повѣдай мнѣ о нещастномъ Симеонѣ; ужѐ первое его раскаяніе возмутило духъ мой." Рекъ онъ, и Веніаминъ сими словами скончиваетъ свою повѣсть.

„Симеонъ, паче прочихъ моихъ братій, убѣгалъ Іакова. Вседневно возрас-

растало въ семъ виновномъ сердцѣ страшное раскаянія жало. Онъ пылалъ любовію къ Селимѣ; но смятенный тою лютою скорьбію, въ которую онъ ея повергнулъ, не токмо не вѣщалъ ей о любви своей, но и не смѣлъ явитися предъ нею. Когда внѣ своея памяти притекалъ онъ къ сѣни твоей и отца моего, тогда стенанія старца и Селимы, поражая внезапу слухъ его, терзали смущенную его душу; онъ бѣжалъ подобно человѣку, за слѣдами коего стремится ревущій источникъ, прервавши свой оплотъ, и когда въ дальнемъ разстояніи хощетъ дыханіемъ своимъ собрати силы своя, тогда чаетъ онъ слышати еще сіи стенанія, и паки бѣгство начинаетъ. Когда шествовалъ онъ мимо олтаря, воздвигнутаго Авраамомъ, и гдѣ приносимъ мы превѣчному наши жертвы и моленія, тогда мнилъ онъ сему страшному внимати гласу: не оскверняй собою сихъ священныхъ мѣстъ; иди, бѣги, и не ожидай того, чтобъ пожралъ тебя огнь небесный. Естьли онъ ко гробамъ отцевъ нашихъ приближался, то чаялъ тогда зрѣти исходящія изъ землѝ мстительныя

ныя тѣни. Иногда устрашенный лютѣйшимъ еще образомъ, и ставъ блѣденъ подобно человѣку Ангеломъ смерти пораженному, вопіялъ онъ, что окровавленная тѣнь твоя послѣдуетъ стопамъ его. Вдругъ, во смятеніи души своея, вопрошалъ онъ, не восколебалась ли земля, не потряслись ли лѣса и горы, желая бѣжати самого себя, шелъ онъ отъ дому нашего, въ средину темнаго и уединеннаго лѣса; тамо вопль его соединялся съ ревомъ звѣрей лютыхъ; братія мои слѣдуя за нимъ издалека, слышали его вопіюща: „Каинъ! Каинъ! ты во мнѣ оживаешь . . . Боже отмщеній! Тако ли и я казнюся, какъ былъ казнимъ Каинъ? Впечатлѣлъ ли ты на челѣ моемъ знаки моего злодѣянія? Кажется мнѣ, что отецъ мой, Селима, что всѣ взора моего ужасаются, что стада не хотятъ пастися на травѣ, по коей я скитаюсь, что не пьютъ они изъ источниковъ, изъ коихъ знойну я жажду утоляю, и что повсюду, гдѣ ищу покоя, внимаю я единому роптанію природы.“ Сіи были слова сего нещастнаго. Іаковъ помышлялъ, что Симеонъ, убѣгая его присуп-

сутствія, не хощетъ умножити скорби отца своего, представляя ему врага сыну тому, о коемъ онъ рыдалъ. Селима знала паче всѣхъ злобу къ тебѣ сего неправеднаго брата; но добродѣтельныя сердца питаютъ рѣдко подозрѣніе о толь свирѣпыхъ злодѣяніяхъ; между тѣмъ всякій разъ, когда она взирала на него, невольное трепетаніе терзало сердце ея.

Внемли, что любовь содѣловати можетъ. Въ концѣ сѣни твоея стояло вязовое древо, которое долженствовало покрывати брачную сѣнь твою. Селима вырѣзала на древѣ семъ имя твое. Во единый день, когда исполненными слезъ очами взирала она тщательно на сіи дражайшіе знаки: „Естьли бъ я могла, рекла она, начертати здѣсь, также какъ имя его, и нѣкія черты его лица!" Едва пришла мысль сія, ужѐ рука ея изображаетъ уста твои; но важнѣйшее воспріявъ намѣреніе, отсѣкаетъ она вѣтви древа, и единый токмо пень его оставляетъ. Никто не смущалъ ея въ семъ уединеніи, и мы не вѣдали о ея предпріятіи, но во единый вечеръ призвала она въ сѣнь свою меня

и Іакова. Коль велико было удивленіе наше! на мѣстѣ древа мы образъ твой узрѣли; по языческому повѣствованію, люди нѣкогда превращались въ древеса, но здѣсь бездушный пень оживлялся подъ десницею Селимы. Се твои черты, станъ, се самъ ты предстоишь взору нашему; ты былъ въ томъ образѣ, въ каковомъ зрѣли мы тебя въ нещастную минуту разлученія нашего; ты простиралъ къ намъ руки и слёзы лилися по твоимъ ланитамъ. Іаковъ, пораженный удивленіемъ и радостію, чаялъ, что въ сію минуту приходитъ тѣнь твоя насъ утѣшати. Я устремляюся къ сему дражайшему изображенію; всѣ трое мы его обѣемлемъ, и слезами своими его орошаемъ. Коликаго плача стоило мнѣ сіе пріятное упражненіе! рекла намъ Селима; чѣмъ болѣе я въ ономъ успѣвала, чѣмъ сходнѣе были сіи черты съ тѣми, кои врѣзаны въ сердцѣ моемъ, тѣмъ паче возмущался духъ мой. Иногда среди дѣла сего, внезапная мечта увѣряла меня, что зрю я моего супруга предъ собою. „Іосифъ! вопіяла я, куда ты отъ насъ сокрылся? Какъ возмогъ ты оставити меня?

Тогда

Тогда желѣзо упадало изъ рукъ моихъ, и я не исходила изъ сего мечтанія, въ иномъ видѣ, какъ обьемля сіе нечувственное древо." Тако намъ вѣщала Селима. Въ семъ священномъ уединеніи устремя очи на твое изображеніе, мы бесѣдовали о тебѣ единомъ: Тайнымъ входомъ, приходилъ отецъ мой изъ сѣни своея въ сіе посвященное слезамъ мѣсто: казалось намъ иногда, что носится окрестъ насъ тѣнь твоя, и что образъ твой смягчается отъ гласа скорьби нашея.

Между тѣмъ, чѣмъ болѣе возрасталъ я, тѣмъ паче лица моего черты твоимъ подобны были. Время умножало сіе сходство, и Селима иногда взирая со Іаковомъ нѣжными на меня очами! „Се гласъ его, вѣщали они, се чело его, уста, власы. „Радовался я о семъ подобіи, и въ чистомъ источникѣ, любилъ я зрѣти въ себѣ образъ твой. Часто въ умиленіи души своей нарицалъ меня отецъ мой именемъ Іосифа. Какъ прекрасныя плоды на чуждое прививаются вѣтвіе, тако въ душу мою преселялъ онъ твои добродѣтели.

Я видалъ рѣдко братій моихъ: Симеонъ паче прочихъ, не терпя безъ сомнѣнія сходства моего съ тобою, убѣгалъ моего взора. Неффалимъ токмо любилъ со мною быти; ты единъ былъ виною нашея бесѣды. Во единый день рекъ онъ мнѣ, что хощетъ повѣдати кѣкое важное мнѣ таинство, и удалясь отъ всѣхъ со мною, вѣщалъ онъ мнѣ нещастій твоихъ повѣсть. Коль возрадовался я, услышавъ, что ты еще живешь на свѣтѣ! Но коликая скорбь прерывала сіе веселіе! Ты былъ мертвъ для насъ какъ прежде. Суди о моемъ страданіи: мнѣ надлежало заключити таинство сіе въ сердцѣ моемъ; возвѣстивъ о семъ Іакову и Селимѣ, обновилъ бы я, а можетъ быть, и усугубилъ бы ихъ отчаяніе, и сколь ни ужасенъ казался мнѣ Симеонъ, но довольно былъ онъ ужѐ казнимъ своимъ разкаяніемъ и безъ того, чтобъ навлещи родительское на него проклятіе.

Іосифъ! возлюбленный мой братъ, почто я толико юнъ былъ, когда повергался ты злобѣ сыновъ Іаковлихъ! я послѣдовалъ бы стопамъ твоимъ, и естьли бъ я долженъ былъ пріяти участіе

стіе во твоемъ бѣдствіи, я единъ возпротивился бы безчеловѣчному ихъ сонму. Колико кратъ искавъ уединенія, размышлялъ я о тебѣ! Сердце мое тебя призывало, я простиралъ къ тебѣ руки, очи мои въ наидальнѣйшія устремлялися страны. „Гдѣ живетъ онъ? Вѣщалъ я, не ужè ли онъ отъ полуденнаго истаеваетъ зноя? Или среди вѣчныя зимы погибаетъ? Я на всѣ страны обращался; просилъ тебя отъ небесъ и отъ землй. Часто я готовъ былъ отторгнутися отъ объятія Іакова, искати тебя въ самыхъ Варварскихъ странахъ, и естьли бъ небеса мнѣ тебя не возвратили, не могъ бы я долго сему сильному желанію сопротивлятися."

Рекъ онъ, и отягченный всѣми чувствованіями Іосифъ, кои тогда сердце его испытывало, устремляется въ объятія Веніамина. Скорбь, радость, любовь, дѣтская горячность, братское дружество, и общее сожалѣніе вдругъ царствуютъ въ душѣ его; онъ еще предается на долго въ объятія сего возлюбленнаго брата: наконецъ они другъ друга оставляютъ, и сонъ сіи смущенныя движенія успокоеваетъ.

ІОСИФЪ.

ПѢСНЬ ДЕВЯТАЯ.

* *

С По нѣкихъ дняхъ проведенныхъ во увѣреніи взаимнаго дружества, Веніаминъ рекъ своимъ братіямъ. „Когда предаемся мы веселію обрѣтши Іосифа, забываемъ мы тогда, что Іаковъ и Селима еще о немъ рыдаютъ: не должно ль намъ спѣшити къ нимъ, и радость нашу съ ними раздѣлити?" Тотчасъ дѣлаютъ они пріуготовленіе ко своему отшествію. Коль ни усердно желаетъ Іосифъ разгнати скорбь отца и возлюбленной, но видитъ съ сожалѣніемъ, что минута разлученія своего съ братіями приближается.

Едва

Едва онъ ихъ узрѣлъ, ужѐ долженъ былъ присутствія ихъ лишитися! колико желаетъ онъ послѣдовати имъ! шествуя на опустошенныя поля̀ и на брегъ Нила, истаеваетъ онъ со всею природою. „Рѣка! возопилъ онъ, когда зримы будутъ во̀ды твои? Земля! когда произрастишь ты первый цвѣтъ, сей пріятный знакъ моего отшествія? сколь будетъ онъ въ очахъ моихъ прелестенъ! Ароматы его толико̀ благоуханны будутъ, колико дыханіе Селимы."

Посреди сего чувствованія повелѣваетъ царь предъ себя его призвати. Онъ является предъ нимъ съ видомъ сердечныя печали. „Ты обѣщалъ мнѣ, рекъ Фараонъ, не оставити Египетъ, доколѣ гладъ продолжится: но почто, облегча и раздѣля нещастія наши, почто не насладитися тебѣ съ нами временемъ благополучнѣйшимъ? . . . Не возмущайся; я не требую болѣе жертвы отъ твоей чувствительной души. Братія твои прибыли во страну сію: я знаю о бывшемъ твоемъ веселіи, и о настоящей твоей скорьби. До сего дня не возмогъ я достойно увѣнчати труды твои: душа твоя превыше всѣхъ

величествъ и сокровищъ: но въ предлагаемомъ мною даръ, надъюсь я обръсти путь твоего сердца. О ты великій мужъ! ты посвящая свое щастіе блаженству моего народа, ты страдая единъ отъ самой той казни, отъ коей насъ избавляешь, уже довольно приносилъ ты себя добродътели на жертву. Ты о ближнихъ своихъ воздыхаешь; но Египетъ и Царь твой не хотятъ тебя лишитися. Возьми моя колесницы, да пріидетъ въ землю сію отецъ твой, и всѣ ближнія твои: я даю тебѣ, или паче возвращаю тебѣ землю содѣланную тобою, землю Гессенскую, плодоноснѣйшую во всемъ царствіи моемъ. Тако, въ объятіяхъ отца своего, будешь ты еще жезломъ престола моего, и всѣ тобой блаженны будемъ, я, народъ мой, ты и всѣ сродники твои."

Іосифъ, отъ мрачныя скорьби въ неизреченную преходя радость, повергается на землю предъ лицемъ царя своего, и объемля колѣна его: „ Истинно слово твое, рекъ онъ, что обрѣлъ ты путь сердца моего, и конечно не возмогъ ты драгоцѣннѣйшія мнѣ награды предложити . . . ." Слезы изъявляютъ

ютъ паче его благодарность. Потомъ спѣшитъ онъ къ братіямъ своимъ. Они уготовляли тогда тихо свое отшествіе, когда узрѣли его вдругъ текуща къ нимъ въ радостномъ восторгѣ: всѣ они объяты стали удивленіемъ. „Я не удерживаю васъ болѣе, рекъ онъ имъ, шествуйте не медля, спѣшите ко отцу моему . . . восхищеніе смущаетъ дыханіе мое . . . скажите вы ему, чтобъ онъ самъ пришелъ сюда, что сынъ его Іосифъ ожидаетъ его, что царь даетъ ему плодоносную Гессенскую землю, чтобъ пришелъ онъ сюда съ Селимою, Веніаминомъ, со всѣми дѣтьми и со внуками своими. Почто не можетъ онъ пренести съ собою весь домъ нашъ, сѣни наши, священный олтарь и гробницы праотцевъ нашихъ!" Сіе ему вѣщающу, братія его устремились въ его объятія, и восклицали радостно.

Тотчасъ избираетъ онъ колесницу Іакову и Селимѣ, и собираетъ множество другихъ для пришествія своихъ ближнихъ. Онъ награждаетъ дарами свою братію; горячность и щедрость его являются паче всѣхъ къ Веніамину, и пять колесницъ исполнены были драгоцѣн-

гоцѣннѣйшими произведеніями Египта, кои посылаетъ онъ отцу своему и возлюбленной. Онъ провождаетъ своихъ братій, обьемлетъ ихъ, и увѣщеваетъ ихъ согласіе хранити. Имѣя еще въ объятіяхъ своихъ Веніамина: „Не поразы, рекъ онъ ему, непоразы чувствительно сердца Іакова и Селимы; уготови ихъ къ сей благополучной вѣсти, да возмогутъ пренести они нечаянную радость, по толь долговременной печали." По скончаніи сихъ словъ, разлучается онъ съ возлюбленнымъ братомъ.

Съ исполненными слезъ очами, шествуетъ онъ ко вратамъ Мемфійскимъ, и тамо, продолжая супротивлятися гладу, трудами своими уменьшаетъ нѣжное свое сожалѣніе. Между тѣмъ Итуріилъ предпріемлетъ вдругъ и труды его наградити, и остановити чувствованія, кои толь великую силу надъ сердцемъ его воспріяли.

Іосифъ, проходя Египетъ и достигая до предѣловъ сего государства, гдѣ Нилъ съ высокихъ низвергается камней, восхотѣлъ познати изходище сея благотворныя рѣки, не изъ празднаго и безплод-

плоднаго любопытства, но желая возвыситися ко Творцу своему, испытывая природу. „Возвѣстите мнѣ, рекъ онъ провождающимъ его, въ коихъ мѣстахъ рѣка сія раждается, коими блаженными странами распространяетъ съ водами ея плодоносіе, почто, обильнѣе тѣхъ рѣкъ, кои въ нѣдрахъ своихъ злато сохраняютъ, становится Нилъ отцемъ изобилія, и подобенъ птицѣ покрывающей птенцы своя, произращаетъ онъ произведенія земли тоя, которую потопляетъ въ самое то время, когда другія рѣки разливаясь поля опустошаютъ.“ Отвѣщаютъ ему, что до сего времени Нилъ сокрываетъ свое начало толико, колико изъявляетъ себя своимъ благодѣяніемъ. Іосифъ устремилъ очи свои на сію рѣку, и естьли бъ присутствіе его не нужно было благополучію Египта, онъ одолѣлъ бы сіи камни и возшелъ бы къ рѣчному изходищу.

Препятствіями любопытство его возрастало часто шествуя по брѣгу, предается онъ симъ мыслямъ: тако чувствительная и великая душа, воззрѣвъ на природу, хощетъ парити до

нѣдръ Божества, до сего превѣчнаго начала, Океана всѣхъ существъ, коего преходящія волны спираются, и въ бездну времени протекаютъ. Сѣдящему на брегѣ Ниловомъ, обремененному трудами, и предавшемуся сну отяготившему очи его, Ангелъ Египта сіи слова вѣщаетъ. „Извѣстно мнѣ твое желаніе; душа твоя хощетъ испытати глубину природы, и видъ твоего любопытства есть едино изъ величайшихъ чудесъ ея: два славные побѣдители, (*) обагривъ всю землю кровію, возгорятъ равнымъ сему желаніемъ, и согласятся жертвовать свои царства и всѣ текущія подъ областію ихъ рѣки, единому преимуществу, видѣти Нилово изходище, и испытати вину его плодородія; толь познаніе земли сея превыше есть побѣдъ! Но я не удовлетворю ихъ желанію; почто природѣ сообщати таинства тѣмъ, кои стремятся къ ея разрушенію? Блаженны воды сіи текущія свободно въ толь дальнемъ отъ нихъ разстояніи, и необагряемыя человѣческою кровію, ліющеюся повсюду, куда токмо они приходятъ! О ты, коего душа болѣе истиннаго

(*) Александръ и Кесарь.

наго величества имѣетъ, и который не навлекая на землю казни, отвращаетъ оную, и надъ нею торжествуетъ, иди, послѣдуй на воздухъ за мною; природа хощетъ тебѣ открыти всѣ свои таинства."

Рекъ онъ, и чаетъ Іосифъ возвышатися по слѣдамъ сего духа; кажется ему, что земное тѣло отъ него отпадаетъ, и онъ облекается въ существо воздушное, въ сіе безсмертное одѣяніе безсмертныя душй; онъ взираетъ на воздухъ, какъ на такую стихію, гдѣ ему жити долженствуетъ, и быстрый полетъ орла упадающаго на агнца, не можетъ сравнитися съ быстротою сего теченія. Все, что онъ ни зритъ, все представляется ему толь истиннымъ природы изображеніемъ, что мечтаніе сіе ни мало не разнствовало съ вещественностію. Во единую минуту претекаютъ они Египетъ, знойную Еѳіопію, и остановляются въ Абиссиніи на камняхъ, кои возвышаяся до небесъ, кажутся хотящими сокрыти отъ всѣхъ заключаемыя въ себѣ сокровища. Тотчасъ пріятное журчаніе поражаетъ слухъ Іосифовъ, и онъ зритъ два чистые источ-

источники, текущіе изъ пещеръ окруженныхъ зеленью и цвѣтами: баснь, веселой кистію своею, не дала толь прелестнаго убѣжища Наядамъ: сіи оба источника стекаются въ единый пространный кладезь, который, ставъ вѣрнымъ небесъ зерцаломъ, представляетъ то быстрый бѣгъ облаковъ, ихъ сильное другъ о друга удареніе, и молніи ихъ раздирающія; то спокойную лазурь небеснаго свода, гдѣ подобныя бѣлой волнѣ летаютъ туда и сюда легкія облака̀, коихъ краи солнечными лучами позлащенны. Стада̀ не утоляютъ никогда въ сихъ водахъ жажды своея; вихри не возмущаютъ ея поверьхности, и ни единое несѣкомое не обрѣло тамо своего гроба: нынѣ спокойный зрится тутъ источникъ; но когда небесными водами бываетъ оный увеличенъ, тогда одолѣваетъ камни хотящіе сопротивитися его теченію, и становиться рѣкою, стремящеюся изъ предѣловъ своихъ, коея ревъ слышимъ вдали, и которая въ ярости своей ни единымъ оплотомъ не можетъ быти удержанна. Іосифъ, увѣренный о томъ, что зритъ Нилово изходище, устремляется

ляется на край кладезя, и онъ былъ первый смертный, коего образъ изобразили сіи чистыя воды.

„Не довольно сего, рекъ ему Ангелъ, что проникнулъ ты въ сіе мѣсто; ты зрѣлъ еще единую токмо поверьхность видовъ природы; иди, я хощу другія чудеса тебѣ открыти, приведъ тебя къ первому началу сего источника." Едва окончилъ онъ сіи слова, уже подъ стопами ихъ земля растворяется и они въ сей мрачный путь вступаютъ. Тако желающіе быти причастны таинству просвѣщенія * initiation *, когда оное не было еще баснею повреждено, скитались долгое время въ темныхъ безднахъ, чаяли касатися вратамъ адскимъ, слышати свистъ змѣй на лютыхъ фуріяхъ, зрѣти кровавыя свѣщи ихъ, и трeглавнаго Цербера изрыгающаго пламень. Прежде, подобно какъ въ жилищѣ смерти, является имъ густая нощь и тишина страшная: но чѣмъ далѣе шествуетъ Іосифъ, тѣмъ болѣе сіе явленіе премѣняется. Рѣки пламенныя съ ужаснымъ ревомъ текутъ у ногъ его; внезапу Океанъ низвергается на сей пламень, и вихри кажутся хотящими

щими терзати землю до самой ея внутренности, зрѣлище ужаснѣйшее, баснословныя борьбы Вулкана и Ксанѳа на поляхъ Троянскихъ; страшныя молніи блещутъ на волнахъ возмущенныхъ, и нощь и день быстро изчезаютъ; сравненная съ сею непогодою яростнѣйшая буря, есть подобіе тишины совершенныя: наконецъ глухій ревъ исходитъ изъ нѣдръ земли, отягченныя симъ сраженіемъ; она колеблется, разверзается, и въ дыму изрыгаетъ селитру, металлы и камни раскаленные.

Іосифъ не устрашается сего великаго зрѣлища. Между тѣмъ Итуріилъ пріемлетъ его руку и ведетъ въ мѣста злачныя, гдѣ огнь пріятнѣйшій солнца сіяетъ, и лучи его изъ средины земли испущенные, сѣмена жизни отверзаютъ. Тамо на драгоцѣнныхъ камняхъ текутъ съ согласнымъ журчаніемъ златые и сребреные источники, коихъ волны соединяются иногда безъ смѣшенія; сіяніе свое не помрачаютъ они просѣяваяся сквозь песокъ нечистый; яшмы и алмазы преломляютъ лучи огненные, помогающіе ихъ сотворенію. Тамо природа всю власть свою распро-

распространяя, созидаетъ дражайшія сѣмена существъ, кои съ водными ключами и металлами даже до поверхности земли протекаютъ. Тамо раждаются источники всѣхъ рѣкъ преходящихъ сію землю. Итурїилъ ведетъ Іосифа предъ изходище Нилово, и повѣдавъ ему о причинахъ его плодородія, являетъ ему безчисленное множество тѣлъ чувственныхъ движущихся въ нѣдрахъ его. Здѣсь Іосифъ избираетъ мѣсто отдохновенія, и ужѐ тягости столь труднаго пути болѣе онъ не ощущаетъ.

Наконецъ исходятъ они изъ сего мѣста, и зрятъ паки свѣтъ дневный. „Днесь, вѣщаетъ Ангелъ, зри облака̀ помогающія плодоносію Нила." Сіе ему изрекшу, возвышается онъ даже до небесъ, и подобенъ птенцу орлю пріобыкшему ввѣрятися воздушной пустотѣ, и равнющемуся орлу въ полетѣ, Іосифъ претекаетъ толикоеже разстояніе. Тамо зритъ онъ облака̀ набросанныя едино на другое, подобно безобразнымъ камнямъ или движущимся горамъ, равно какъ Осса на Пеликонѣ, во время осады небесъ изображается. Тамо Итуріилъ явля-

являетъ ему, какъ солнце вытягаетъ жидкую стихію, и полевыя сокровища, кои подверженныя всѣмъ солнечнымъ лучамъ, почерпаютъ въ ихъ пламени жаръ и жизнь, и плодоносною росою возвратно на землю упадаютъ.

По разсмотреніи всѣхъ сихъ видовъ: „Вождь Божественный! рекъ Іосифъ, приведши меня къ предѣламъ раздѣляющимъ небеса и землю, должно ль почитати сіи предѣлы, и можетъ ли дерзати смертный, возвышатися къ странамъ воздушнымъ?" Вѣщая сіи слова взираетъ онъ робкимъ видомъ на Ангела: но въ очахъ его зритъ онъ отвѣтъ благосклонный, и уже духъ воспарилъ обонъ полъ облакъ. Іосифъ не медлитъ за нимъ послѣдовать, а Итуріилъ подавъ ему руку свою, помогаетъ ему въ семъ быстромъ летѣніи. Они остановляются на единомъ созвѣздіи, кое кажется погруженно быти въ солнечномъ пламени. Тамо Ангелъ изъясняетъ юному смертному чудящемуся сіянію вселенныя, како небесныя тѣла, держащіяся собственною своею тягостію, движутся различно сохраняя равновѣсіе, текутъ величественно едино-

нос

ное къ другому, и въ непрестанномъ теченіи своемъ, повинуются двойственному закону притягающему ихъ и отпревающему. Оттолѣ превождаемый Итуріиломъ летитъ онъ къ той странѣ, гдѣ звѣзды кажутся касатися единая другой, толь щедрою рукою они насѣяны тамо. Наконецъ удаляются они отъ сихъ мѣстъ, и стремятся возвыситися до послѣднихъ предѣловъ міра, внезапу Божественное пѣніе издалека слышимое, поражаетъ слухъ Іосифовъ; въ самое то время зритъ онъ свѣтъ, коего сіяніе въ сравненіи съ пламенемъ всѣхъ возженныхъ на небеси свѣтилъ, помрачило бы оной такъ легко какъ солнце луну затмѣваетъ. „Остановимъ теченіе наше, рекъ Итуріилъ; не можетъ смертный приближитися къ сему другому міру; зримый тобою есть единая токмо тѣнь сего незерцаемаго; ты не далѣе стоишь отъ дому владычія, какъ земля стоитъ отъ насъ, и сіе пѣніе, коему внемлешь ты единымъ умирающимъ слухомъ, есть пѣніе безсмертныхъ." Ангелъ умолкаетъ. Іосифъ преклоняетъ слухъ свой: трепещущее сердце его, не можетъ пре-

носити

носити долѣе ни зрѣлища сего, ни того чувствованія, которое симъ сладостнымъ пѣніемъ въ немъ произведенно; восхищенный, ослѣпленный, и невидяй ни звѣздъ ни солнцевъ, сквозь коихъ Ангелъ направляетъ свой полетъ, предается онъ своему вождю, исходитъ до облакъ покрывающихъ наше полукружіе. Тамо, начиная познавати себя: „Великодушный толкователь природы! рекъ онъ, ты повѣдалъ мнѣ всѣ ея таинства; сія земля кажется въ очахъ моихъ малѣйшею точкою: между тѣмъ ни чудеса въ нѣдрахъ ея заключенныя, ни величество вселенныя не погасили во мнѣ чувствованія прилѣпленныя къ существу моему: скончай дѣло свое; удовольствуй толико сердце мое, колико ты просвѣтилъ мой разумъ; не возмогутъ ли помощію твоею, слабыя очи мои узрѣти домъ Іаковль?" По окончаніи сихъ словъ ощущаетъ онъ нѣкую вышнюю силу, оживляющую его очи, и зритъ ясно мѣсто своего рожденія, и отца своего сѣдяща съ Селимою предъ сѣнію своею; оба они поверженныя въ грусть слéзы проливаютъ. Смягченный Іосифъ простираетъ къ нимъ рукѝ, и

слéзы

слёзы изъ очей его ліются: но не возмогши пренести толь великаго смятенія, пробужается; все сокрылось отъ него, и видъ круговъ небесныхъ, и Ангелъ, и домъ родительскій; онъ обрѣтаетъ себя лежаща на брегѣ Ниловомъ, и землю орошенную слезами своими. Но Божественная сила распространяется въ сердцѣ его; разумъ его сталъ паче просвященный, и онъ возстаетъ для возпріятія трудовъ, посвященныхъ благосостоянію Египта.

Между тѣмъ Іаковъ ожидалъ съ нетерпѣніемъ сыновъ своихъ. Протекло время назначенное къ ихъ пришествію, и родительское сердце его исполнялося смущеніемъ; онъ щиталъ часы и минуты; сѣдящій съ Селимою на мѣстѣ слезамъ посвященномъ, и объемлемые равнымъ страхомъ, бесѣдовали они о Веніаминѣ. „Увы! вѣщалъ онъ часто, взирая на образъ Іосифовъ, можетъ быть отъ обоихъ сыновъ моихъ единый сей образъ мнѣ остается; можетъ быть, на семъ мѣстѣ буду я плакати о всѣхъ моихъ сынахъ!" Сіи были слова Іаковли. Тако юныя птицы призываютъ слабымъ гласомъ матерь свою, коя

въ дальнія страны отлетаетъ для исканія имъ пищи; вдругъ внемля ея гласу, и узрѣвъ ея сквозь вѣтвей парящу на высотѣ небесной, тоскливый гласъ свой премѣняютъ они на радостный, и младыми крыльями своими на срѣтеніе ей летѣти порываются.

Во единый день, когда Іаковъ и Селима изображали другъ другу тоску свою на томже мѣстѣ, внезапу услышанъ былъ во всемъ домѣ стукъ текущихъ колесницъ, и топотъ верьблюдовъ бѣгущихъ. Іаковъ умолкаетъ, преклоняетъ слухъ свой, и во ономъ шумѣ познаетъ онъ гласы сыновъ своихъ. Онъ возстаетъ, и хощетъ итти во срѣтеніе имъ, но вдругъ зритъ ихъ самихъ идущихъ къ его сѣни; нынѣ всѣ они дерзаютъ внити въ сіе убѣжище. Веніаминъ прежде всѣхъ устремляется въ объятія отца своего, который прижавъ его къ персямъ своимъ: „Когда я тебя узрѣлъ, рекъ онъ, я ни о чемъ болѣе небесъ не умоляю, и сниду во гробъ съ меньшею скорьбію.“ Онъ обьемлетъ потомъ всѣхъ своихъ сыновъ, и тѣмъ любезнѣе пріемлетъ Симеона,

чѣмъ

чѣмъ долѣе удаленъ онъ былъ отъ родительскаго дому. Селима узрѣвъ Веніамина восхищается. Между тѣмъ въ очахъ юнѣйшаго сына Іаковля сіяла чрезмѣрная радость; сколь ни старался онъ ея умѣрить, но вырываяся изъ сердца, исходила она на чело его, на лице и очи. „Дражайшій отче мой! Селима! рекъ онъ . . . Возвращеніе наше есть самая малѣйшая вина твоя радости, которую мы вамъ приносимъ нынѣ.“ „Но кое удовольствіе могъ бы я еще вкусити? отвѣщаетъ Іаковъ: или странствіе твое, любезный сынъ, разгнало прежнюю тоску твою? а я до нынѣ въ равной страдаю скорьби, и токмо возвращеніе ваше могло на нѣсколько остановити оную.“ „Иль не осталось, рекъ Веніаминъ, ни малой намъ надежды узрѣти Іосифа?“ „Увы! отвѣщаетъ старецъ, изчезла вся моя надежда, звѣри лютые отдаютъ ли когда корысть свою?“ „Не возмогъ ли онъ спасти себя отъ нихъ? . . .“ прерываетъ Веніаминъ, и очи его оживляются, и чувствованія, кои онъ хощетъ заключити въ душѣ своей, исходятъ на лице его, какъ солнечные лучи легкое про-

ницаютъ облако. „Естьли бъ не погибъ онъ, вѣщаетъ Іаковъ, не ужѐ ли бы небеса не возвратили его въ мои объятія? . . . Но кая радость исполняетъ твою душу? никогда не произносилъ ты имя Іосифово безъ пролитія слезъ: нынѣ . . . всѣ дѣти мои исполненны веселіемъ . . . . Я знаю, что Іосифъ въ тебѣ оживляется; но, увы! ужѐ нѣтъ его . . . или былъ ты болѣ насъ щастливъ, и видѣлъ тѣнь его? . . .“ Во время сея бесѣды, Селима воздыхая, устремила очи свои на образъ возлюбленный. Тогда Веніаминъ не возмогши своего восторга одолѣти: „Блаженъ отецъ мой! возопилъ онъ . . . тщетно хотѣлъ я тебя уготовити . . . собери силы свои пренести радость неизреченную; живъ сынъ твой Іосифъ.“ Въ тоже время всѣ сыны Іаковли возопили. „Живъ сынъ твой Іосифъ.“

Какъ гласъ Ангела остановившаго руку Авраама подъятую на сына его, вселилъ радость въ скорбящее сердце сего смущеннаго отца и оживилъ всю природу, стенящую о таковомъ жертвоприношеніи: тако сіи повторяемыя толикими устами слова, проницаютъ

сердце

сердце Іаковле и весь домъ его. Селима сильнѣйшимъ объята удивленіемъ, прерываетъ свои воздыханія, отвращаетъ вдругъ очи свои отъ образа Іосифова, восхищенна, но колеблющаяся между сомнѣніемъ и надеждою, пребываетъ она неподвижна, безгласна, простирающа рýки и устремляюща взоры свои на Веніамина, алкая проникнути всѣ словà, кои изъ устъ его изыдутъ. Но скоро Іаковъ не хотяй вѣрити сынамъ своимъ: „Не ужѐ ли вы старости моей ласкати восхотѣли, рекъ онъ, не ужѐ ли согласились вы симъ вымысломъ утѣшити послѣдніе дни моя? И ежели то такъ, оставьте вы меня слёзы проливати, мнѣ скорьбь моя любезна, и я предпочитаю ея увѣренію о такомъ щастіи, коего нѣтъ со мною . . . . . Естьли бъ живъ былъ Іосифъ, кто бы возмогъ удержати его удаленна отъ меня." „Онъ ожидаетъ тебя, отвѣщаетъ Веніаминъ; сей сильный и добродѣтельный мужъ, коего весь Египетъ почитаетъ, коего премудрость намъ была прославляема, который желалъ слышати о тебѣ и Селимѣ, который питалъ весь домъ нашъ,

возвратилъ злато наше, не возмогъ отпустити отъ себя всѣхъ твоихъ сыновъ, возжелалъ зрѣти меня . . . ." „Вѣщай! рекъ Іаковъ! скончай слово свое: Великій Боже! благословлю неисповѣдимыя судьбы твоя . . . ." „Сей мужъ, отвѣщаетъ Веніаминъ, сей есть сынъ твой Іосифъ."

По сихъ словахъ Селима возопила гласомъ радости: но не возмогши пренести своего восторгу, она блѣднѣетъ, упадаетъ, очи ея затворяются: тако сопротивляющійся долгое время свирѣпымъ вихрямъ цвѣтъ увядаетъ внезапно отъ луча солнечнаго: имя Іосифово къ жизни ея призываетъ. Но Іаковъ долгое время ни единаго слова не вѣщаетъ; поверженный въ глубокое молчаніе, и желая разгнати послѣднее облако, подъемлющееся въ душѣ его: „Возможно ль быть сему? рекъ онъ, великій Боже! возможно ль, чтобъ мнѣ возвращенъ былъ сынъ мой? . . . . Возлюбленные дѣти! я готовъ вѣрити словамъ вашимъ . . . хощу сего . . . но толь внезапная вѣсть . . . щастіе толь неожидаемое . . . прости, Веніаминъ, естьли я еще въ ономъ сумнѣваюсь.

Спра-

Страшусь увѣриться на толь малыхъ доказательствахъ: естьли же все сіе мечта, въ какую бездну я паки повержен буду! Многое велитъ мнѣ познавати сына моего въ Правителѣ Египта, но во многомъ не зрю я Іосифа. Какъ! онъ предпочтилъ намъ величество! уклонился въ чужую страну отъ отца своего и Селимы! оставилъ насъ проливати слезы, наслаждаясь самъ блаженною судьбою! отпустилъ васъ прежде не позная! не возвѣстилъ мнѣ о жизни своей! . . ."

„Пріиди, рекъ тогда Веніаминъ, виждь колесницы и дары тебѣ посланные. Онъ тебя въ Египетъ ожидаетъ; Царь даетъ тебѣ плодоносную Гессенскую землю. Всѣ твои сомнѣнія разгнанны будутъ. Богъ, приведши Іосифа къ престолу Фараонову, восхотѣлъ его тамо удержати; братъ мой долгое время нещастный, и возведенный наконецъ на чреду сію, послалъ къ намъ единаго изъ рабовъ, который погибъ на пути . . . Прочее увѣдаешь изъ собственныхъ устъ его . . . ."

Слово сіе прервалъ старецъ, который въ провожденіи Селимы и всѣхъ

своихъ дѣтей, приближается, поспѣшаетъ слабыми стопами, и выходитъ изъ сѣни своея. Но едва узрѣлъ онъ колесницу и дары Іосифовы, ужѐ радость неизреченная является на лицѣ его; онъ весь трепещетъ; возводитъ очи и ру́ки на небо, не произнося ни единаго сло́ва; нѣкія слёзы текутъ по лицу его. „Я ничего болѣе не желаю, рекъ онъ наконецъ, когда сынъ мой живъ, я иду, и узрю его прежде, нежели умру." Рекъ онъ, и внѣ себя отъ радости объемлетъ Селиму, которая въ восхищеніи своемъ прижимаетъ его къ трепещущей гру́ди своей: радость вселяется во весь домъ; жёны и младенцы исходятъ изъ сѣней своихъ, и сѣнь Іаковлю окружаютъ; имя Іосифово всѣми усты произносится; эхо повторяетъ сей блаженный гласъ. Всѣ идутъ, стѣсняются, каждый хощетъ быти свидѣтелемъ веселія старца и Селимы.

Но Іаковъ начавъ слово свое: „О возлюбленные дѣти! рекъ онъ, не хощу я возмущати нашего восторга! Сей день долженъ быти днемъ праздника нашего; я обрѣлъ сына моего, а вы своего брата: но въ безмѣрной нашей радости,

сти, забудемъ ли того, кто намъ возвратилъ его? Излишняя чувствительность можетъ преобратитися въ самую неблагодарность. Когда сердцà наши исполненны еще истиннымъ веселіемъ, пойдемъ пролити оное на олтарь Бога Авраамля, и не довольствуясь единымъ прошеніемъ начатковъ земныхъ благъ, предложимъ ему приношеніе сладчайшаго нашего чувствованія." По сихъ словахъ они отверзаютъ ему путь, и старецъ, провождаемый всѣми своими, величественными стопами удаляется отъ сѣни: вмѣсто радости, коей онъ предавался, видна была тогда на челѣ его спокойная ясность.

Среди всѣхъ пастырскихъ хижинъ дому Іаковля, кедры и пальмы, коихъ верьхи касались облакамъ, окружали въ пространномъ мѣстѣ и на единомъ холмѣ, олтарь, сотворенный отъ землѝ, и дерномъ покровенный; Авраамъ собственными руками своими поставилъ оный, и насадилъ древеса сіи; храмъ сей былъ его и Исааковъ, сквозь сихъ вѣтвей возвышалось къ небесамъ моленіе и куреніе ихъ жертвъ; хоръ любящихъ сіе уединеніе птицъ, воспѣвалъ

тутъ вѣчно сладостныя пѣсни. При вступленіи въ сіе мѣсто, понятіе о всевышнемъ Существѣ тамо обожаемомъ, простое и чистое ему приношеніе, воспоминаніе о почтенномъ начальникѣ сего служенія, древняя и священная сѣнь, гдѣ нѣкогда Ангели соединяли съ смертными гласы свои, вся природа свидѣтельница сему наиторжественнѣйшему человѣческому дѣйствію, и мысль о томъ, что во всемъ пространствѣ землѝ, и въ неищетномъ множествѣ храмовъ, сіе едино мѣсто посвященно Господу вселенныя, словомъ: все возбуждало тамо важныя чувствованія, и поражало дѹшу страхомъ благочестія.

Іаковъ восходитъ на холмъ, который вседневно орошаемый по его велѣнію, и охраняемый отъ умовъ небесныхъ, избавленъ былъ кáзни, сію страну опустошающей. Какъ тѣ страшныя горы, коихъ возвышающіеся выше облакъ верьхи, безопасны отъ водъ и грому, сохраняютъ подъ всегдашнею ясностію неба вѣчную зелень, когда подошвы ихъ льдомъ покровенны; тако здѣсь кедры и пальмы сохраняютъ дре-

древнюю сѣнь свою, олтарь одѣянъ былъ дерномъ и цвѣтами, зефиры казалися обитати въ семъ единомъ мѣстѣ, и всѣ птицы, убѣгая странъ опустошенныхъ, въ сіе пріятное убѣжище преселились. Въ средину онаго вступаетъ Іаковъ; по единую страну предстоитъ ему Селима, по другую юнѣйшій сынъ его, и всѣ ближніе его олтарь окружаютъ. Всѣ на долгій часъ умолкаютъ; каждый радость свою вперяетъ въ сердце свое; всѣ даже до младенцовъ подражаютъ благоговѣнію Іаковлю, который возвелъ очи свои на небо, и держа въ рукѣ своей козлище: „Боже Авраамовъ и Исааковъ! рекъ онъ: Ты еси Богъ Іаковль; ты возвращаешь веселіе дому нашему; ты оживляешь родительское сердце, пораженное скорьбію и лѣтами; ты мнѣ сына возвращаешь; сына, коего я оплакивалъ толь долго; ты исторгнулъ его отъ звѣрей лютыхъ; десница твоя извлекла его изъ гроба. Нынѣ молю тебя о единой токмо благости: да узрю я прежде смерти моея, да объиму сего возлюбленнаго сына! Пріими сіе свидѣтельство нашія общія благодарности, и послѣднюю жертву, въ сихъ мѣстахъ

тебѣ

шебѣ приносимую . . . . Цвѣшы! возсылайше къ небесамъ сладчайшее свое приношеніе! Пшицы! соединяйше со гласомъ моимъ пѣсни своя! Кедры! пальмы! изображайше радосшь мою своимъ шрепешаніемъ! Да поможешъ мнѣ вся природа! и вы дѣши мои! вы не будеше безчувсшвенны къ сему, примише и вы участіе въ моемъ восторгѣ!» Въ са́мое шо время поражаешъ онъ жершву; кровь шечешъ на олшарѣ, и радосшныя сле́зы ліюшся изъ очей сшарца, и соединяюшся съ жершвенною кровію. Тогда Селима, не возмогши заключаши болѣе чувсшвованія въ сердцѣ своемъ, просшираешся предъ олшаремъ, объемлешъ его, и возводишъ къ небесамъ свои взоры; усша ея безгласны; но благодарносшь никогда шоль сильно не изображалася; сле́зы ея орошаюшъ грудь ея, и съ куреніемъ жершвоприношенія восходящимъ до облакъ соединяешъ она чисшое приношеніе своихъ воздыханій. Между шѣмъ цвѣшы испущаюшъ аромашы свои, пшицы воспѣваюшъ нѣжныя пѣсни, кедры и пальмы движушъ свои вѣшвія, вся природа кажешся чувсшвенна къ восторгу ошца чадолюбиваго, и всѣ ближніе

ніе его произносятъ гласъ радостный. Но сердце Симеоново было возмущенно. „О небо! вѣщалъ онъ втайнѣ, достоинъ ли я приступити ко олтарю сему, и согласити моленіе мое съ моленіемъ добродѣтельнаго старца? Благословлю тебя исправившаго мои злодѣянія, и пославшаго радость въ сердца, исполненныя прежде горести виною моею. Но могу ль я надѣятися, что ты меня прощаешь, и что я вѣчно не буду раскаяніемъ терзатися!" Таковы были его моленія, и призывая небеса, не смѣлъ онъ возвести на нихъ очесъ своихъ.

По окончаніи жертвы, Іаковъ со всѣми своими, возвращается въ сѣнь свою. Тогда дѣти его, и ихъ младенцы, пріемлютъ въ руки своя дары Іосифовы, и приносятъ оныя отцу своему и Селимѣ, кои обнявъ сіи дары: „О день! блаженный день! возопили, день разнствующій неизреченно съ тѣмъ, въ который узрѣли мы окровавленную его одежду!" Потомъ Іаковъ уготовляетъ для всѣхъ своихъ великолѣпное пиршество; по отсудствіи сына своего онъ первый еще разъ созываетъ своихъ ближнихъ. Во время праздника сего

бесѣ-

бесѣдовали всѣ о единомъ Іосифѣ; старецъ усугубляетъ о немъ свои вопросы. Онъ хощетъ вѣдати, какимъ образомъ приведенъ сынъ его во Египетъ. Всѣ они умолкаютъ, и Симеонъ едва смущеніе свое таити можетъ. Рувимъ простеръ наконецъ слово свое: „ Іосифъ, рекъ онъ . . . . Безъ сомнѣнія не хотяй обновити скорьби нашея . . . мало вѣщалъ намъ о сихъ нещастныхъ временахъ . . . . Лютые варвары . . . поразивъ его многими удары . . . продали Мадіанитамъ . . . кои повлекли его въ неволю." Симеонъ блѣднѣетъ отъ сихъ словъ, Іаковъ и Селима воздыхаютъ. Ввечеру, вошедъ въ жилище свое Селима, остановляется предъ ковчегомъ хранящимъ ризу ея возлюбленнаго, она отверзаетъ его, и слезами радости нынѣ орошаетъ. Потомъ спѣшитъ она сняти кипарисъ, одѣвающій сѣнь ея, и сонъ приводя къ ней веселыя изображенія, прерываетъ смятенный восторгъ, коему предалося ея сердце.

Едва аврора луга освѣщати начинала, уже старецъ пробуждается веселіемъ души своея: онъ востаетъ, и желая единъ предатися толь новымъ

для

для него чувствованіямЪ, идетЪ вЪ рощу, стоящую близь сѣни своея. Размышляя обЪ Іосифѣ и ласкаяся надеждою узрѣти его, приходитЪ онЪ на мѣсто рощи тоя, которое священно было: тамо зримый былЪ единый великій камень: но тогда нечувствительнѣйшее твореніе природы было знáкомЪ благочестія. ВоззрѣвЪ на сей камень, воспоминаетЪ ІаковЪ о томЪ, что истребило изЪ памяти его радость и желаніе обняти Іосифа; приводитЪ онЪ на мысль свою, что на семЪ мѣстѣ явился ему АнгелЪ Господень, словà сіи вѣщая: „Землю сію дарованную БогомЪ Аврааму, даетЪ Господь тебѣ и сѣмени твоему. АнгелЪ сокрылся, а ІаковЪ изліялЪ масло и вино на оный камень. ОнЪ воспоминаетЪ о семЪ произшествіи, и кажется ему, что гласЪ безсмертный, слышимый еще во ушесахЪ его, повелѣваетЪ ему навсегда вЪ сей странѣ обитати. ВЪ сáмое то время чаетЪ онЪ внимати Аврааму вѣщающему тако: „Ты хощешь оставити сей домЪ, гдѣ утвердилЪ стопы моя Превѣчный, сей олтарь мною ему посвященный, сію сѣнь руками моими воздвигнутую, прахЪ мой,

мой, отца твоего и супруги твоея! кости твои возлѣ ихъ костей не опочіютъ! Что будутъ сіи многочисленные знаки Божія благости и нашего ему благодаренія? такъ все сіе исчезнетъ, и дѣти твои смѣшаются съ языческимъ народомъ! имя Божіе затмится на землѣ, и скитающаяся тѣнь моя тщетно искати будетъ моего племени и чтущихъ Превѣчнаго!"

Іаковъ вострепеталъ отъ сего изображенія: съ какою горячностію ни желаетъ онъ обняти Іосифа, и скончати при немъ свое теченіе, но вѣра имѣетъ болѣе владычества въ душѣ его, нежели родительская горячность. Между тѣмъ онъ воздыхаетъ, стенаетъ, и преклоненный на камень орошалъ его слезами вопія: „Іосифъ! Іосифъ! или обрѣлъ я тебя, не вкушая утѣшенія зрѣти тебя, или десница твоя не затворитъ очей моихъ?" Во время душевнаго его колебанія, приближается сквозь древесъ блестящій образъ; камень сталъ освященъ онымъ: чело его увѣнчанно было вѣнцемъ, который казался быти сложеннымъ изъ солнечныхъ лучей, а одежда его казалася истканна багряницею ража-

ждающейся авроры; злато и сафиръ на крыліяхъ его блистали; спокойное веселіе, подобіе вѣчныя весны на небесахъ царствующей, умножало красоту лица, и величество его особы. Старецъ подъемля очи, познаетъ Ангела явившагося ему на семъ самомъ мѣстѣ отъ Господа: онъ преклоняется предъ нимъ, и между тѣмъ страшится того, чтобъ велѣніе душу его возмущающее не было обновленно.

Отжени смятеніе души своея, рекъ ему Ангелъ, и окрестное эхо повторяло сладостный звукъ сего гласа; не прихожу осуждати твоего желанія: пріими на сей землѣ воздаяніе отъ Бога твоимъ добродѣтелямъ; предай сердце свое родительской любви; иди обняти сына своего. Вся вселенная есть храмъ Всевышняго; ты можешь повсюду воздвигати олтари ему, и взоръ сына твоего будетъ тебѣ и ближнимъ твоимъ сладчайшимъ знакомъ его благодѣянія. Иди, принеси ко престолу языческому, принеси служеніе чистое и священное Существу всевышнему; да распространится на полдень свѣтъ, востокъ просвѣтившш. Племя твое съ симъ

чуждимъ не соединится, и естьли ты еще сѣтуешь о семъ жилищѣ, то пріиди, послѣдуй на сей холмъ за мною, и я открою тебѣ будущее."

Старецъ повинуется, и возшедъ на высоту холма, обращаетъ очи свои на юдоль пространную. Онъ зритъ дѣтей своихъ умножившихся во Египтѣ, яко песокъ морскій, и колѣно Іосифово почтенно отъ Царей и отъ народовъ; внезапу востаетъ тираннъ приводящій оное въ неволю. „Такъ всѣ они подвергнутся судьбинѣ Іосифовой! возопилъ Іаковъ; но кто есть сей юноша красоты разительной утѣшающій ихъ, увѣщевающій и ободряющій? Онъ кажется быти не рабъ: но съ ними единаго языка!"

„Сей будетъ вторый Іосифъ, отвѣщаетъ Ангелъ; преданный отъ рожденія своего водамъ, и воспитанный во дворѣ Царскомъ, въ семъ Океанѣ паче всѣхъ водъ волнующемся, сокрушитъ онъ гордость ихъ, и будетъ спасителемъ народа своего. Нынѣ обрати сюда очи свои."

Тогда зритъ Іаковъ неизмѣримое море, коего возмущенныя волны до небесъ

небесъ восходили; но вдругъ настаетъ тишина велія, разверзается Океанъ, и движимыя во́лны отвердѣвъ, составляютъ съ обоихъ странъ изъ себя непоколебимую стѣну. Народъ многочисленный шествуетъ по пути сему. Іаковъ, познавъ своихъ потомковъ, ужасается. Скоро слухъ его пораженъ сталъ шумомъ трубъ и оружія: онъ взираетъ, и видитъ гордаго Царя сѣдяща на колесницѣ, предъидуща храброму своему воинству, гоняща племя Израилево; по всему мо́рю раздается звукъ отъ колесницъ, коней и страшнаго вопля; усугубляется страхъ Іакова. Но онъ зритъ дѣтей своихъ исходящихъ на брегъ, и Египтянъ въ морской еще пучинѣ готовящихся къ сраженію; внезапу гласъ Божій слышится на водахъ, и вихри носятся по онымъ быстрыми крылами: тотчасъ обѣ стѣны колеблются, и подобно зданію потрясшемуся во своемъ основаніи, во́лны съ великимъ шумомъ упадаютъ, соединяются и бездна сокрывается. Тогда изъ нѣдръ пучины, и сквозь шуму волнъ возмущенныхъ, возходятъ стенанія и вопль, и море во единую минуту покрывается

 остат-

остатками колесницЪ, оружія, коней и всадниковЪ борющихся сЪ водами. Между тѣмЪ сынове Авраамли воспѣвали на брегѣ пѣснь священную. ІаковЪ возведЪ очи и руки своя на небо, сЪ сею пѣснію свой соединяетЪ гласЪ.

Премѣняется явленіе, и онЪ зритЪ гору до облакЪ досязающую; отЪ воспаленной вершины ея исходятЪ молнія и громы; слышится священный гласЪ небесныя трубы, и все предЪявляетЪ присутствіе Божества истиннаго. Потомки Іаковли гору окружаютЪ. Вопрошаетъ онЪ, кое зрѣлище предстоитЪ его очамЪ. „Се вѣщаетЪ самЪ Превѣчный, рекЪ АнгелЪ; вѣщаетЪ онЪ законы впечатлѣнные имЪ вЪ сердца смертныхЪ, вЪ сердца движимыя яко воды: о естьли бЪ хотя нынѣ не забыли они его гласа!"

НаконецЪ ІаковЪ зритЪ племя свое возвратившееся вЪ жилище отцевЪ своихЪ; олтарь, поставленный рукою Авраама, премѣняется во храмЪ великолѣпный; народы притекаютЪ во множествѣ на сію священную гору, и онЪ познаетЪ мѣсто, на коемЪ были гробы праотцевЪ его. Едва отвращаетЪ онЪ око

свое

свое отъ сего вида, уже не зритъ болѣе Ангела: но исполненный радостiю сходитъ онъ съ холма, и повелѣваетъ сынамъ своимъ уготовлятися къ отшествiю.

Тотчасъ настаетъ смятенiе во всемъ домѣ: приготовляютъ колесницы. Тако слышенъ въ ульѣ шумъ юныхъ пчелъ, кои разверзая крылiя свои, оставляютъ мѣсто своего рожденiя, основати новое селенiе.

День весь въ сихъ трудахъ препровождается, и уже нощь распростирала по землѣ свои первыя тѣни, какъ Iаковъ, собравъ всѣхъ своихъ ближнихъ, повелѣваетъ имъ послѣдовать за собою.

Во исходѣ пастырскихъ хижинъ была прiятная роща, которую вихри почитали, гдѣ эхо гласу своего не произносило, и гдѣ все привлекало къ единому покою; всегда свѣжiй дернъ покрывалъ тамо землю, и безчисленные цвѣты вѣчно исполняли воздухъ своими ароматами. Авраамъ приходилъ часто въ сiю рощу для успокоенiя, и взирая на смерть, какъ на спокойный сонъ, оканчивающiйся прекраснымъ утромъ, избралъ

бралъ онъ сіе злачное мѣсто ко своему погребенію. Тамо зримы были древнѣйшіи гробъ его и Исаака: гордость не поставила столповъ на ономъ мѣстѣ, ни начертала надписанія; но вошедъ подъ сію тѣнь смертный объемлемъ былъ благоговѣніемъ; казалось, что самая добродѣтель, зрѣлася сѣдяща на сихъ гробницахъ, и самыя древеса, въ коихъ нѣкая часть сихъ священныхъ праховъ обращалася, были отъ всѣхъ почтенны.

Провождаемый всѣми своими, и несящи въ рукахъ своихъ цвѣты на олтарѣ собранные, Іаковъ приходитъ въ сіе мѣсто, орошаемое повсядневно по его велѣнію, и непострадавшее отъ всеобщія казни. Луна изливала пріятный свѣтъ свой сквозь тихія листвія: старецъ остановляется предъ гробомъ Авраама. „Тѣнь почтенная! рекъ онъ, и всѣ на долгій часъ умолкли; пріими послѣднее мое приношеніе; возродятся цвѣты, и ужѐ рука моя не разсыплетъ ихъ болѣе на сей гробницѣ. Разлучаюсь съ нею, видѣти сына моего, единое благо оставшееся мнѣ на сей землѣ, сына моего, въ которомъ твои обитаютъ добродѣ-

бродѣтели: но когда сонъ смерти затворитъ очи мои, тогда съ тобою соединюся, и прахъ мой съ твоимъ купно покоится будетъ." Рекъ онъ и трепещущими руками разсыпавъ цвѣты на гробѣ, оный обьемлетъ. Всѣ ближнiе его, и самые младенцы такожде прощаются со священнымъ прахомъ своего прародителя. Но когда Симеонъ приступаетъ къ сей гробницѣ, куда по злодѣянiи своемъ онъ еще не приходилъ, тогда подобенъ плѣннику, коего влекутъ на жертву ко гробу побѣдителя, блѣднѣетъ, трепещетъ, не смѣетъ обойти гробницу Авраама; но присутствiемъ отца своего и ближнихъ сталъ онъ принужденъ оное исполнить; преклоняется на гробъ, и вдругъ кажется ему, что оный колеблется, и его отреваетъ; вздымаются власы его, и онъ востаетъ ужасомъ обьятый.

Iаковъ со всѣми своими идетъ потомъ на гробъ Исаака, на коемъ такожде цвѣты разсыпая, возмущался духомъ. Наконецъ приходитъ онъ на мѣсто, на коемъ Рахиль погребенна. Онъ на единую минуту умолкаетъ; живѣйшее чувствованiе пронзаетъ его

 душу.

душу. „Возлюбленная супруга! рекЪ онЪ, я иду зрѣти сына твоего, истинное твое подобіе. О естьли бЪ прахЪ твой, ставЪ менѣе безчувственЪ, возмогЪ пріяти участіе вЪ веселіи моемЪ!" По сихЪ словахЪ преклоняется онЪ надЪ гробомЪ, и когда руки его цвѣтами оной усыпаютЪ, тогда онЪ слезами его орошаетЪ; потомЪ долгое время держитЪ его во своихЪ объятіяхЪ: всѣ ближніе его возмутились, и слезы текли изЪ очей Веніамина и Селимы. Удовлетворя симЪ пріятнымЪ чувствованіямЪ природы, устремляетЪ онЪ еще единожды взорЪ свой на сіи гробы и на сіе мирное уединеніе, вЪ коемЪ онЪ желалЪ бы пребывати, естьли бЪ не хотѣлЪ видѣти сына своего, и потомЪ вЪ сѣнь свою отходитЪ.

Нощь не скончала еще своего теченія, и Селима не возмогши ожидати часа назначеннаго ко отшествію, оставляетЪ одрЪ свой: молчаніе царствовало еще вЪ пастырскихЪ хижинахЪ: не хотя возмутить сонЪ Іаковль, приступаетЪ она тихо кЪ его обитанію, и вдругЪ зритЪ его оттуда исходяща. Она устремляется вЪ его объятія, и

скоро

скоро потомъ приходятъ всѣ его сыны, жены ихъ и младенцы со многочисленными колесницами.

Тогда Селима входитъ на единую минуту въ свое обитаніе. „Прости, рекла она, посвященное скорьби моей мѣсто; прости сѣнь, бывшая жилищемъ слезъ и сѣтованія: я не наслаждалася сіяніемъ твоимъ, и уже не для меня оживятся твои листвія; свидѣтельница моея печали, не будешь ты свидѣтельницею взаимныя радости нашея. Приміи послѣднія слезы извлеченныя воспоминаніемъ прежнія моея горести.“ Рекла, и очи ея омоченны были нѣкіими слезами. Но изшедъ изъ сѣни едва узрѣла она Іакова и Веніамина сѣдящихъ на колесницѣ, уже слезы ея стали осушенны; веселіе оживляетъ черты ея лица; она восходитъ спѣшно на колесницу по единую страну старца. Тогда всѣ ближніе Іакова такожде восходятъ. Всѣ двигнулись съ мѣста своего, и колесницы безчисленными стадами провождаемы были. Іаковъ взираетъ въ послѣдній разъ на сѣнь свою, и хотя шествуетъ онъ зрѣти сына своего, но не можетъ безъ жалости оставити жилище

отцевъ своихъ. Каждый смущенные очи обращаетъ на прежнее свое обиталіе. Воздыхаютъ мужи, и очи женъ исполняются слезами, а младенцы радуяся объ отшествіи своемъ въ чуждую страну, веселымъ гласомъ восклицаютъ; сіи смѣшенные звуки, соединенные со гласами ревущихъ воловъ, и овецъ блеющихъ, раздаются въ сѣняхъ опустѣвающихъ даже до самыхъ нѣдръ тѣхъ гробницъ, кои едины на мѣстѣ ономъ остаются.

Между тѣмъ Іосифъ ожидалъ съ нетерпѣніемъ пришествія ближнихъ своихъ. Какъ во время долгія и мрачныя нощи, претекающи движимые пески Африканскіе, и внемлющи единому грому смѣшенному съ рыканіемъ львовъ страшныхъ, узрѣвъ наконецъ лучи авроры, услыша гласъ человѣческій, и возшедъ на твердую землю, страшится еще, чтобъ оная подъ ногами его не обрушилась, чтобъ не ввергнулся онъ паки во мракъ нощи, и чтобъ лютые звѣри не похитили корысть свою: тако Іосифъ видяй многажды себя съ высоты блаженства низверженнаго въ бездну золъ, нѣкимъ объемлется страхомъ: колико уже

кратъ исторгнутъ онъ былъ отъ своихъ въ самую ту минуту, когда чаялъ онъ имѣти ихъ во своемъ объятіи! Дерзнетъ ли онъ вѣрити и нынѣ толь лестной надеждѣ, и можетъ ли онъ увѣренъ быть въ томъ, что щастіе его ничемъ не возмутится, и что наконецъ узритъ онъ себя возлюбленными своими окруженна?

Между тѣмъ во единое утро возстаетъ онъ съ радостію, каковую долгое время сердце его не ощущало, и Ангелъ летящій между небомъ и землею, и возвѣщающій скоряе славы рѣдкія добродѣтели и оныхъ награду, внушаетъ сіи слова Іосифу: „Приходитъ твой родитель." Въ ту самую минуту устремляется онъ съ одра своего, облекается въ одежду свою, повелѣваетъ колесницу себѣ уготовить, восходитъ на оную, и спѣшитъ въ поле на срѣтеніе родителю. Когда быстро катится колесница, тогда онъ алчный взоръ свой вдаль устремляетъ. Наконецъ гласы многочисленнаго стада поражаютъ слухъ его, и въ концѣ горизонта зритъ онъ густое пыли облако: какъ нѣкое божество, во облачныхъ нѣ-

нѣдрахъ снисходитъ съ небесъ на помощь смертнымъ, тако Іаковъ со всѣми своими приближается. Тогда летятъ быстро кони Іосифовы: очи его хотятъ проникнуть сквозь пыль, сокрывающую отъ него возлюбленные ему виды: сердце его трепещетъ, и самыя малѣйшія препятствія нетерпѣніе его раздражаютъ. Но прешедъ разстояніе, разлучающее его съ своими, входитъ онъ во облако, и можетъ хотя слабо различити отъ прочихъ отца своего и возлюбленную, онъ спѣшно сходитъ съ колесницы, и бѣжитъ къ Селимѣ текущей на срѣтеніе его. Нѣсколько минутъ остается онъ во объятіяхъ ея, но сыновняя горячность любовь одолѣваетъ; они отторгаются другъ отъ друга, и вспомоществуя Іакову негодующему на медленность своея старости, сводятъ его съ колесницы. Тогда всѣ трое соплетя руки своя, какъ единою душею оживотворялись, соединяли долгое время воздыханія свои, слёзы и слова прерывающіяся. Іаковъ, не оставляя имѣти въ рукахъ своихъ дражайшаго сына, возводитъ къ небесамъ очи, въ коихъ сердечная сіяетъ благодарность.

ность. „Великій Боже! возопилъ онъ… Такъ истинно сіе… Такъ я непустый уже образъ сына моего объемлю… я умру доволенъ." По сихъ словахъ Іосифъ съ большею силою объемлетъ старца: противясь толикимъ бѣдствіямъ, готовъ онъ былъ пасти подъ бременемъ веселія; онъ въ восторгѣ произноситъ сладчайшія имена отца и супруги, и чувствованія любви и дѣтской горячности, не ослабѣвая, соединяются въ душѣ его. Селима безгласна, трепеща, восторгомъ изумленна была въ объятіяхъ Іосифа; видно было біющееся сердце ея; едва отъ радости могла она дышати; то слёзы ея лилися рѣкою; то вдругъ они остановлялись, и вся ея чувствительность вперенна была во внутренность души ея. Не выпускали они изъ рукъ единъ другаго, какъ бы страшася каждый лишитися еще толь любезнаго ему вида. Между тѣмъ окружены они были всѣми ближними своими, кои взирали смущенными очами на сіе нѣжное зрѣлище. Наконецъ они отторгаются отъ сихъ пріятныхъ узъ, и взираютъ другъ на друга съ изображеніемъ истинныя горячности: скоро потомъ возобновляютъ они свои объ-

ятія: Іосифъ отъ отца своего къ своей возлюбленной преходитъ, и паки къ старцу возвращается. Когда удовлетворилъ онъ сему первому восторгу, тогда шествуетъ онъ къ ближнимъ своимъ; повсюду зритъ онъ или братей, или женъ ихъ, или ихъ отраслей: онъ нетерпѣнію ихъ угождаетъ; единая его чувствительность можетъ довольна быти на толь долгое изъявленіе дружества; слышенъ былъ шумъ пріятный, соединенный съ радостнымъ крикомъ. Іаковъ и Селима были свидѣтелями сего общаго удовольствія, кое на челахъ ихъ такъ изображалось, какъ солнечные лучи во глубинѣ водной сіяютъ.

Но Іосифъ, соединяся съ отцемъ своимъ и Селимою, возводитъ ихъ на свою колесницу, и самъ на оную восходитъ; всѣ пріемлютъ паки мѣста свои, и шествуютъ къ Мемфису. По прибытіи ихъ туда, народы отъ концевъ Египта стекаются зрѣти почтеннаго старца, рождшаго избавителя сего государства: Царь хощетъ самъ нѣкое ему воздати приношеніе, и сынъ приводитъ Іакова предъ тронъ своего Государя. Украшенный сѣдыми власами и

и добродѣтельми своими, обращаетъ на себя старецъ вниманіе Монарха, и пріемлетъ отъ него дань почитанія.

Іаковъ благословляетъ Царя, который о лѣтахъ его вопрошаетъ: „Я странствую, отвѣщаетъ онъ, сто тридесять лѣтъ; время жизни моей кратко и прискорбно, и не сравнилося со временемъ жизни отцевъ моихъ."

Между тѣмъ Египетъ достигаетъ до конца своего бѣдствія, и природа начинаетъ украшатися всѣми прелестьми своими, какъ бы для торжества сего блаженнѣйшаго брака. Отверзаются небеса и посылаютъ на землю свое благословеніе: снисходитъ Ангелъ, служитель ихъ благодѣянія: онъ повелѣваетъ облакамъ и бури: Ливійскіе вихри заключаются, и съ полудня приближается величественно долгій рядъ облаковъ, приносящихъ изобиліе. По семъ щастливомъ знакѣ ходатай Египта прилетаетъ паки ко исходищу Нилову. Тогда потоки, подобные многимъ рѣкамъ соединеннымъ, съ небесъ упадаютъ: уже въ нѣдрахъ дикихъ камней текутъ благотворящія воды, умножаясь всеминутно; воспріемлютъ они прежній

путь

путь свой; скоро народы ближайшіе къ порогамъ ощущаютъ колебаніе земли, и внимаютъ страшному шуму, равно какъ бы нѣкое созвѣздіе ударило въ потрясшейся шаръ нашъ. Вдругъ они объемлются страхомъ; но узрѣвъ низринувшійся Нилъ во свои знойные предѣлы, ужасъ свой на радость премѣняютъ; чѣмъ ближе онъ притекаетъ, тѣмъ съ большимъ крикомъ радости народы его пріемлютъ. Нынѣ онъ воздымается, побѣждаетъ свои предѣлы, и алкая орошати землю толь долго имъ оставленную, проливаетъ онъ повсюду свои быстрыя во́ды: весь Египетъ есть пространное море, на коемъ подобны малымъ островамъ, зримы были грады и пастырьскія хижины. Едва рѣка входитъ въ предѣлы свои, ужѐ цвѣты и тра́вы возрастаютъ; оживляется Египетъ, и можно бы рещи, что исходитъ онъ изъ водъ украшенный всею красотою, тако изображаютъ царицу любви украшенну всѣми ея прелестьми, исходящую изъ водъ, гдѣ она родилась. Народы взираютъ съ восхищеніемъ на зрѣлище сіе: ужѐ птицы прилетаютъ паки въ оживленныя рощи; ужѐ стада

стада̀ исходятъ на луга̀; все торжествуетъ сїе обновленїе природы, и человѣкъ пѣсни свои съ ихъ гласомъ соединяетъ.

Тогда Іосифъ, коему Египтяне поручили зе́мли свои и все имѣнїе, возвращаетъ оное первымъ ихъ владѣтелямъ; бывый самъ рабомъ и познавъ права человѣчества, не хощетъ онъ покорити цѣлыя народы; онъ вѣдаетъ, что безопасность престола и щастїе людей состоитъ во блаженномъ согласїи власти съ вольностїю; возвращаетъ имъ стада̀ ихъ и всѣ сокровища, коихъ былъ онъ толь долгое время божествомъ сохраняющимъ.

Пото́мъ, съ согласїя Пентефрїева, хощетъ онъ прежнихъ своихъ союзниковъ изъ неволи свободити: но съ того времени, какъ возмогъ онъ облегчити ихъ судьбину, предпочитаютъ они ея вышшему состоянїю; они усердствуютъ господину своему; любятъ стада̀ свои, и ужѐ очи ихъ на цвѣтущїя поля̀ обращаются.

Удо́влетворя своему долгу, предается онъ сладчайшимъ чувствованїямъ. Ужѐ уединенная сѣнь его, гдѣ онъ свои оплакивалъ нещастїя, покрывается зеле-

нымъ листвіемъ; друзья его посвящають украшенію сего жилища первые цвѣты, кои въ сей странѣ произрастають; тамо хощетъ онъ заключити узы своего брака, приведъ туда ближнихъ своихъ внемлетъ онъ симъ словамъ Селимы: „Почто не можемъ мы содѣлати сей благополучный союзъ во брачной сѣни, приготовленной руками твоими въ родительскомъ домѣ!" Іосифъ на сіе ей не отвѣщаетъ: но когда они вошли въ рощу, тогда Селима пріятнымъ удивленіемъ стала пораженна, видя сѣни тоя совершенное подобіе. Іаковъ упадаетъ ницъ предъ олтаремъ воспоминающимъ ему олтарь Авраама.

Между тѣмъ отводитъ онъ отъ всѣхъ Іосифа и Селиму: „Возлюбленный мой сынъ, рекъ онъ, для тебя оставилъ я отцевъ моихъ жилище; я не скорблю о томъ, я узрѣлъ тебя; последніе мои дни тобою оживленные, посвященны будутъ тебѣ, подобно впадающему въ море источнику, который совращаетъ на единую минуту свое теченіе, веселый оросити лугъ. Но когда рука твоя затворитъ мои очи, почто быти мнѣ въ чуждой землѣ погребен-

гребенну? Обѣщай мнѣ въ сей торжественный день, обѣщай пренести туда прахъ мой, гдѣ покоится прахъ Аврама, Исаака и Рахили, дабы нѣкогда возможно было намъ востати купно отъ персти земныя . . . . Но сердце твое не предъузнаетъ ли моего желанія?" . . . „Такъ, отвѣщаетъ Іосифъ, исполня слезами свои очи . . . Воздавъ тебѣ сей послѣдній долгъ . . . обѣщаю я, что смерть не долго насъ разлучитъ; хощу, чтобъ удаленный отъ пирамидъ и великолѣпныхъ Египетскихъ гробницъ, прахъ мой положенъ былъ возлѣ священныхъ гробовъ моихъ праотцевъ . . . возлѣ твоего гроба . . . Тако не буду я исторгнутъ во вѣки отъ родительскаго дому, и когда разверзнется земля возвратити насъ свѣту, тогда встрѣтятся первые взоры наши, и я во твои объятія устремлюся." Селима и старецъ отъ сихъ словъ смягчаются. Потомъ вопрошаетъ онъ сына своего о приключеніи приведшемъ его во Египетъ. „Вѣщай, рекъ онъ ему, и удовлетвори наконецъ моему желанію. Не страшися зрѣти текущія слезы мои; они послѣднія изъ очей моихъ про-

прольются, и ужѐ сердце мое единое чувствованіе радости вкушати будешЪ."

ІосифЪ возмутился: языкЪ его едва могЪ на притворство преклониться, какЪ вдругЪ исходитЪ СимеонЪ изЪ рощи, гдѣ сЪ братіями своими внималЪ онЪ сей бесѣдѣ, и простирается кЪ ногамЪ старца: нѣкое время пребываетЪ онЪ безгласенЪ; трепещетЪ, и отЪ слезЪ едва дыхати можетЪ. ІаковЪ и Селима взираютЪ на Іосифа, который устрашась дѣйствіемЪ брата своего, удержать его хощетЪ. Но СимеонЪ прервавЪ молчаніе: „Тщетно твое стараніе, рекЪ онЪ, ты простилЪ меня; но я болѣе не могу снести раскаянія моего, естьли не простятЪ мнѣ родитель и Селима. ОтецЪ злощастный! коего спѣшилЪ я низвергнути во гробЪ, ты хощешь знать который ва́рварЪ поразилЪ твоего сына, ты зришь его передЪ собою . . . ." ІаковЪ блѣднѣетЪ. Тогда ІосифЪ упадаетЪ кЪ ногамЪ его, и гласомЪ и слезами своими испрашиваетЪ прощеніе брату своему. „Великій Боже! возопилЪ старецЪ, я могЪ родить таковаго сына!" Но зря сле́зы Іосифа и раскаяніе нещастнаго Симеона, кото-

который простершись на землю, и не смѣя возвести очей своихъ, стеналъ и вопіялъ, подаетъ ему руку. „Возстани, рекъ онъ ему, послѣдуя брату твоему, я тебя прощаю." Селима тожъ ему вѣщаетъ. Востаетъ Симеонъ; не смѣетъ еще приступити ко отцу своему, но Іосифъ приводитъ его во объятія Іакова.

Тогда ужѐ ничто веселія ихъ не возмущаетъ. Они шествуютъ предъ сѣнь брачную, гдѣ ожидало ихъ сельское пиршество. Пентефрій, Итобалъ и пастыри къ оному приглашаются; всѣ пріяли мѣста̀ свои окрестъ великія трапезы: посредѣ былъ сѣдяй Іосифъ и Селима во брачномъ одѣяніи, и старецъ, коего сѣдые власы цвѣтами были увѣнчанны, всѣ предаются веселію; самъ Симеонъ забываетъ свое раскаяніе. Во время торжества Селима предлагаетъ Іосифу лиру, содѣланную имъ, праздновати бракъ свой, и которая руками супруги его обѣшена была на вѣтвяхъ кипарисныхъ. Тогда царствуетъ глубокое молчаніе. Іосифъ воспѣлъ сіи слова, прерываемыя часто его восхищеніемъ. „Долгое время мракомъ смерти покровенный, и какъ бы во гробѣ заключен-

ключенный, я болѣе ужѐ не воспѣвалъ, и подобенъ жалующимся тѣнямъ, стеналъ и воздыхалъ; цвѣты распускаясь исполняли воздухъ сладчайшимъ своимъ благоуханіемъ, и гласъ мой не прославлялъ оное; аврора украшалася прелестными цвѣтами, и я нечувственъ пребылъ; казалось, что цвѣты окружали хладный прахъ мой, и что аврора гробъ мой освящала . . . Но, о превѣчный! ты разгоняешь мракъ смерти, ты меня къ жизни призываешь, ты отверзаешь уста мои, и влагаешь лиру въ рȢки мои.... Пріими первый звукъ ея посвященный мною веселію: тщетно пустыни и гóры разлучали меня отъ моихъ возлюбленныхъ, ты сокрылъ пустыни и уравнилъ гóры: лѣсà преклоняютъ предъ тобою свои гордые верьхи; ревущій Океанъ отъ гласу твоего остановляется; речешь и звѣзды совращаютъ теченіе свое; вся природа обращается въ ничто, и паки велѣніемъ твоимъ оживляется . . . . Источникъ радости! ты сердце мое исполняешь; я окруженъ всѣмъ тѣмъ, что мнѣ любезно; куда ни обращаются очи мои, вездѣ стрѣтаю я или отца, или супругу, или любящихъ меня братій,

тій, или возлюбленныхъ друзей моихъ. Роща уединенная! гдѣ нѣкогда чаялъ я видѣти ихъ образъ, нынѣ не мечта взоръ мой обольщаетъ, я зрю Іакова, Селиму, Веніамина и всѣхъ моихъ ближнихъ . . . . Сѣнь скорьби посвященная! ты во брачную сѣнь стала превращенна. Листвія орошенныя слезами моими! трепещите отъ радости. Стада пріявшія въ печали моей участіе, играйте нынѣ . . . . а ты, лира, обѣшенная на плачевномъ древѣ, внуши брачныя пѣсни въ сей веселый день; кипарисъ въ миртъ преобращается; струны твои прославятъ не сіяніе величества, не пышность престола, но добродѣтели Іакова, прелести Селимы, сладость братскія любви, дружество, цвѣты, источники, рощи, и все то, что нынѣ блаженству моему спомоществуетъ."

По сей пѣсни слезы радости изъ всѣхъ очей ліются. Сердца Іакова и Селимы, неслышавшихъ толь долгое время Іосифова гласа, плѣняются онымъ неизреченно. По окончаніи пиршества, оба супруга ведомы были въ сѣнь на одръ усыпанной благоуханными цвѣтами, гдѣ въ объятіяхъ другъ друга забы-

забываютъ всѣ свои бѣдствія. Между тѣмъ луна посылаетъ лучи свои сквозь листвія; птицы, о снѣ не помышляя, собираяся на вѣтвіяхъ составляющихъ сіе жилище, восхищеніе ихъ воспѣваютъ, и Нилъ течетъ пріятно предъ сими блаженными мѣстами.

По нѣкіихъ дняхъ проведенныхъ въ сей рощѣ, приводитъ Іосифъ всѣхъ своихъ ближнихъ въ веселую Гессенскую страну. Естьли бъ послѣдовалъ онъ единому сердцу своему, то жилъ бы въ сихъ спокойныхъ мѣстахъ со Іаковомъ; рука его воспріяла бы посохъ, и изъ чертоговъ своихъ снизшелъ бы онъ въ сѣнь простую: но безчувственъ къ гордынѣ и любочестію, не можетъ онъ быти таковымъ къ моленію царя своего, и къ слезамъ цѣлаго Египта. Онъ остается на чредѣ, на кою возвышенъ былъ, и возвращается въ Мемфисъ съ Селимою. Оба они препоручаютъ Іакова Веніамину, и часто желая по важныхъ трудахъ насладитися спокойствомъ, приходитъ онъ во объятія своего родителя.

КОНЕЦЪ.

ПОГРѢШНОСТИ

стран.	Напечатано.	Читай.	строк.
8.	предупреждали - -	предупреждало - -	10.
	унынїя, ведомый -	унынїя. Ведомый -	23.
9.	воинъ - - - -	воинъ, - - -	11.
27.	мїра - - - -	мира - - - -	4.
31.	посвященный, повѣтствуютъ, - -	посвященный. Повѣтствуютъ - -	26.
45.	неприметно. Отецъ	неприметно, отецъ -	7.
75.	но горячность сердца моего возвратила	но воспоминанїе сердцу моему любезное возвратило - - -	6.
79.	дому - - -	долгу - - - -	7.

